

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНІЙ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἑνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ

~~~~~
КНИГА ПЕРВАЯ.

—•—•—•—•—•—•—
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.
1906.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ¹⁾,

БЕСѢДА I,

сказанная въ церкви мучениковъ, у „древней скалы“, когда вслѣдствіе дождя собралось немного,—о томъ, что должно постоянно приходить (въ церковь), и что пребывающимъ во грѣхахъ нельзя пренебрегать своимъ спасеніемъ, но (нужно) выражать свое покаяніе.

- 461 1. Что это? Нужно бы цѣлому городу быть здѣсь сегодня, а къ намъ не пришла даже малая часть. Можетъ быть повинны грязь и дождь? Нѣтъ,—не грязь, а безпечность и упадокъ духа. Чѣмъ могутъ извиниться оставшіеся, когда мученики пренебрегли даже самою жизнью своею, а они не рѣшились (пренебречь) грязью, чтобы придти? Какъ мнѣ ублажать васъ, пришедшихъ? Какъ изобразить несчастіе тѣхъ, оставшихся,—(несчастіе) и по отсутствію ихъ, и по причинѣ этого отсутствія? Очевидно, они лишили себя этого прекраснаго праздника, приковавшись къ житейскимъ заботамъ и уцѣпившись за всесквернящую, очень

¹⁾ Нижеслѣдующія одиннадцать бесѣдъ изданы у Миня по списку, поступившему въ Ватиканскую библіотеку или съ горы Аѳона, или съ о. Патмоса. Несомнѣнно, что онѣ всѣ были произнесены святителемъ въ Константинополѣ, въ 398 и 399 годы, и въ такомъ порядкѣ, въ какомъ издаются. Въ частности, первая бесѣда была произнесена въ церкви мучениковъ, называвшейся тогда *Ἐν παλαιῇ πέτρῃ*. Точное мѣсто этой церкви неизвѣстно. Въ первой бесѣдѣ замѣчено, что не прошло еще 30-ти дней отъ начала огромнаго землетрясенія, случившагося въ Константинополѣ. Это было въ 398 году. Иными, впрочемъ, землетрясеніе понимается въ смыслъ паденія Евтропія, и время бесѣды отодвигается къ 399 году.

силую у нихъ, страсть къ наживѣ. Но если даже нѣтъ ихъ здѣсь, нужно говорить (къ нимъ) и отсутствующимъ,—очевидно, чрезъ васъ, присутствующихъ, они услышатъ это. Доколѣ это неистовство наживы? Доколѣ эта неугасимая печь будетъ все наступать и пожигать? Развѣ вы не знаете, что этотъ пламень производитъ тотъ неугасимый огонь, (что) это изнуреніе рождаетъ того ядовитаго червя? Если ты пренебрегаешь геенною, и твоего ума не потрясаютъ эти слова, такъ какъ наказаніе еще въ будущемъ, то пусть бы тебя убѣдило настоящее. Развѣ вамъ неизвѣстно, въ какомъ плодѣ¹⁾ выразилось недавно любостяжаніе? Не предъ вашими ли глазами память этого? Не свѣжо ли доказательство такой гибели? Весь городъ нашъ наполненъ остатками того кораблекрушенія; и, какъ 'во время потопленія великаго корабля, куда бы ты ни отошелъ, кто доску, кто весло, кто парусъ, кто какую-либо часть поклажи, спасши, держитъ и вертитъ во всѣ стороны, такъ (было) и во время недавно поднявшагося здѣсь землетрясенія: владѣвшіе кто домомъ, кто полями, кто рабами, кто серебромъ, кто золотомъ,—они сдѣлали изъ себя широкое арѣлище несчастія, и устроили, чтобы всюду разсѣялись воспоминанія смятенія. И иной, проводши безсонныя ночи, перенесши безчисленные труды и опасности, собравши такимъ корыстолюбіемъ столько грѣховъ,—(какъ) бездомникъ и внѣ города, сталъ бѣглецомъ на чужбинѣ, нуждается въ необходимомъ питаніи, и видитъ, что надъ нимъ ежедневно виситъ крайняя опасность, воображаетъ себѣ мечи, палачей и пропасти, живетъ жизнью тяжчайшею безчисленныхъ смертей; другіе наслаждаются его имуществомъ, и до этого льстившіе ему коварствуютъ теперь. 408
Этого ли недостаточно, чтобы даже совсѣмъ тупой вразумился? Но послѣ такого бѣдствія, послѣ такого ненастья, послѣ такой гибели, послѣ такого переворота, и столь недавняго, что онъ еще предъ глазами, не прошло еще цѣлыхъ тридцати дней²⁾, — вы опять такъ безумствуете? И какъ вы можете извиниться, или чѣмъ оправдаться? И не только безумствуете, но даже не приходите, чтобы узнать объ этомъ самомъ. Какъ бы къ присутствующимъ я говорю къ отсутствующимъ,—подъ тяжестью своей большой скорби,—что они не дѣлаются лучше ни по страху за будущее, ни опытомъ настоя-

¹⁾ Плодомъ святителя называется паденіе Евтропія, который почти за 30-ть дней до настоящаго момента былъ лишенъ своего высокаго положенія.

²⁾ У Мины замѣчено: въ аллегорическомъ смыслѣ говорится о паденіи Евтропія; послѣдній былъ сосланъ въ 399 году, въ концѣ августа, а бесѣда была сказана спустя почти 30-ть дней послѣ этого событія; слѣдов., въ концѣ сент. того же года, т. е., 399.

шаго; но, хищничая, корыстолюбствуя, они какъ бы черви въ какомъ-нибудь навозѣ, отгороженные и зарывшіеся въ кучѣ этихъ заботъ, не стараются даже всего одинъ разъ въ недѣлю приходить, чтобы узнать—гдѣ они. Какъ горячечные не могутъ сами видѣть, въ какомъ они состояніи, но нужны для нихъ врачи, которые бы освободили ихъ отъ бѣснованія, такъ и одержимые тяжкимъ бѣшенствомъ наживы нуждаются въ своихъ учителяхъ, чтобы имъ узнать, что они бѣснуются. Вслѣдствіе этого особенно я ихъ прошу, убѣждаю и умоляю приходить къ намъ, и брать себѣ врачество отъ этого слова. У меня нѣтъ заостреннаго желѣза, но есть слово,—острѣе желѣза; нѣтъ огня, ни ѣдкаго врачества, но есть слова,—горячѣе огня, и доставляющія безъ боли врачеваніе.

2. Изъ-за чего ты убѣгаешь, скажи мнѣ, и не выражаешь относительно своей души столько же попеченія, сколько бережешь свою плоть? Когда плоть въ худомъ состояніи, ты и деньги издерживаешь, и даже, если нужно занять, все отдаешь подъ залогъ,—и врачамъ, если они захотятъ рѣзать, даже жечь, ты предоставляешь свое тѣло съ полною готовностію дѣлать, чего бы они ни пожелали; а когда въ душѣ источники червей, ты—скажи мнѣ—не идешь послушать слова, очищающаго отъ гнили, хотя для этого тебѣ не нужно ни денегъ тратить, ни переносить такую боль, но предаешь самого себя полной гибели? И чѣмъ по достоинству въ этомъ извинишься? Если бы я говорилъ: корыстолюбецъ, хищникъ, блудникъ, прелюбодѣй пусть не вступаютъ въ церковь; если бы гналъ и преслѣдовалъ всѣхъ грѣшниковъ,—то и тогда особенной не было бы отговорки, потому что нужно вступать очищенному; но сейчасъ не говорю даже этого, но: хотя бы ты совершилъ блудъ, хотя прелюбодѣйствуешь, хотя хищничаешь, хотя корыстолюбствуешь,— вступи въ церковь, чтобы узнать тебѣ, что не нужно впредь дѣлать это; влеку всѣхъ и притягиваю къ себѣ, и, распростерши отовсюду сѣть слова, хочу захватить ея не здоровыхъ (только), но и болѣющихъ. Каждый день я говорю: приди и врачуйся со мною, потому что, врачуя, и я нуждаюсь во врачествѣ, потому что я человѣкъ, и подлежу съ тобою страстямъ той же самой природы, нуждаюсь въ словахъ, обуздывающихъ безпорядочную уаду; и я не живу жизнью беззаботною, тихою и невозмутимою, но и у меня самого есть шумъ страсти и смятеніе волнъ. Впрочемъ зачѣмъ говорить (это) мнѣ или кому бы то ни было, когда именно достигшій небесъ Павелъ,—даже онъ нуждался во многомъ врачеваніи. Что онъ нуждался, это онъ сдѣлалъ для насъ очевиднымъ; даже онъ самъ не жилъ жизнью беззаботною, но было у него много борьбы;

почему онъ и говорилъ: *умерщвляю тѣло мое и работаю, да не како, инымъ проповѣдую, самъ неключимъ буду* (1 Кор. ix, 27). А умерщвлялъ онъ то, что возставало (противъ него), и поработалъ то, что желало быть въ разнузданности; и другихъ потому онъ увѣщевалъ, говоря: *мняйся стояти, да блюдется, да не падеть* (1 Кор. x, 12). Но если Павелъ не наслаждался спокойствіемъ, но, какъ обуреваемъ моремъ, видѣлъ много отовсюду поднимающихся волнъ, то кто осмѣлится говорить, что ему не нужно исправленія, врачеванія и непрывнаго бодрствованія?

Итакъ, приди и врачуйся со мною, учителемъ своимъ. Если ты здоровъ, то даже изъ-за этого приходи, чтобы сдѣлаться здоровѣе; слово, которое исправляетъ бывшее и предостерегаетъ отъ неслучившагося еще никогда,—и больныхъ освобождаетъ отъ немощи и небольшихъ дѣлаетъ тверже. Если у тебя нѣтъ этого грѣха, то есть другой, потому что *кто похвалится чисто имѣти сердце, или кто дерзнетъ рещи чиста себе быти отъ грѣха* (Прит. xx, 9)? Такъ какъ ты согрѣшилъ, не стыдись придти, но поэтому самому приди. Никто не говоритъ: такъ какъ у меня рана, то я не буду искать врача, даже не принимаю лѣкарства; но поэтому самому нужно болѣе всего искать и врачей и силы лѣкарствъ. И мы умѣемъ прощать, потому что повинны также сами въ другихъ грѣхахъ. Потому и Богъ далъ намъ не ангеловъ въ учителя, не Гавріила, сведши свыше, поставилъ надъ своимъ стадомъ, но взявъ изъ самого стада дѣлаетъ пастыря, изъ самихъ овецъ—начальника надъ стадомъ, чтобы онъ былъ снисходителенъ къ начальствуемымъ, и, помышляя о собственной немощи, не гордился бы предъ пасомыми, но имѣлъ бы уадою и основой смиренія пригнетіе отъ собственной совѣсти. А что сказанное не есть предположеніе, послушай Павла, пишущаго объ этомъ и любомудрствующаго; въ посланіи къ Евреямъ онъ такъ говорилъ: *всякъ бо первосвященникъ, отъ чловѣкъ приемлемъ, за чловѣки поставляется, да приноситъ дары и жертвы, спострадати могой несправляющимъ и заблуждающимъ, понесе и той немощію обложенъ есть: и сего ради долженъ есть якоже о людѣхъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи* (Евр. v, 1—3). Видишь ли, какъ превосходно сказана намъ причина, почему не ангелы, и не архангелы, но люди поставлены надъ церквами, чтобы именно они могли сострадать своимъ сродникамъ, имѣя въ сознаніи собственныхъ грѣховъ величайшее ученіе о смиреніи? Вѣдь, говорить, и той немощію обложенъ есть, и сего ради долженъ есть якоже о людѣхъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи. Это происходитъ и теперь: предстоя этой священной трапезѣ и вознося страшную жертву, мы испрашиваемъ отпущенія какъ прегрѣшеній народа, 464

такъ и о нашихъ собственныхъ взываемъ, молимъ и просимъ, и возносимъ жертву за всѣхъ...¹⁾.

3. Приводи ты мнѣ въ примѣръ не корыстолюбца, раба чрева и предавшаго низости благородство своей природы, но этого, мужей, какъ онъ, соблюдающихъ первообразъ и несквернящихъ царскаго своего облика,—и тогда узнаешь, чѣмъ иногда бываетъ человѣкъ. И этотъ также былъ человѣкомъ, и онъ былъ рожденъ женщиною, молокомъ вскормленъ, на землѣ жилъ, воздухомъ дышалъ, и все у него было общее съ нами, общее въ отношеніи природы; но такъ какъ въ волѣ его была особенность, потому и въ благодати онъ возсіялъ. Хотя у него не было ни денегъ, ни знатности рода, ни величія отечества, ни краснорѣчія, ни остроты языка, ни толпы рабовъ, ни роя евнуховъ, ни дома съ золотымъ потолкомъ, ни шелковыхъ одеждъ, ни роскошнаго стола, ни другого чего-нибудь, что многимъ кажется счастіемъ, но крайняя бѣдность,—у него не было средствъ даже для необходимаго пропитанія, но онъ былъ нищимъ, протягивалъ руку и просилъ хлѣба у жены-вдовицы, и то сидонянки, жилищемъ у него была пещера, одеждой кожа, столомъ земля, предки неизвѣстными и безславными, отечество ничтожнымъ и средства къ жизни грубыми,—однако, ничто такое не стало препятствіемъ этому мужу къ славі, но онъ былъ и богаче всѣхъ царей, и мудрѣе всѣхъ философовъ и ораторовъ, и знатнѣе имѣющихъ діадемы и много благороднѣе владѣющихъ царственными городами; онъ имѣлъ отечествомъ вселенную, вѣрнѣе, даже она была для него малымъ городомъ, и Павелъ восклицаетъ, говоря: *приидоша съ милотехъ, съ козяхъ кожахъ: иже не бѣ достоинъ міръ* (Евр. xi, 37). И достигъ онъ вышняго города, художникъ и устроитель котораго Богъ. Потому я привелъ тебѣ (въ примѣръ) бѣднаго и простого, (какъ) пользующагося славою, чтобы у тебя не было никакого предлога. Если бы я привелъ богатаго и мудраго, ты могъ бы сказать, что бѣдность и невѣжество препятствуютъ мнѣ сдѣлаться такимъ; а теперь именно ты не можешь прибѣгнуть ни къ какому такому предлогу: и онъ былъ бѣднымъ, даже бѣднѣе всѣхъ людей, въ пустынѣ жилъ, неизвѣстенъ по предкамъ и отечеству и во всемъ остальномъ,—однако, онъ возсіялъ больше солнца и тогда и теперь, и пока солнце освѣщаетъ землю, до тѣхъ поръ будетъ его слава, хотя онъ былъ за столько времени раньше (насъ); эта громада времени не заглушила памяти о немъ; и весьма естественно. Такова добродѣтель, дѣло безсмертное, и сіяющее болѣе солнца. Но (унесшимся въ море похвалъ пророка

¹⁾ Здѣсь, повидному, пропускъ.

не должно забывать главнаго предмета) что я раньше сказалъ, то обнаруживаетъ въ себѣ и этотъ (мужъ), (именно) что было сказано относительно Моисея. Такъ какъ ему, вознесшемуся своими преуспѣянiями, было естественно не быть очень снисходительнымъ къ народу, то смотри, что дѣлаетъ Богъ. Попускаетъ, чтобы онъ лишился своей благодати, такъ чтобы обнаружилась его немощь; впрочемъ, (намъ) напередъ необходимо показать, какъ онъ не былъ очель снисходителенъ. Когда онъ заключилъ себо, и землю сдѣлалъ бесплодною, и былъ голодъ, голодъ самый жестокий изъ всѣхъ: истреблены были воды, засохла всякая трава, изсякли рѣки, лицо земли было ужаснымъ, угрожающимъ смертію и, все наступая, голодъ распространялся, ведя (за собою) жалкую 463 смерть,—(тогда) онъ такъ не уступилъ, но, отошедши, сидѣлъ на вершинѣ горы, предавъ народъ іудейскій такому тягостному изнуренію. Но человеколюбивый Богъ и неизреченная благодать не переносили такой суровости; и такъ какъ самъ отъ Себя Онъ не желалъ его побудить, чтобы прекратилъ несчастье, и затѣмъ не желалъ также сдѣлать это безъ него, то смотри, что происходитъ: прежде Онъ вступаетъ въ общеніе съ нимъ, и тогда посылаетъ дождь. Видишь ли въ этомъ благодать Божію, человеколюбіе и честь въ отношеніи святого? Онъ излилъ потоки дождя не прежде, какъ когда побѣдодоваль съ нимъ и сказалъ объ имѣющемъ быть, и послалъ его вѣстникомъ будущаго благосостоянія. Такъ какъ чрезъ него произошло печальное, то (Богъ) восхотѣлъ, чтобы онъ сдѣлался вѣстникомъ и полезнаго; и сведши съ горы, послалъ возвѣщать наступленіе проливного дождя и прекращеніе голода всюду въ той землѣ. Однако, когда былъ низведенъ дождь, и въ самое короткое время наступило цвѣтущее состояніе, (тогда) собравъ четыреста Вааловыхъ жрецовъ и четыреста восемьдесятъ, закололъ ихъ и пролилъ потоки крови ¹⁾.

4. Итакъ, зачѣмъ это для подлежащаго главнаго предмета? Не смущайся, возлюбленный! Я приступлю, наконецъ, къ самому верху сказаннаго. Когда онъ низвелъ то пламя, одержалъ побѣду и поставилъ ся блестящій знакъ, совершилъ избіеніе жрецовъ, (тогда) онъ отходитъ съ радостію, и гордясь происшедшимъ. Послана къ нему жена Ахава, ничтожная и презрѣнная развратница, говоря: *сія да сотворятъ ми бози, и сія да приложатъ*, если не утро положу душу твою, яко единаго отъ этихъ жрецовъ. *И убоися*, и ушелъ въ путь сорокадневный (3 Цар. xix, 2, 3). Что

¹⁾ Въ слав. текстѣ читается: *собери—пророки студныя Вааловы четыреста и пятьдесятъ, и пророковъ дубравныхъ четыреста* (3 Цар. xviii, 19); *помяните пророки Вааловы—и яша ихъ—и закола ихъ* (ст. 40).

же? Та, высокая до небесъ душа, онъ, пренебрегающій всѣмъ міромъ, презрѣвшій такой голодъ, возставшій противъ такого царя-тирана, заключившій небо и открывшій, низведшій то дождь, то пламя, поправшій нужды природы, несокрушимый, всюду дерзновенный,—послѣ столькихъ преуспѣяній, послѣ столь долгаго дерзновенія, сразу не перенесъ словесной угрозы одной блудной женщины, дѣлается, наконецъ, бѣглецомъ и изгнанникомъ, бѣжитъ въ пустыню, удаляется въ сорокадневный путь. Слѣдовательно, какая причина? Богъ лишилъ его благодати, и обнаружила немощь природы; Онъ показалъ пророка, показалъ и человѣка, чтобы они научились, что и бывшее тогда было дѣломъ благодати. А это Онъ совершалъ, чтобы сдѣлать его снисходительнымъ къ народу, пресѣчь и задержать безуміе, происходящее отъ преуспѣяній. Что онъ думалъ много о себѣ самомъ и воображалъ, возставалъ противъ всѣхъ остальныхъ,—я приведу вамъ въ свидѣтельство его самого. Когда пришелъ къ нему Богъ и спрашивалъ о причинѣ тамошняго пребыванія, говоря: *что тебѣ здѣ, Іліе* (3 Цар. хіх, 13)?—а Онъ спрашивалъ: *что тебѣ здѣ?* не узнать желая, но желая раскрыть намъ сокровенныя его мысли, подобно тому какъ и хананеянку когда Христосъ спрашивалъ, то не съ тѣмъ, чтобы узнать, но чтобы насъ научить лежащему въ ней сокровищу вѣры,—итакъ, Онъ спрашивалъ его, почему же, наконецъ, онъ предпринялъ такой путь и, оставивъ города и народы, возлюбилъ пустыню,—а это не съ тѣмъ, чтобы самому узнать (да и зачѣмъ Ему всезнающему?), но чтобы чрезъ его

466 отвѣтъ научить насъ сокровенной его мысли, и тому, что справедливо попустилъ, чтобы онъ былъ поколебленъ отъ страха и впалъ въ робость, попустилъ, но не побудилъ, уступилъ, но не произвелъ, лишилъ только его (благодати), послѣ чего онъ и былъ изблеченъ,—итакъ, когда Онъ сказалъ: *что тебѣ здѣ, Іліе*,—послушаемъ, что онъ говоритъ: *олтари твои раскопаша, и пророки твои избѣша, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моея* (3 Цар. хіх, 14). Видишь ли, что онъ считалъ всѣхъ погибшими, и только себя оставшимся, и кромѣ его нѣкого другого; понемногу это могло довести его до безумія. Именно потому, Богъ, отвращая отъ него этотъ неправый помыслъ, говоритъ: *Я оставилъ Себѣ семь тысячъ мужей, которые не преклонили колѣна Ваалу* (ст. 18). Такъ какъ и (тогда), когда навелъ засуху, онъ продолжалъ напрягать наказаніе, и послѣ этого много воображалъ о себѣ, будто онъ единственный такой на землѣ, (то Господь) попускаетъ ему почувствовать собственную немощь, указываетъ на множество спасенныхъ, очищая тѣмъ и другимъ его мысль, склоняя быть умѣреннымъ всюду, быть снисходительнымъ и спастись съ ревностію человѣколюбіе.

5. Если желаешь то же самое видѣть и въ новомъ (завѣтѣ), то опять мы попытаемся привести тебѣ въ примѣръ вождей, башни, оплоты и главы изъ новозавѣтныхъ. Какими Моисей и Илія, такими оказываются Павелъ и Петръ въ новомъ (завѣтѣ). Какъ изъ этихъ двоихъ каждый сталъ бѣглецомъ, убоявшись, первый одного египтянина, второй угрозы одной блудницы, такъ и Петръ, фундаментъ, основаніе, столбъ, послѣ безчисленныхъ обѣтованій, послѣ столькихъ чудесъ, послѣ такого любомудрія, убоялся угрозы не парицы, не мужа, но привратницы-дѣвицы; и это было намного тягостнѣе прежняго. Тѣ, убоявшись, только убѣжали, а этотъ еще палъ самымъ тяжкимъ паденіемъ, о которомъ всѣ знаютъ. Когда онъ былъ лишенъ благодати, обнаружилась и его немощь, оставленная Божиимъ попеченіемъ. Богъ попустилъ ему пасть, такъ какъ и его намѣренъ былъ сдѣлать начальникомъ надъ всей вселенной,—чтобы, вспоминая о собственныхъ паденіяхъ, онъ былъ снисходителенъ къ происходившимъ потомъ искушеніямъ. И что сказанное не предположеніе, выслушай самого Христа, говорящаго: *Симоне, Симоне, сколько разъ домогался сатана сѣять тебя, яко пшеницу: и Я молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ тѣра твоя: и ты нѣкогда обраща утвери братію твою* (Лук. ххп, 31, 32). За помощь тебѣ дай ты Мнѣ, говорить, эту отплату, потому что если бы не вкусилъ ты Моего промысленія, то у тебя не было бы сплѣ переносить самому по себѣ паденіе его (дѣвола). Итакъ, помышляя о своемъ, будь снисходителенъ и къ остальнымъ,—на это именно намекаетъ—*утверди*,—утверди колеблющихся, снисходя, простирая руку, выказывая въ себѣ много человѣколюбія. И Павелъ, бывшій отважнѣе всякаго льва, неустрашимая душа, потерпѣлъ то же самое. И смотри, какъ показываетъ на самомъ себѣ, что онъ непрестанно нуждается во врачествѣ смиренія. Въ посланіи къ Коринѣянамъ онъ говоритъ: *не хочу же васъ, братіе, не въдѣти о скорби нашей бывшей намъ во Асіи, яко по премногу и паче силы отяготихомся: но сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ, да не надѣющеся будемъ на ся, но 467 на Бога возставляющаго мертвыхъ, иже отъ толика смерти избавилъ ны есть. Уповахомъ же, яко и избавитъ* (2 Кор. i, 8, 9, 10). Мы были въ отчаяніи, говорить, не ожидали, что будемъ живы, но думали про себя, что совершенно будемъ осуждены на смерть,—это значить: *сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ*,—въ этомъ самое дѣло намъ отвѣтило, что мы совершенно погибнемъ. Изъ-за чего же Богъ попустилъ дойти намъ до столькихъ опасностей? Чтобы мы не надѣялись на самихъ себя, говорить, но на Бога, возставляющаго мертвыхъ. Сказанное имъ означаетъ, чтобы мы не гордились, чтобы не превозносились своими успѣхами. Объ

этомъ и дальше онъ говорить яснѣе, опять пиша такъ. Послѣ того, какъ сказалъ о восхищеніи на небо, восхожденіи въ рай, сообщеніи ему тѣхъ неизреченныхъ глаголовъ, онъ прибавилъ: *и за премногая откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакости плоти, аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣтѣ* (2 Кор. хп, 7); здѣсь намекаетъ на мучающихъ, оскорбляющихъ и ввергающихъ его въ темницу, такъ какъ cadaго изъ нихъ онъ называетъ сатаною. Я былъ предоставленъ, говорить, переносить испытанія, чтобы сдерживалось мое безуміе, и чтобы я научился умѣрять себя. Вслѣдствіе этого, наконецъ, я, воззавъ даже къ Богу, не имѣлъ удачи въ прошеніи, но остался подверженнымъ непрестаннымъ кознямъ, имѣя мѣку врачествомъ смиренія. И прежняя жизнь его до обращенія была достаточна для его вразумленія. Сидящій у ногъ Гамаліила, живущій въ точности по отеческому закону, ревнитель отеческихъ преданій, ежедневно перелистывающій пророковъ, вскормленникъ на законѣ,—онъ не принялъ пришедшаго Христа, совершавшаго чудеса, бесѣдовавшаго объ этомъ, предлагавшаго изъ Писанія и изъяснявшаго, но преслѣдовалъ распятаго и воскресшаго, и повергъ его ученика тысячами рукъ, воевалъ противъ церквей и былъ свирѣпѣ всякаго волка; самъ по себѣ онъ не могъ сознать должнаго до тѣхъ поръ, пока возсіялъ свѣтъ свѣше, и былъ поданъ голосъ, влекущій его къ истинѣ. Потому и самъ онъ постоянно въ своихъ посланіяхъ на это обращаетъ (вниманіе), склоняясь долу и стыдясь за уже бывшее; въ посланіи къ Тимофею онъ говорилъ: *благодарю укрѣпляющаго мя Христа, яко вѣрна мя непщевъ, положи въ службу, прежняго хульника и гонителя и досадителя: но помилованъ быхъ, яко не отъдѣй сотворихъ въ нествѣстїи* (1 Тим. і, 12, 13). И опять: *сего ради помилованъ быхъ, да во мнѣ первымъ покажетъ Богъ все долготерпѣніе, за образъ хотящихъ вѣровати ему въ жизни вѣчную* (1 Тим. і, 16). И въ посланіи къ Коринѣянамъ говорилъ: *иже нѣсмь достоинъ нарецися апостолъ, зане гонихъ церковь* (1 Кор. хv, 9).

6. Все же это было, и оставлялъ ихъ Богъ внѣ Своей благодати для того, чтобы, когда они научатся собственной немощи, и (тому), какъ ничтоженъ человекъ, не имѣющій доли въ поддержкѣ свѣше, выказывали относительно подчиненныхъ много человеколюбія, много снисхожденія, много прощенія, вступивъ на судейское сѣдалище, сдѣлавшись руководителями народа и начальниками. Потому и въ посланіи къ Галатамъ онъ говорилъ: *братіе, аще и спадетъ человекъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовніи исправляйте такового, блудый себе, да не и ты искушенъ будещи* (Гал. vi, 1). Итакъ, зная это, будемъ привлекать необузданныхъ, а грѣшниковъ будемъ прощать, будемъ выражать вмѣстѣ съ божествен-

нынѣ закономъ много человеколюбія, чтобы и намъ самимъ вку-
сить многого прощенья, въ чемъ согрѣшаемъ, по благодати и
человеколюбію Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и
съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно,
и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

Когда въ полночь царица пришла въ Великую Цер-
ковь и отсюда подняла останки мучениковъ и сопро-
вождала чрезъ всю площадь до Дрипія, мартиріума,
отстоящаго отъ города на 9-ть симіевъ; бесѣда была ска-
зана въ мартиріумѣ, въ присутствіи ея, всего города
и начальниковъ ¹⁾).

1. Что мнѣ сказать и о чемъ говорить? Восторгаюсь и бѣс- 467
нуюсь бѣснованіемъ, лучшимъ благоразумію, лечу, радуюсь, вы-
соко несусь и окончательно опьяненъ этимъ духовнымъ удо-
вольствіемъ. Что мнѣ сказать и о чемъ говорить? О силѣ муче-
никовъ? Объ усердіи города? О ревности царицы? О стеченіи на-
чальниковъ? О посрамленіи діавола? О пораженіи демоновъ? Объ
именитости Церкви? О силѣ креста? О чудесахъ распятаго? О 468
славѣ Отца? О благодати Духа? Объ удовольствіи всего народа?
О восторгахъ города? О собраніяхъ монаховъ? О хорахъ дѣвъ? О
рядахъ священниковъ? О напряженіи мірскихъ мужей, рабовъ,
свободныхъ, начальниковъ, подчиненныхъ, бѣдныхъ, богатыхъ,
иноземцевъ, гражданъ? Благовременно въ отношеніи всего ска-
зать: *кто возглаголетъ силы Твои, Господи, слышаны сотворитъ вся*
хвалы Твои (Псал. сѹ, 2)? Женщины, которыя живутъ въ недоступ-
ныхъ теремахъ и нѣжнѣ воска, оставивъ свои закрытые чер-
тоги, состязались въ усердіи съ самыми сильными мужами, со-
вершая пѣшкомъ столь длинный путь; не молодая только, но
даже состарѣвшаяся; и ни немощъ природы, ни изнѣженность въ 469
образѣ жизни, ни спѣсъ знатности не стали препятствіемъ для
этого усердія. Опять также сами начальники, оставивъ колес-

¹⁾ Въ объясненіе заглавія слѣдуетъ замѣтить: 1) въ Дрипѣ, отстоя-
щемъ отъ Константинополя около 6-ти верстъ (σμίλιον = milliaris, т. е., 1000
шаговъ; слѣдов., 9 × 1000 = 9000 ш. — 3000 с. — 6 в.), была церковь въ честь
апостола и мученика св. Фомы; 2) подъ царицею разумѣется Евдокія, супруга
имп. Аркадія.

ницы, жезлодержцевъ и копьеносцевъ, смѣшались съ простыми. И къ чему говорить о женщинахъ или начальникахъ, когда даже сама та, у которой облегають (голову) діадема и которая облечена въ порфиру, въ продолженіе всего пути не позволяла себѣ отстать на малое разстояніе отъ останковъ, но, какъ служанка, сопровождала святыхъ, держась за раку и покровъ, лежащій (на ней), попирая всякую человѣческую спѣсь, являясь предъ такимъ множествомъ народа въ срединѣ зрѣлища, — та, которую даже всѣмъ евнухамъ, обращающимся въ царскомъ дворцѣ, непозволительно видѣть. Но влеченіе къ мученикамъ, неограниченная (ихъ) власть и пламенная любовь (къ нимъ) побудили сбросить всѣ эти маски, и выказать ревность относительно святыхъ мучениковъ открытымъ усердіемъ. И вспомнила она о блаженномъ Давидѣ, облеченномъ также въ порфиру, и съ діадемою, со скипетромъ еврейскаго народа, когда, оставивъ всю ту скинію, воздвигалъ онъ ковчегъ, прыгалъ, плясалъ и скакалъ, при большомъ восторгѣ и веселіи, прыганьемъ выражая свою радость, которую имѣлъ при совершеніи (перенесенія ковчега). Если во время тѣни и образа нужно было, чтобы выражался такой пылъ, то тѣмъ болѣе во время благодати и истины, — такъ какъ и она поднимала ковчегъ, много лучшій того Давидова. Не каменные скрижали въ немъ, но скрижали духовныя, благодать цвѣтущая, даръ блистающій, кости, которыя свѣтлѣе самыхъ лучей, или вѣрнѣе, испускають изъ себя самую блестящую молнію. Глядя на солнечный лучъ, демоны нисколько не страдаютъ; а не перенося исходящаго отсюда блеска, они остѣпляютъ, прогоняются и бѣгутъ съ большого разстоянія: такова сила даже пепла святыхъ, которая не только покоится внутри, въ останкахъ, но и дальше простирается, прогоняетъ нечистыя силы и освящаетъ въ большомъ изобиліи приходящихъ съ вѣрою. Потому-то также эта христіюбивая (царица) слѣдовала подлѣ останковъ, постоянно держась (за нихъ) и извлекая себѣ благословеніе, была для всѣхъ остальныхъ учителемъ въ этомъ прекрасномъ и духовномъ приобрѣтеніи, уча всѣхъ почерпать изъ этого источника, изъ котораго всегда почерпають, но который никогда не изсякаетъ. Какъ изобильные потоки источниковъ не объемлются внутри ихъ собственныхъ нѣдръ, но изливаются и текутъ чрезъ край, такъ и благодать Духа, почивающая у костей и обитающая со святыми, изливается также на другихъ, съ вѣрою сопровождающихъ ее, стремится съ души на тѣла, съ тѣлъ на одежды, съ одеждъ на обувь, и съ обуви на тѣни. Вслѣдствіе этого совершали чудеса не только тѣла святыхъ апостоловъ, но даже платки и опоясанія; и не только платки и опоя-

самія, но даже тѣнь Петра производила дѣйствіе могущественнѣе живыхъ. Нѣкогда даже милоть, сброшенная на Елисея, низвела на него двойную благодать; не только тѣло Елисея, но даже одежда та была исполнена благодати, Потому-то и у трехъ отроковъ естество пламени устыдилось не только тѣлъ ихъ, но даже 470 самой ихъ обуви. И у Елисея эта благодать не удалялась отъ его, даже скончавшагося, но самая смерть разрушалась, когда былъ брошенъ въ могилу пророка другой мертвецъ. Такъ было и сегодня: во время несенія останковъ, когда засіялъ лучъ отъ костей и пожигалъ полчище противныхъ силъ,—поднялись отовсюду разжженіе демоновъ, вой и плачь.

2. Я въ восторгѣ и воспаряю отъ удовольствія вслѣдствіе того, что вы пустыню сдѣлали городомъ, оставивъ городъ пустымъ, — что показали намъ сегодня богатство Церкви. Вотъ сколько овецъ, и нигдѣ волка; сколько виноградныхъ лозъ, и нигдѣ тернія; сколько колосьевъ, и нигдѣ плевель. Море простерлось отъ города до здѣшняго мѣста, море свободное отъ волнъ, безъ кораблекрушенія, свободное отъ скалъ; море—(которое) слаще всякаго меда, для питья пріятнѣе питьевыхъ водъ. Не погрѣшилъ бы кто-нибудь, назвавъ это море также рѣкою огня; такъ свѣтильники, густо и непрерывно протянувшіеся ночью сплошь до этого мартиріума, представляли зрителямъ видъ огненной рѣки. И это ночью; а при наступленіи дня, явились опять другіе свѣтильники; восходящее солнце тѣ скрывало, дѣлало тусклѣе, а эти въ помысленіи каждаго показывало въ большей свѣтлости; этотъ огонь вашего усердія былъ жарче того видимого огня; и каждый несъ двойной свѣтильникъ: огня ночью, усердія ночью и днемъ; точнѣе, я не назову наконецъ той (ночи) даже ночью, потому что она соревновала дню, собирая васъ отовсюду какъ сыновъ свѣта и являя (васъ) свѣтлѣе безчисленныхъ звѣздъ и утренней звѣзды. Какъ пьяные и день дѣлаютъ ночью, такъ всю ночь бодрствующіе и бдительные дѣлаютъ днемъ и ночь. Потому во всю ночь они пѣли пророческое (изреченіе): *ночь просвѣщеніе въ сладости моей: и яко тма не омрачится отъ тебе: и ночь яко день просвѣтитися: яко тма ея, тако и святъ ея* (Псал. cxxxviii, 11, 12). Свѣтлѣе какого дня не была эта ночь, когда всѣ были въ такомъ избыткѣ восторга, духовно радовались, когда столько высыпало народу, наводнившего и дорогу и площадь? Не видно было даже голой почвы, но вы, покрывъ весь путь людьми, представили изъ себя во все путешествіе какъ бы одну непрерывную золотую цѣпь, одну рѣку, мног шумно несущуюся; и вверхъ, на небо взирая, мы видѣли луну посрединѣ и звѣзды, а внизу множество вѣрующихъ, и среди ихъ идущую царицу,

свѣтлѣ души. Какъ звѣзды, которыя ниже, лучше верхнихъ. такъ и эта много свѣтлѣ той. Настолько ли луна (свѣтла), насколько украшена вѣрою душа при такомъ достоинствѣ? Чему напередъ можно въ ней удивляться: ревности ли, (которая) жарче огня; вѣрѣ ли,—тверже алмаза; сокрушенію ли духа и смиренію, которымъ она скрыла все, до крайности отвергнувши царское достоинство и діадему, и отсюда всякую спѣсь, а облекшись вмѣсто порфиры въ одежду смиренія, и вслѣдствіе ея ставъ еще свѣтлѣе? Многи, часты были царицы, которыя были причастны только
 471 той же самой одеждѣ и діадемѣ, и славѣ царской; но тотъ избранный нарядъ былъ лишь ея, и только ея тотъ побѣдный знакъ. Изъ царицъ только эта съ такою честію сопровождала мучениковъ, съ такимъ усердіемъ и благоговѣніемъ, вмѣстѣ съ народомъ, отвергнуши всѣхъ тѣлохранителей, до крайности устранивъ почти всекое неравенство жизни. Вслѣдствіе этого она не меньше мучениковъ принесла пользу народу. Какъ всѣ смотрѣли на останки, такъ изумлялись и ея попеченію, богатые и бѣдные,—смотря на нее неотступно держащуюся за кости, въ продолженіе такого путешествія, ни устающую, ни оставляющую, но прильнувшую къ ракъ. Потому мы не перестаемъ ублажать тебя, не мы только, но и всѣ послѣдующія поколѣнія.

3. Бывшее здѣсь услышать предѣлы вселенной, насколько солнце осіяваетъ землю; услышать тѣ, что будутъ послѣ насъ, и тѣ, что послѣ нихъ, и никакимъ временемъ не предастся забвенію происшедшее, такъ какъ всюду во вселенной и всюду въ поколѣніяхъ послѣдующихъ сопровождать его (будетъ) многою извѣстностію Богъ. Если Онъ сдѣлалъ, что дѣло жены блудницы достигло предѣловъ вселенной, и утвердилъ въ памяти навсегда,—много больше не попустить, чтобы забылось дѣло благопристойной, почтенной и благоразумной жены, показавшей столько благоговѣнія, при царской власти: всѣ будутъ ублажать тебя, гостепріимницу святыхъ, заступницу церквей, соревновательницу апостоламъ. Въ самомъ дѣлѣ, если даже ты получила въ удѣлъ женскую природу, все же тебѣ возможно соревновать и апостольскимъ успѣхамъ. Такъ нѣкогда и Фива, та, которая приняла учителя вселенной и сдѣлалась его заступницей, была женщиною, соучастницею твоею въ той же самой природѣ; однако, она настолько возсіяла, что тотъ святой, достойный небесъ и большій всѣхъ апостоловъ, прославилъ ее и сказать, что *заступница многихъ бысть, и самому мнѣ* (Рим. xvi, 2). И Прискилла получила въ удѣлъ женскую природу, но это для нея нисколько не стало препятствіемъ къ прославленію, и къ тому чтобы память о ней сдѣлалась безсмертною. Тогда былъ также другой многочисленный сонмъ женъ, проводившихъ апостольскую жизнь.

Потому и тебя теперь причисляя къ нимъ, мы не погрѣшимъ, что ты именно пристань для всѣхъ церквей, и настоящимъ царствомъ воспользовалась для пріобрѣтенія будущаго царства. устраивая церкви, почитая священниковъ, уничтожая блужданіе еретиковъ, припимая мучениковъ не за столомъ, но въ душѣ, не въ кушѣ, но волею, или лучше, и въ кушѣ, и волею. Нѣ- 472
 когда также Марія предводительствовала народомъ, неся кости Іосифа, и воспѣла пѣснь; но та, когда египтяне были потоплены въ морѣ, а ты, когда демоны задушены; та, когда фараонъ былъ потопленъ въ морѣ, а ты, когда діаволъ низвергнутъ; та съ кимвалами, а ты мыслию и душою, звучащею сильнѣе трубы; та по освобожденіи іудеевъ, а ты по увѣнчаніи Церкви; та, ведя народъ одинъ одноязычный, а ты многочисленныя народы иноязычныя. И ты намъ привела многочисленныя сонмы, восклицающіе пѣсни Давида то на римскомъ, то на сирійскомъ, то на варварскомъ, то на эллинскомъ нарѣчіи; было видно, что различныя племена и различныя сонмы—всѣ имѣютъ одну киеару, Давидову, и вѣнчаютъ тебя молитвами. Радость этого праздника призывала и боголюбивѣйшаго царя, влекущаго съ тобою плугъ благочестія; но даже это было дѣломъ твоего благораумія—удержать его сегодня дома и обѣщать пришествіе (его) къ утру. Чтобы ни толпы всадниковъ, ни шумъ отъ вооруженныхъ воиновъ не оскорбили дѣвъ, старицъ, старцевъ, и не смутили праздника, она, поступая достойно своего благораумія, раздѣлила торжество между нимъ и собою. Если бы они прибыли сегодня оба, сегодня же былъ бы конецъ празднику; а чтобы и въ настоящій день совершить покой, и прибавленіемъ завтрашняго щедро умножить радость, она раздѣлила съ нимъ богослуженіе, и, сегодня прибывъ сама, обѣщала намъ пришествіе его на утро. Какъ общница она ему въ царствованіи, такъ и въ благочестіи, и не допускаетъ, чтобы онъ былъ безъ доли въ преуспѣяніяхъ, но всюду беретъ (его) въ соучастники. Такъ какъ и въ наступающій день должно у насъ продлиться духовное торжество, то выкажемъ опять то же самое свое рвеніе, чтобы, какъ сегодня мы видимъ ее, христіюлюбивую, вмѣстѣ съ городомъ, такъ созерцали бы завтра боголюбиваго царя, приходящаго съ войскомъ, и приносящаго Богу ту же самую жертву благоговѣнія, ревности, вѣры; и, взявъ въ общники своихъ молитвъ святыхъ мучениковъ, будемъ молить ихъ о долгой жизни, маститой старости, о дѣтихъ и дѣтихъ дѣтей, и прежде этого всего, о проишеніи этой ревности, умноженіи благоговѣнія и такомъ завершеніи настоящей жизни, чтобы и нескончаемые вѣка царствовать вмѣстѣ съ единороднымъ Сыномъ Божиимъ,—*аще бо терпимъ, сказано, и со-*

воцаримся (2 Тим. п, 12),—и достигнуть вѣчныхъ благъ, которыхъ да удостоимся мы всѣмъ благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

Его же. Въ слѣдующій день, когда быть царь въ мартіріумѣ апостола и мученика Θомы, находящагося въ Дришѣ, и когда онъ удалился предъ бесѣдою; сказана была бесѣда, по удаленіи его, къ народу ¹⁾.

- 473 1. Благословенъ Богъ: сколь велико могущество мучениковъ! Вчера цѣлый городъ съ царицею, сегодня царя съ войскомъ, въ великомъ благоговѣніи, они привлекли сюда къ намъ, не узъ наложивъ, но цѣпь любви, цѣпь никогда не разрываемую. Удивительно именно не то, что царь пришелъ, но что съ большою готовностію, не по принужденію, но охотно, не милость оказать, но милость получить; благодѣтель всѣхъ во вселенной пришелъ, чтобы насладиться благодѣніями отъ этихъ святыхъ и извлечь плоды изъ этихъ величайшихъ благъ. Потому, какъ самъ онъ діадему, такъ всѣ тѣлохранители, снявъ съ себя, кто щиты, кто копья, оставивъ это тщеславіе,—они прибыли всѣ съ успокоеннымъ духомъ, какъ бы восходя отъ земли на небо, гдѣ нѣтъ достоинствъ, знатности и всякой такой тѣни достоинствъ, а сіяютъ только примѣръ жизни и плоды добродѣтели. Если здѣсь такъ велико могущество мучениковъ, подумай, какъ велико оно на небесахъ; если такова ихъ чѣсть во время подвиговъ и борьбы, то какова будетъ награда во время воздаянія? И наше (дѣло) не оканчивается настоящимъ, но мы шествуемъ къ иной жизни, лучшей чѣмъ настоящая, восходимъ къ высокимъ надеждамъ и къ безсмертному наслажденію благами, не имѣющими конца. Богъ раздѣлилъ нашу жизнь на эти два вѣка, и настоящій сдѣлалъ трудовымъ, а будущій пріятнымъ и безконечнымъ, чтобы, здѣсь немного потрудившись, тамъ насладились мы безсмертныхъ вѣнцовъ. Даже при началѣ, тотчасъ, Онъ желалъ ввести насъ въ ту жизнь, но мы задержали, устроивъ нерадѣніемъ своимъ большое промедленіе, и сдѣлавъ, по безразсудству, это грядущее далекимъ. Я постараюсь сдѣлать это яснымъ изъ

¹⁾ Подъ царемъ разумѣется имп. Аркадія.

бывшаго для насъ въ началѣ. Таковъ-то Богъ: когда Онъ намъ-ренъ доставить намъ что-либо полезное, хотя бы мы явились даже недостойными Его дорогой чести, Онъ всячески показываетъ, что Онъ желалъ бы, но по нашему нерадѣнію произошла неудача въ томъ, чего Онъ желалъ. Такъ Онъ поступилъ и въ началѣ.

Создавая человѣка, Онъ создалъ его тотчасъ не съ трудами, не съ бѣдствіемъ, не съ печалію, сдѣлалъ не смертнымъ, но онъ былъ тогда чуждъ какъ унынія, такъ трудовъ и смерти. Если бы Онъ далъ ему сначала это въ удѣлъ, то затѣмъ послѣ преступленія не осудилъ бы его на это, въ качествѣ наказанія и мщенія. Итакъ, когда онъ былъ чуждъ этого, онъ блисталъ свѣтлѣе солнца,—находясь безъ одежды, былъ облеченъ славой. Дѣйствительно, величайшимъ знакомъ его блаженства было также и то, что онъ не нуждался ни въ одеждѣ, ни въ покрытіи, ни въ другомъ какомъ-либо такомъ одѣяніи, но у него было тѣло выше такой нужды. Но не въ этомъ только онъ былъ блаженъ, а также въ томъ, что раньше онъ вкушалъ бесѣды съ Богомъ и роскошествовалъ въ дерзновеніи къ Нему. И ангелы трепетали, херувимы и серафимы не осмѣливались даже поглядѣть прямо; а онъ бесѣдовалъ какъ бы другъ съ другомъ. И когда Онъ создалъ породы безсловесныхъ, привелъ къ нему, и онъ положилъ всѣмъ имена,—оставилъ имена неприкосновенными. И въ этомъ величайшій знакъ божественной чести—не въ томъ, что Онъ повелѣлъ ему положить имена, но что, когда человѣкъ поколебалъ данный ему законъ, Богъ не поколебалъ чести, которую далъ ему до закона, но *всяко еяже нарече Адамъ, сіе имя ему* (Быт. II, 19). Видишь ли, что никакого тамъ (нѣтъ) намека на настоящую жизнь? Ни искусствъ, ни торговли, ни домостроенія, ни одежды, ни обуви, ни кровли, ни стола, ни труда, ни печали, ни смерти, ни роя остальныхъ страданій, но блестящее вступленіе, свѣтлое преддверіе и начало, ведущее къ лучшей жизни. Но Адамъ задержалъ (его), преступивъ, по неизъяснимому нерадѣнію, предѣлы повелѣннаго, не смогши удержаться даже отъ одного дерева; однако и тутъ выражается много божественнаго человѣколюбія. Вѣдь обычай у Бога таковъ, что когда теряемъ что-либо чрезъ нерадѣніе, Онъ, все дѣлая и предпринимая, не прежде перестаетъ, какъ приведетъ насъ къ еще большому, чѣмъ то, что мы потеряли; это именно тогда и случилось. Мы потеряли рай, и получили небо; отсюда это предпріятіе стало даже больше наказанія. Но не тотчасъ мы получили; и это есть (дѣло) Его попеченія. Такъ какъ врагъ сказалъ, что *будете яко боги* (Быт. III, 5), этими надеждами надмилъ ихъ, настроилъ ожидать богоравен-

ства, поощрилъ на безуміе, сдѣлалъ то, что они восприняли мысль больше собственной природы, то, врачуя эту рану, тотчасъ не пускаеть дожидаться смерти, такъ чтобы на опытъ познать замыселъ діавола, и хорошо воспитавъ душу, получитьъ затѣмъ и безсмертное тѣло. (Богъ) желалъ, чтобы до этихъ поръ страхъ смерти былъ крѣпокъ въ душѣ, и это дѣло являлось бы страшнымъ.

2. Потому также Онъ попустилъ умереть прежде всего Авелю, чтобы преступникъ узналъ изъ самаго вида (смерти), что такое смерть, и сколь тяжкое и непріятное она дѣло. Если бы онъ самъ скончался первымъ, то не узналъ бы природы дѣла, не увидѣвъ ниразу другого мертвымъ; а теперь онъ самъ, при жизни, видя смерть владѣющую надъ другимъ, надъ сыномъ, учился величію наказанія точнѣе и яснѣе. Потому онъ увидѣлъ ее не просто на чужомъ, но на своемъ сынѣ: отсюда насиліе (ея), вмѣстѣ съ природою дѣла, производило болѣе тяжкую скорбь,—съ природою добродѣтели сына, и съ добродѣтелью цвѣтущій возрастъ. потому что онъ скончался не въ старости, но въ самомъ цвѣтѣ юности; ко всему этому еще то, что онъ пострадалъ отъ брата, и отъ брата беззаконно и несправедливо. Вслѣдствіе всего этого личина смерти дѣлалась ужасною и по виду болѣе горестною, въ Адамѣ возбуждалась скорбь болѣе тяжелая, когда все изъ вышесказаннаго зажигало великую печь, производило болѣе ѣдкое пламя, и вразумляло, въ какое ало свергъ его діаволъ. Если мы, видя ежедневно мертвыхъ, волнуемся, смущаемся, падаемъ ду-
 475 хомъ,—и не только мы, но даже напускающіе на себя важный видъ и тщеславящіеся высокими достоинствами,—если и они, находясь при погребеніи даже обыкновеннаго мертвеца, падаютъ духомъ отъ этого зрѣлища, дѣлаются незначительнѣе всякаго,—то что естественно было вынести ему, прежде всѣхъ глядѣвшему на мертвеца, къ тому же въ лицѣ своего сына, и такого сына, ему, не притупившему еще страданія непрерывностію умирающихъ, но чрезвычайно потрясенному необычаістію дѣла? Что естественно было вынести смотрѣвшему на того, кто не чувствовалъ ни звука, ни прикосновенія, ни слезъ, ни рыданій, кто не двигался, не сострадалъ скорбящему отцу, не производилъ привычныхъ дѣйствій? Ты не смотри именно на настоящее положеніе, но подумай, что тогда человѣкъ этотъ прежде всѣхъ увидѣлъ мертвеца, и исполнился великаго страха, великаго смущенія. Однако, вмѣстѣ съ этимъ подумалъ Богъ и объ утѣшеніи; Онъ желалъ не только умножить боязнь смерти, но чтобы человѣкъ воспользовался также нѣкоторымъ облегченіемъ. Какимъ же именно? Тѣмъ, которое отъ воскресенія. Но Онъ не далъ его тотчасъ, а тотчасъ раскрылъ надежду на него смутно и какъ бы въ загадкѣ. Когда боязнь

была сильно увеличена, она потрясла духъ челоѣка, и было показано, чѣмъ была смерть, какъ тяжка, непріятна и обременительна, и не только тѣмъ, что она предъ глазами, но и тѣмъ, что за глазами—червями, аловоніемъ, гноемъ, прахомъ, и всѣмъ остальнымъ, что сопутствуетъ мертвому тѣлу,—когда боязнь была увеличена, и она потрясла духъ, смотри. какъ приводить, наконецъ, и къ надеждѣ на воскресеніе, смутной и неясной; а все же приводить. Онъ не допустилъ, чтобы умеръ Енохъ, бывшій послѣ этого; и Павелъ говоритъ: *спроу Енохъ преложень бытъ не видѣти смерти: и не обрѣтаешя, зане преложилъ его Богъ* (Евр. xi, 5). Преложилъ, и не допустилъ умереть; Онъ не сдѣлалъ его еще безсмертнымъ, чтобы не устранить боязни, но онъ пребываетъ, не умирая,—онъ, хотя не безсмертенъ, надѣленъ въ смертномъ тѣлѣ долгою жизнью, чрезъ это смутно пріоткрывая, какъ я сказалъ, надежду до воскресенія. Потому также и первому праведнику Онъ попустилъ умереть; не погрѣшилъ бы кто-нибудь, назвавъ, кромѣ сказанной причины, и иную. Какую же? Ту, которая (относится къ) воскресенію. Такъ какъ смерть въ будущемъ не имѣла постоянно властвовать, для этого Онъ сдѣлалъ, что первое основаніе, первый корень ея былъ укрѣпленъ въ праведности, чтобы основаніе было гнилымъ. Какъ грѣхъ—пища смерти, такъ праведность—уничтоженіе и исчезновеніе смерти. Онъ попустилъ, чтобы имѣющій прежде всѣхъ скончаться былъ праведникомъ, напередъ (тѣмъ) говоря намъ, являя хорошую надежду и показывая, что Онъ не попуститъ, чтобы нашъ родъ пребывалъ всегда въ смерти: вотъ почему Онъ и положилъ основаніе для нея весьма слабое.

3. Потомъ послѣ Еноха, при Ноѣ, Онъ опять другимъ образомъ далъ намъ видѣть воскресеніе. Чѣмъ въ лучшемъ положеніи, нежели умершіе, былъ Ной, заключенный въ такой безднѣ, мракѣ и темницѣ? Однако, безграничныя моря, покрывшія вершины горъ, не потопили бывшаго въ ковчегѣ; но какъ бы возставъ отъ смерти, вышелъ тогда Ной изъ того долгаго ливня, давая намъ видѣть въ его собственномъ спасеніи воскресеніе. Опять послѣ него,—а насколько время шло впередъ, настолько яснѣе показывались и образы воскресенія,—при Ионѣ, Онъ совершилъ то же самое. Три дня въ китѣ были знакомъ трехъ дней въ смерти, и избавленіе отъ кита было предвѣстіемъ о воскресеніи Владыки; потому и самъ Онъ говорилъ: *знаменія ищеть родъ этотъ, и знаменіе не дается ему, токмо знаменіе Ионы: якоже бо бы Иона во чревь китовъ три дни и три ноци: тако будетъ Сынъ челоѣческій въ сердцы земли три дни и три ноци* (Мѣ. хп, 39, 40). Кто-нибудь не погрѣшилъ бы, назвавъ также рожденіе Исаака обра-

зомъ воскресенія. Потому и Павелъ, разсказавъ относительно рожденія его отъ безплодной, и сказавъ, что отецъ его, сверхъ надежды, вѣровалъ въ надеждѣ, и что *не изнемогъ въроу, ни усмотрѣ своя плоти уже умерщвленныя, и мертвосты ложесны Сарриныхъ: во обѣтованіи же Божіи не усумнѣся нествораніемъ, но возможно въроу, давъ славу Божови, и извѣстенъ бывъ, яко, еже обща, силенъ есть и сотворити*,—прибавилъ: *не писано же бысть за того единого точію, но и за ны, имже хощетъ вѣнѣтитися, върующимъ въ воскресившаго Іисуса Христа Господа нашего изъ мертвыхъ* (Рим. iv, 19—21, 23, 24). Итакъ, ясно, что рожденіе Исаака было образомъ воскресенія Христа. Если бы оно не было образомъ, то онъ не прибавилъ бы и не сказалъ бы: *не писано же бысть за того единого точію, но и за ны, имже хощетъ вѣнѣтитися*. Образы пишутся не для принимающихъ (ихъ) въ то время, въ которое они (образы) бываютъ, но для имѣющихъ въ послѣдующее время получать пользу отъ нихъ. Потому также въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *сія же образы примучашуся онѣмъ: писана же быша въ наученіе наше, въ нѣхже концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. x, 11). И Ілія, взятый, открылъ намъ эту надежду на воскресеніе. Но то, какъ въ образахъ; а когда, послѣ долгаго и безконечнаго времени, пришелъ едиnorodный Сынъ Божій, Онъ намъ показалъ воскресеніе самымъ дѣломъ, чрезъ собственное тѣло, освободивъ его отъ власти смерти; потому и говорится: *Христосъ, умерши и возставъ отъ мертвыхъ, тому уже не умираетъ: еже бо умре, грѣху умре единою* (Рим. vi, 9, 10).

4. Въ (самомъ) началѣ это было смутно, — надежда воскресенія, какъ въ загадкѣ, была показана намъ чрезъ Еноха, а разрушеніе смерти—чрезъ Авеля; но то и другое чрезъ едиnorodнаго Сына Божія стало яснымъ, очевиднымъ, исполнѣ истиннымъ. Отсюда произрасли у насъ и сонмы мучениковъ,—когда смерть была разрушена, а воскресеніе сіяетъ. Потому также настоящая жизнь стала тяжелою и исполненною многихъ трудовъ, — чтобы болѣе косные изъ людей, охотно пребывающе въ настоящемъ, будучи выталкиваемы отсюда и изнемогая подъ тяжестію этой жизни, убѣгали удовольствій и пристрастія къ настоящей жизни, а стремились бы къ небесной любви и спѣшили бы къ тому дню. (Человѣкъ) любомудрый и возвышеннаго ума не будетъ нуждаться въ здѣшнемъ увѣщаніи, но, подумавъ, сколь велико царство небесное, а еще болѣе, чѣмъ царство, пребываніе съ Богомъ и со Христомъ,—а это дѣйствительно больше всякаго царства,—не почувствуетъ никакой сладости въ настоящемъ, но пренебрежетъ имъ, минуя его быстрѣ тѣни. Такъ какъ многіе, будучи въ рабствѣ плоти и во власти житейскихъ заботъ, охотно

пребываютъ въ нихъ, на подобіе гнѣдящихся звѣрей, то, чтобы отсѣчь пристрастіе ихъ къ этому, Онъ далъ имъ въ удѣлъ много печали, боязни, заботы, думъ, борьбы, опасностей, робости, большой рой тѣлесныхъ страстей, осаду отъ тѣла и много другого. чего въ одномъ словѣ не сказать, чтобы, ужасаясь хотя облака этихъ золъ, они пожелали возвратиться въ неволнующую пристань и наслаждаться непрестанной тишиной, въ которой нѣтъ золъ, примѣшанныхъ къ благу, но чистое благо, дѣйствительное благо. Что прекраснымъ кажется здѣсь, какъ-то: богатство, слава, могущество, все это прекрасно лишь по имени, и смѣшано съ противнымъ; а въ тамошнемъ безпримѣсномъ и чистомъ—блаженство не по имени, но на дѣлѣ. Итакъ, чтобы намъ достигнуть этого, поревнуемъ добродѣтели мучениковъ, мужеству, ревности, вѣрѣ, презрѣнію настоящаго, желанію будущаго. Можно преуспѣвать во всемъ этомъ и въ гоненіи. Пусть даже костеръ и не разложенъ впереди, зато въ наличности страсть, сильнѣе (его); пусть и нѣтъ звѣриныхъ зубовъ, за то тѣснить ярость мучительнѣе звѣря; пусть и не стоять по сторонамъ палачи, терзая бока, зато лежитъ внутри зависть, съѣдающая духъ мучительнѣе всякаго палача. Итакъ, нужно намъ, приготовившись къ борьбѣ съ этими страстями и поставивъ оплотомъ противъ нихъ силу Любоумныхъ помысловъ, такъ совершать настоящую жизнь, и быть всю жизнь въ подвигѣ, чтобы, потрудившись немного времени, непрестанно быть увѣнчанными, и наслаждаться вѣчныхъ благъ, всегда будучи съ Господомъ и вкушая того сожителства, превосходящаго всякое слово и мысль,—въ каковомъ всѣ мы да будемъ участниками, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

Бесѣда увѣщательная, сказанная въ храмѣ святой Анастасіи въ отношеніи отсутствующихъ, и изложеніе состязаній и подвиговъ блаженнаго и праведнаго Іова.

1. Насколько собравшихся меньше обычнаго, настолько и 477 мы будемъ пользоваться большимъ усердіемъ. И несправедливо было бы, чтобы нерадѣіе отсутствующихъ оскорбило наше стараніе, но изъ-за самаго этого предложимъ трапезу даже болѣе щедрую, чтобы не прибывшіе, познавъ опытомъ наказаніе, сдѣла-

лись наконецъ старательнѣе относительно этихъ собраній. Потому также вашу любовь приглашаю быть внимательными къ говоримому; для васъ будетъ двойная польза: передавая говоримое отсутствующимъ, вы сдѣлаете ихъ болѣе старательными, также свою душу совершите болѣе любознательно. Какъ природа земли, о которой не радовать, производитъ худыя травы, а постоянно лелѣемая земледѣльческими руками, даетъ зрѣлый плодъ, такъ и душа человѣка—лежащая въ лѣности рождаетъ терніе прегрѣшеній, а пользующаяся попеченіями приноситъ красующійся плодъ добродѣтели. Потому и нѣкто мудрый увѣщеваетъ, говоря: *якоже нива мучь безумный, и яко виноградъ человекъ скудоумный: аще оставиши его, опустѣетъ, и травю порастетъ весь* (Прит. хііі, 30, 31). Чтобы этого не было теперь, мы постоянно пользуемся серпомъ слова; и, если вырастаетъ что-нибудь худое, всегда вырѣзаемъ; а если что-нибудь зрѣлое, имѣющее плодъ,—питаемъ, орошаемъ и доводимъ до цвѣта, постоянно выражая свою заботу. Мы нуждаемся въ двойномъ попеченіи, въ ривѣ, даже въ тройномъ: въ одномъ—чтобы намъ быть свободными отъ порочности, въ другомъ—чтобы приобрести себѣ добродѣтель; а послѣ этого—чтобы соблюсти приобретенную; здѣсь даже больше всего нужно труда, потому что тотъ лукавый демонъ, завидуя и нашей красотѣ, больше нападаетъ на преуспѣвшихъ; и какъ пираты и по-
 478 тошители минуютъ корабли съ пескомъ, а если гдѣ-нибудь уви-
 дятъ съ дорогою кладью и съ хранящимся въ нихъ богатствомъ, нападаютъ на нихъ, пробуравливая снизу, поражая сверху, употребляя всякую хитрость, такъ и діаволъ обычно поражаетъ, завидуетъ и коварствуетъ въ особенности противъ собравшихъ много добродѣтели.

Столько было людей по вселенной при Іовѣ, и только противъ него онъ вооружился и употребилъ всѣ свои хитрости; однако, не въ силахъ былъ произвести кораблекрушеніе, но полнѣе сдѣлалъ кладь, и приумножилъ товаръ. Такова добродѣтель: когда ее поражаютъ, она дѣлается могущественнѣе, и, когда противъ нея коварствуютъ, становится непоколебимѣе. Такъ было именно и съ тѣмъ блаженнымъ, который, отовсюду поражаясь, становился непоколебимѣе, и не отдавался въ руки подъ безчисленными стрѣлами, но опустошилъ кочанъ діавола, а самъ не повергся, не споткнулся, но, какъ отличный кормчій, и не потонулъ, когда море бѣсновалось и поднимались волны. и не сталъ безпечнѣе, когда была тишина; онъ соблюдалъ одинаково свое искусство при той и другой переменѣ времени, и ни богатство его не надмѣло, ни бѣдность не унизила. Ни тогда, когда дѣла шли благоприятно, онъ не былъ небдителенъ и не охла-

дѣтъ. ни—когда былъ разрушенъ почти цѣлый домъ и произошла полная гибель, онъ не возмущился и своего мужества не посямилъ. Пусть слушаютъ богатые, пусть слушаютъ бѣдные! Для тѣхъ и другихъ это полезная повѣсть; вѣрнѣе, эта исторія полезна для всѣхъ людей—и благоденствующихъ и бѣдствующихъ. Подвижникъ благочестія, увѣнчанный вселенною, воспользовавшись тѣмъ и другимъ оружіемъ, воздвигъ побѣдный знакъ тамъ и здѣсь, и, при всякомъ родѣ борьбы, когда возсталъ на него демонъ,—во всемъ онъ противостоялъ, и во всемъ былъ побѣдителемъ; и какъ благородный воинъ умѣетъ воевать ночью, осаждать стѣны, сражаться на морѣ, биться пѣшимъ строемъ, пускать стрѣлы, метать копье, дѣйствовать пращей, дротикомъ, превосходить противника во всякомъ родѣ борьбы и всюду брать верхъ,—такъ именно и тотъ благородный перенесъ, при боль- 479 шомъ мужествѣ, всякое испытаніе: бѣдность, голодъ, болѣзнь, скорби, потери дѣтей, (огорченія) отъ друзей, отъ враговъ, отъ жены, отъ рабовъ. И не было человѣческаго несчастія, которое бы не было излито на его тѣло. Однако, онъ преодолѣлъ всѣ сѣти и сталъ выше дѣвольскихъ приманокъ; именно то особенно и удивительно, что на него обрушилось все, все съ излишкомъ и все сразу.

2. Не смотри ты на то лишь, что онъ столько выстрадалъ, но замѣть, что и не понемногу, и не съ перерывами, а сразу и вмѣстѣ. Это немалая прибавка испытаній; прежде всего, изъ остальныхъ всѣхъ людей можетъ быть не нашлось бы никого, кто перенесъ бы все вмѣстѣ, но—если иной съ бѣдностію борется, то здоровьемъ наслаждается; если бѣдностію и болѣзнію мучается, то часто утѣшается въ перенесеніи несчастія ободреніемъ жены, служащей для него вмѣсто пристани; если не утѣшается такою женою, то и не совѣтующею такъ губительно; если же и такъ губительно совѣтующею, то не теряетъ сразу всѣхъ дѣтей; а если и сразу, то не такою смертію; а если и такою смертію, то у него есть утѣшающіе друзья; а если и нѣтъ утѣшающихъ, то нѣтъ и такъ позорящихъ; если же и есть позорящіе, то нѣтъ поносящихъ рабовъ; а если и поносящихъ, то не плюющихъ въ лицо ему; а если и плюющихъ въ лицо, то не мучается такою болѣзнію; а если и мучается такою болѣзнію, то наслаждается компаніею и защитою, и не сидитъ на навозной кучѣ; а если и сидитъ на навозной кучѣ, то у него есть протягивающіе руку; а если и нѣтъ протягивающихъ руку, то нѣтъ и позорящихъ. Онъ же все это перенесъ, и, какъ я раньше сказалъ, особенно то удивительно, что и вмѣстѣ все, а это придаетъ несчастію видъ двойного и тройного, когда именно подвижающійся не ободряется

остановкою, но вслѣдствіе непрерывности смятеніе дѣлается больше и смущеніе сильнѣе, что съ нимъ и случилось. За потерю овецъ и сожженіемъ слѣдовало похищеніе воловъ, за этимъ отнятіе ословъ, за этимъ угонъ верблюдовъ и избіеніе рабовъ, за этимъ потеря дѣтей и та ужасная, неслыханная смерть, и еще ужаснѣе гробъ,—потому что то же самое было и смертію и гробомъ,—и трапеза, за которою сейчасъ шло пиршество, а сейчасъ изуродованныя тѣла, и чаши и кубки, заключающіе вмѣстѣ съ виномъ кровь и изувѣченныя части (тѣлѣ). Однако, послѣ этой тяжелой, страшной исторіи, другая, еще болѣе тяжкая, ожидаетъ его, нимало не отдохнувшего. Начинаются источники червей, токи гноя, пребываніе на навозной кучѣ, оскабливающій бока черепокъ, аловоніе ранъ, вызывающее неслыханный голодъ, не позволяющее однакожъ дотронуться до хлѣба, который предъ глазами, и возбуждающее отвращеніе, мучительнѣе голода; и это не на два, десять, двадцать, сто дней, но на много мѣсяцевъ. Но и здѣсь не остановилась борьба: когда онъ былъ въ такомъ положеніи, и 480 терзался отовсюду, изнутри и совнѣ, послѣдовали еще козни жены. Сожительница дѣлается оружіемъ демона и поражаетъ своего мужа, ссудивъ своимъ языкомъ діавола, поражаетъ стрѣлами болѣе острыми и гибельными, чѣмъ выше сказанное. Но даже и здѣсь борьба не окончилась, а была опять началомъ и вступленіемъ въ состязаніе. Когда и отсюда не получилось для діавола никакой прибыли, подошелъ хоръ друзей, выражающій подъ личиною состраданія вражду,—нападаютъ на лежащаго, вередятъ раны, смѣняя другъ друга, не позволяя (ему) вздохнуть и много разъ становясь кругомъ, какъ бы устраивая тягостный хороводъ. Говорить ли мнѣ и о невыносимомъ испытаніи ночью,—самомъ неслыханномъ и необычномъ? Всѣмъ остальнымъ людямъ, хотя бы они претерпѣли огромное множество несчастій, хотя бы обитали въ темницѣ, хотя бы обложены были цѣпью, хотя бы оплакивали несчастія, хотя бы переносили тѣлесное посрамленіе, хотя бы подавлялись бѣдностію, хотя бы болѣзнію, хотя бы трудами, хотя бы бѣдствіями,—однако, наступившая ночь доставляетъ врачество утѣшенія, освобождая тѣло отъ трудовъ, удаляя душу отъ заботъ; но у него тогда и пристань сдѣлалась утесомъ, врачество стало раномъ, утѣшеніе—нѣкоторымъ прибавленіемъ мучительнѣе скорби, и страшная буря была въ ночь, доставляющую всѣмъ людямъ тишину; онъ убѣгалъ отъ дня, какъ отъ волнъ, вслѣдствіе тѣхъ невыносимыхъ скорбей, а находилъ тревоженія, вихри, пучины и скалы, до такой степени, что и волны дневныя дѣлались желательными. Потому, рассказывая о томъ неслыханномъ страданіи, онъ вопіялъ, говоря: *аще усну, глаголю:*

когда день? если *востану*, говорю: *когда вечеръ* (Иов. vii, 4)? Изъ-за чего, скажи мнѣ? Естественно, что днемъ ты желаешь ночи,— нѣтъ вечеромъ онъ призываетъ ночь, какъ доставляющую всѣмъ облегченіе отъ дневныхъ золъ,—а будучи въ ночи, тишинѣ, забвеніи тѣхъ скорбей и заботъ, почему опять ты ищешь дня? Потому, что для меня ночь мучительнѣе дня: она доставляетъ мнѣ не облегченіе отъ трудовъ, но увеличеніе (ихъ), смятенія и смущенія; повѣствуя объ этомъ самомъ, онъ говорилъ: *устрашаеши мя соніями, и видѣніями ужасаеши мя* (ст. 14). И повергался онъ въ трепетъ, видя ночью ужасныя видѣнія, терпя невыносимый страхъ, сильное изступленіе и ужасъ.

3. Ужели вы не утомились, слушая объ этихъ несчастіяхъ, одно за другимъ? Но онъ не утомлялся въ страданіи. Потому именно я призываю вашу любовь еще немного пождать; мы не все еще сказали, и не присоединили иного преизбытка. Первый состоялъ въ томъ, что всякое несчастіе, свойственное людямъ, перенесъ одинъ человѣкъ; второй—что все вмѣстѣ, и даже не было у него обычнаго перерыва; но хочу сказать и о третьемъ. Въ чемъ же онъ? Въ томъ, что каждое изъ сказанныхъ (несчастій) обрушилось не только вмѣстѣ, но и съ большимъ преизбыткомъ и силою: бѣдность его была тягостнѣе всякой бѣдности, также и болѣзнь, и сидѣніе, и потеря дѣтей и все, что съ нимъ было. Разсмотри же: теряетъ ли кто-нибудь имущество? Но не такъ цѣлкомъ, и не такимъ образомъ. Лишается ли дѣтей? Но не сразу всѣхъ, и не столькихъ, и не такихъ. Подвергается ли болѣзни? Но не такой, а или лихорадкѣ, или увѣчью, или другому какому-либо обычному страданію. То пораженіе было нѣкоторымъ страннымъ, и ясно только страдавшему. Никакое слово не въ силахъ было бы представить горечь тѣхъ язвъ и мучительность ранъ, но достаточно только сказать о совершителѣ и его неудержимой ярости, чтобы обозначилось величіе пораженія. 431 Неслыханнымъ и страннымъ было также и то сидѣніе; нѣтъ, истинно нѣтъ ни одного бѣдняка, который бы когда-нибудь, будучи посаженъ подъ открытымъ небомъ, такъ терпѣлъ во все время, какъ онъ—безъ одежды, лишенный всякаго покрова, сидя въ ранахъ, на навозной кучѣ. Часто у кого-нибудь бываетъ злая жепы, но никогда ни у кого не было настолько злой, чтобы, при такомъ несчастіи, нападать на мужа, изощрять мечъ противъ его души и внушать такіе совѣты. А странность друзей и рабовъ, а неслыханность голода—что онъ не вкушалъ лежащей трапезы? Говорить ли еще о четвертомъ преизбыткѣ. Разумѣю прежде его богатство и благоденствіе. Кто сначала живетъ въ бѣдности, тотъ легче переноситъ ее, такъ какъ привыкаетъ къ стра-

данію; а кто лишился такого благоденствія, тотъ переносить и скорбь наиболѣе острую и наибольшее смущеніе, вследствие неопытности, неподготовленности и крайней мучительности чувства. Можно и пятый назвать, — какой это? Что каждый изъ остальныхъ людей, сознавая за собою много худого, знаетъ причину, за что страдаетъ,—это немало (служить) къ ободренію,—а онъ не былъ въ состояніи даже думать, что ему возмѣщаются прегрѣшенія и грѣхи, и это особенно смущало его разсудокъ. Когда онъ смотрѣлъ на свою жизнь, на совѣсть, свѣтлѣ солнца, и на множество преуспѣяній, онъ зналъ, что былъ достоинъ вѣнцовъ, похвалъ и безчисленныхъ наградъ; а когда—на тѣло, раны и все случившееся, когда видѣлъ самого себя страдающимъ мучительнѣе дерзнувшихъ на крайнія (преступленія),—не находилъ назвать причину, изъ-за которой онъ такъ страдалъ; потому именно, прибѣвши къ необъятности божественнаго домоправленія, онъ говорилъ: *яко Господевѣ изволися, тако и бысть* (Іов. 1. 21). И женѣ возражая по возможности, вкратцѣ высказавъ размышленіе, показывающее его особенное благоговѣніе, говоря такъ: *аще благая пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. 2. 10)?

Сказать ли также объ иномъ преизбыткѣ, особенно вѣщающемъ, прославляющемъ того борца и показывающемъ его высокую и до небесъ достигающую душу? Въ чемъ же онъ? Въ различіи по времени: онъ такъ любомудрствовалъ до благодати и до закона. Это не маловажно, — также можетъ сплестъ безчисленные вѣнцы. За тѣ же самыя преуспѣянія не тѣ же самыя награды, когда одинъ преуспѣлъ въ этомъ въ болѣе раннее время, а другой въ самое послѣднее,—но намного больше онъ для перваго. Не равно было: любомудрствовать, когда Христосъ пришелъ, столько показалъ на Себѣ, увѣщевалъ и совѣтывалъ, и то же обнаружить въ себѣ до пришествія Его, до закона и до пророковъ. Потому именно, и пришедши, Онъ требуетъ большаго приложенія добродѣтели, говоря: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не увидите въ царствіе небесное* (Мѣ. 23. 20). Насколько больше было ученіе, настолько справедливѣе и больше полагается мѣра добродѣтели. Но этотъ, не вкусивъ ученія, не преуспѣвъ въ грамотѣ или книжномъ знаніи, не видя (примѣра) другихъ, ни имѣя прибѣжища въ прежнемъ времени, чтобы наблюдать подвизавшихся,—потому что не было еще Писанія, или исторіи, передающей событія,—онъ единственный и первый

482 тогда проложилъ эту тропу любомудрія, по непроложенному еще пути, по не преплывавшемуся морю, въ такомъ мракѣ зла, показавъ себя по преимуществу верховнымъ въ существенномъ изъ

благъ. Весьма великое (дѣло) и преуспѣяніе въ меньшихъ частяхъ добродѣтели, а много больше значить— быть верховнымъ въ верховной изъ всѣхъ; а что терпѣніе— самое верховное изъ всего, никто не будетъ оспаривать. Сознавъ это, даже самъ дьяволъ говорилъ: *кожу за кожу, и все елика имать чловѣкъ, дастъ за душу свою: обаче послѣ руку твою, и коснися плоти его* (Іов. II, 4). Отсюда ясно, что это преуспѣяніе самое верховное изъ всѣхъ, и требуетъ нѣкоторой мужественной и желѣзной души.

4. Видѣлъ ли его въ испытаніяхъ, насколько тебѣ можно было видѣть? Видѣ въ точности не въ силахъ представить даже самое слово. Скорбь, мученіи, власть увныи и пронеходящее отсюда смущеніе не можетъ такъ объяснить слушателямъ никакая сила слова, какъ самый опытъ на дѣлѣ. Вотъ опять я покажу тебѣ его,—потому что и это немаловажно, но требуетъ также весьма любомудрой души,—покажу выражающимъ много любомудрія при богатствѣ и благоденствіи. Итакъ, какимъ онъ былъ при богатствѣ? Одинаково для всѣхъ пристанью, одинаково для всѣхъ отцомъ, одинаково врачомъ, вѣрнѣе—больше, чѣмъ врачомъ; выслушай, что самъ онъ говоритъ: *око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ* (Іов. XXIX, 15). Видишь ли, насколько онъ больше врача? Онъ былъ для изувѣченныхъ вмѣсто природы, и чего врачи не въ силахъ были исправить искусствомъ, этого онъ достигалъ утѣшеніемъ, служа для нихъ вмѣсто членовъ (тѣла), по многому къ нимъ попеченію. Какъ здоровые, съ крѣпкими ногами и зрѣніемъ,—въ такомъ же положеніи были съ изувѣченными членами, не чувствуя хромоты, ни увѣчья, благодаря великому его попеченію. Потому именно онъ не сказалъ даже, что я утѣшалъ хромыхъ и слѣпыхъ, но—погою ихъ былъ и окомъ; и опять: *азъ быхъ отецъ немощнымъ* (ст. 16). И адѣсь не сказалъ: я утѣмалъ сиротъ, но: отцомъ былъ для нихъ,—отсюда дѣлая очевиднымъ, что онъ не давалъ даже почувствовать сиротства, не допускалъ появиться горю,—избыткомъ попеченія уничтожая самое чувство горя, также точно, какъ тамъ увѣчье у страдальцевъ. Не за изувѣченными только онъ ухаживалъ, не сиротство восполнять, будучи однимъ вмѣсто членовъ (тѣла), другимъ вмѣсто родителей, но поставилъ самъ себя даже въ судьи, и даже больше чѣмъ въ судьи, потому что онъ говоритъ: *распрю, еяже не видяхъ, мзѣдихъ и сотрохъ членовъ не праведныхъ, и отъ средѣ зубовъ ихъ грабленіе изяхъ* (ст. 16, 17). Это много больше, чѣмъ быть судьей. Судьи засѣдаютъ въ ожиданіи обиженныхъ, и наиболѣе искусные изъ судей, послѣ просьбы ихъ, оказываютъ собственное содѣлствіе,—а многіе и того не дѣлаютъ; онъ же превзошелъ даже самыхъ искусныхъ, и намного опередилъ. Онъ и не ожидать,

чтобы обижаемые шли къ нему, и не послѣ ихъ просьбы шель на помощь, но самъ напередъ обходилъ, ища обиженныхъ, и не просто ища, но съ большою неусыпностію, съ большою заботою. И объ этомъ ясно узнаешь, выикнувъ въ смыслъ этого изреченія, потому что онъ не сказалъ: я искалъ, но: *распрю, сяже не сѣдяхъ, изслѣдахъ*, то есть, я разыскивалъ, до мелочи хлопоталъ, 453 употреблялъ всѣ средства до конца, такъ чтобы найти, не обиженъ ли кто-нибудь гдѣ тайно. Замѣчаешь ли неусыпную душу? Видишь ли и мужество и стараніе? И *сопрыхъ членовныя несправедныхъ*. Силу того самого, чѣмъ кусаютъ, я разрушилъ, говорить, такъ чтобы впредь сдѣлать непригоднымъ для другой несправедливости. Итакъ, я приносилъ пользу тѣмъ и другимъ, какъ переносящимъ зло, такъ и дѣлающимъ зло, освобождая и вразумляя. Потомъ (замѣтъ) настойчивость и твердость: *и отъ среды зубовъ ихъ грабленіе изъяхъ*. Я не пренебрегалъ и не отказывался, если къ дѣлу было даже приступлено, но извлекалъ и проглоченное, выражая свое попеченіе о сорабахъ, свойственное какому-нибудь отличному и бдительному пастырю.

А что смиреніе? Подумай, какъ велико: *аще же и презрѣхъ судъ раба моего или рабыни, пріяшися имъ предо мною. Что бо сотворю, аще испытаніе сотворитъ ми Господь? Еда не якоже азъ бѣхъ во чревтѣ, и ти бѣша* (Іов. xxxi, 13—15)? Видишь ли духъ сокрушенный, съ точностію разсматривающій человѣческую природу и знающій, что такое рабъ, и что такое свободный,—различіе, которое у многихъ въ ходу? Отбросивъ это неравенство, онъ, на основаніи равенственности по рожденію, вводитъ слово о любомудріи. И въ немъ именно то удивительно, что, дѣлая такъ, онъ не думалъ даже смиренномудрствовать, но исполнять долгъ. Потому онъ и сдѣлалъ заключеніе, убѣдительное для всѣхъ людей, что нисколько не больше рабовъ должно думать имъ, хотя бы безчисленное множество разъ они были владыками. Эти названія—рабъ и свободный—только голыя слова, лишеныя дѣла; рабство же опредѣляется грѣхомъ, и свобода праведностію. Итакъ, смиренъ ли только, а не любезенъ и пріятенъ онъ? Да, пріятенъ! Разсмотри также здѣсь пренебытокъ. Какъ въ несчастіяхъ онъ со всею крѣпостію перенесъ обрушившееся (на него),—такъ и во время благоденствія онъ преуспѣлъ въ каждой добродѣтели со многими излишкомъ,—не просто, и не какъ пришлось, но достигши до самаго верха. *Аще же и многажды рѣша рабыни моя: кто убо дасть бы намъ отъ плотей ея насытитися? зѣло мнѣ благу сущу* (Іов. xxxi, 31). Здѣсь онъ рассказываетъ о безумной любви рабовъ, которую они имѣли относительно его, ставъ пылкими любителями его (тѣла), посредствомъ котораго онъ къ нимъ являлся. Такъ,

говорить, обвѣшивались около меня, такъ держались, такъ были пригвождены, такъ любили, что желали даже напитаться самою плотью, испить и съѣсть, вълѣдствіе своей сильной любви и рас-
паленности.

3. Что могъ бы сказать кто-нибудь о презрѣніи богатства? И въ этомъ онъ преуспѣлъ попрезрѣху. Не только именно чужого онъ не домогался, что дѣлають многіе теперь, но чуждался по преимуществу даже своего собственнаго, даже его; потому и говорилъ: *аще же возвеселихся, многу ми богатству сущу, ни на каменія многоцѣнная надѣяхся* (ст. 25, 24). Потому именно, когда и было отнято (богатство), онъ переносилъ лишеніе съ большою легкостію,—и когда было при немъ, совершалъ щедрую милостыню, для всѣхъ простерши свою десницу и открывъ свой домъ. И онъ не дѣлалъ того, что допускаетъ большинство, слипкомъ занимаясь и хлопоча относительно получателей, но *дверь моя, говорить, всякому приходящему отверста бѣ*. Безсильные, какую бы ни имѣли нужду, не терпѣли неудачи; странникъ же не выходилъ изъ двери моей съ пустою паузою (ст. 32, 34). Видишь ли щедрость? Видишь ли человеколюбіе, доброту, смиреніе? Желаетъ ли также узнать о цѣломудріи? *Завѣтъ, говорить, положишъ очима моима, да не помышлю на двицу чужую* (ст. 1). Что, придя послѣ того, Христосъ повелѣлъ,—въ этомъ онъ преуспѣлъ на дѣлѣ. Видишь ли его въ богатствѣ, видишь ли въ бѣдности, видишь ли въ здоровьѣ, видишь ли въ болѣзни, видишь ли въ благополучномъ теченіи его дѣлъ, видишь ли его лишеннымъ всего, видишь ли, какъ онъ относился къ дѣтямъ, рабамъ, обяжаемымъ, сиротамъ? *Аще же и родихъ съ посягателями* (ст. 5), говорить, то есть, я не добивался даже сненія съ насмѣшниками. И это немалый знакъ цѣломудрія. Онъ достигъ всякой добродѣтели и, окруженный такимъ (богатствомъ), относился къ себѣ строже ничего неимѣющихъ; ничего неимѣющихъ не такъ свободенъ отъ пристрастія къ деньгамъ, какъ онъ, обладавшій многими. Всюду увѣчивается душевное настроеніе. И онъ взошелъ на самую вершину цѣломудрія, и преуспѣлъ во всякой добродѣтели съ надлежащею тщательностію.

Объ этомъ ревнуй, возлюбленный, этому подражай и, усвоивъ тотъ начертанный образъ, вижди (его) въ своей совѣсти; въ уныніи ли ты будешь, прибѣгай къ нему,—въ богатствѣ ли, бери врачество отсюда, чтобы тебѣ ни въ бѣдность не погрузиться, ни богатствомъ не надмиться,—потеряешь ли дѣтей, отсюда для тебя утѣшеніе, найдешь здѣсь въ избыткѣ и несчастіе и твердость,—въ болѣзни ли впадеши, подумай объ источникахъ червей, которыми кишѣла его плоть, и вынесешь все кротко,—другъ ли за-

мыслить противъ тебя, опять вспомни о святомъ, и будешь выше этой страсти,—нестоющіе ли (люди) будутъ злоупотреблять, подумай, что потерпѣлъ онъ отъ рабовъ, и много уврачуешься,—худое ли подозрѣніе какое-нибудь падеть на тебя, подумай, какъ они (друзья) о немъ говорили, что онъ еще не далъ Ему (Богу) достойной отплаты за грѣхи, и какъ они порицали, и будешь выше также и этой страсти. Какъ я сначала сказалъ, имѣть человѣческаго несчастія, котораго бы онъ, бывшій тверже всякой стали, не претерпѣлъ,—онъ перенесшій голодъ, бѣдность, болѣзнь, потерю дѣтей, и лишеніе сразу такого имуществъ: и послѣ того, подвергшись еще кознямъ жены, оскорбленію отъ друзей, нападенію отъ рабовъ,—во всемъ онъ проявилъ себя тверже всякой скалы; и это до закона и благодати. И у насъ не будетъ ни малѣйшаго оправданія, когда, насладившись такимъ даромъ послѣ закона и благодати, принесемъ меньше его, показавшаго столько любуудрія въ началѣ и въ преддверіи человѣческой жизни. Итакъ, чтобы и намъ имѣть утѣшеніе въ печали и ученіе наилучшаго любуудрія,—запечатѣвъ это, такими отойдемъ, поревнуемъ борцу и будемъ подражать его борьбѣ,—чтобы достигнуть также будущихъ благъ благодати и любуудрія Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

Бесѣда его же, сказанная въ храмѣ святой Ирины, касательно усердія присутствующихъ и нерадѣнія отсутствующихъ, и относительно псалмопѣнія; также о томъ, что для женщинъ природа нисколько не служитъ препятствіемъ въ стремленіи къ добродѣтели.

- 485 1. Какъ пріятно чтеніе Писанія — пріятнѣе всякаго луга, усладительнѣе сада, и особенно, когда съ чтеніемъ соединяется разумнѣе! Лугъ, красота цвѣтовъ, зелень деревъ, роза, плющъ и миртъ услаждаютъ зрѣніе, но, по прошествіи немногихъ дней, вянутъ. А чтеніе Писанія окружаетъ духъ стѣною, очищаетъ совѣсть, изгоняетъ низкія страсти, насаждаетъ добродѣтель, дѣлаетъ помыслъ возвышеннымъ, не допускаетъ погружаться въ неожиданныя обстоятельства дѣла, ставитъ выше дѣвольскихъ стрѣлъ, переселяетъ на самое небо, освобождаетъ душу отъ утѣла, даетъ легкія крылья.—все хорошее, что кто бы ни называлъ,

поселяетъ въ душѣ слушателей. Потому я непрестанно и объ отсутствующихъ скорблю, и ублажаю пришедшихъ,—потому что вы собираете сокровище неистощимое, богатство неисчерпаемое и изобиліе безъ зависти, и отойдете домою, исполнившись многою радости. Ничто не можетъ доставить столько удовольствія, какъ чистая совѣсть; а совѣсть дѣлается чистою, хотя бы она была отягчена безчисленными грѣхами, наслаждаясь непрестаннымъ слушаніемъ. Ничего она не прилагаетъ къ прежнимъ прегрѣшеніямъ, но истощаетъ даже то, что есть, и весьма косную душу заставляетъ браться опять за то же самое дѣло.

Потому именно приглашаю вашу любовь постоянно объ этомъ говорить отсутствующимъ, скорѣе ихъ привести къ общей матери и сдѣлать участниками духовной прибыли. — потому что это общеніе доставляетъ не умаленіе какое-нибудь, но приумноженіе. Но, о, власть денегъ, очень многихъ изъ нашихъ братій отлучающая отъ стада! Вѣдь ничто иное уводитъ ихъ отсюда, какъ тяжкая та болѣзнь и иногда негасимая печь; это—владычица, грубѣе всякой грубости, мучительнѣе звѣря, свирѣпѣе демоновъ,—она кружить теперь на площади, владея своими плѣнными, давая тяжкія приказанія и нисколько не позволяя вздохнуть отъ гибельныхъ трудовъ. Но что они будутъ дѣлать, когда придетъ тотъ страшный день, то неподкупное рѣшеніе и Судія неумный, когда завѣсы небесъ совлекутся, и сонмъ ангеловъ спойдетъ съ Судіею, когда явится все обнаженнымъ и открытымъ? Ни краспорѣчіе ораторовъ, ни изобиліе денегъ, ничто другое не будетъ тогда въ силахъ уничтожить правду. Когда неподкупный и до ясности все знающій поставитъ предъ Своими глазами самые грѣхи, какъ бы начертанные на какой-либо картинѣ, тогда не будетъ ни царя, ни простеца, ни бѣднаго, ни богатаго, ни мудраго, ни неученаго, но снимутся всѣ эти личины, и каждый выразитъ собою зрѣнище своихъ дѣлъ; невидно будетъ облеченнаго въ діадему, ни одѣтаго въ пурпуръ; не будетъ несущагося на колесницѣхъ и съ тысячею жезлодержцевъ, съ шумомъ выступающихъ на площади,—все это будетъ удалено. и каждый приведется обнаженнымъ, съ залогомъ гибели или спасенія отъ своихъ дѣлъ,—каковы окажутся дѣла каждого, такой повесетъ приговоръ. Много для васъ можетъ быть блага, что слушаете эти слова съ такою охотою; стоить каждого и ударъ въ чело показываютъ мнѣ плодъ этихъ сѣмянъ. Потому и скорблю объ отсутствующихъ, что, будучи въ состояніи насладиться такимъ попеченіемъ, они изобилуютъ ранами и постоянными струпами, и не знаютъ даже, что болѣютъ,—почему ихъ и трудно сдѣлать здоровыми. Кто съ ними будетъ бесѣдовать объ этомъ? Со-

жительницы—жены? Но у нихъ одна забота—надоѣдать сожителямъ о золотыхъ украшеніяхъ, одеждахъ и роскоши и хлопотать по дому. Рабы? Но какъ, если они не владѣютъ сколько-нибудь своѣодною рѣчью и сами стараются объ одномъ—объ исполненіи своей службы? Судьи? Но у нихъ рѣчь не о чемъ иномъ, какъ только объ устроеніи общественныхъ дѣлъ. Цари и носящіе діадему? Но и у нихъ весь трудъ, все стараніе на счетъ власти, могущества и денегъ. Сами они съ собою? Но какъ (смогутъ они) не имѣющіе когда вздохнуть отъ бремени дѣлъ, тратящіе на это и ночь и день? Итакъ, чего не жалче имѣющимъ на себѣ множество ранъ, и не приходящимъ сюда, гдѣ они могутъ научиться тому, что, хотя у нихъ и есть раны, возможно освободиться отъ нихъ и получить здоровье? Итакъ, когда они позаботятся о своей душѣ? Желательно, чтобы постоянно приходящіе въ церковь, покупающіе духовнаго ученія, и при такомъ попеченіи о нихъ, были въ силахъ превзойти и обуздать дурныя пожеланія и внимательно отнестись къ дѣланію добродѣтели.

2. Но чтобы, непрестанно обвиняя тѣхъ, не лишитъ васъ обычнаго, мы вотъ опять предложимъ вамъ привычную трапезу. и расскажемъ вамъ о пользѣ самаго псалмопѣнія. Вотъ какой-нибудь псаломъ соединилъ различные голоса, и поднялась одна созвучная пѣснь, всѣ—юноши и старцы, богатые и бѣдные, жены и мужья, рабы и свободные начали пѣть одну мелодію. Если музыкантъ, соединивъ съ помощію строгаго искусства различные струны, дѣлаетъ изъ многихъ (струнъ), остающихся многими, одну, то что удивительнаго, если сила псалма и духовной пѣсни дѣлаетъ то же самое? Не только именно насъ присутствующихъ, но и скончавшагося она соединяетъ съ живыми, потому что и онъ, этотъ блаженный пророкъ, пѣлъ псаломъ съ нами,—хотя впрочемъ въ царскихъ дворцахъ такъ не бываетъ, но облеченный въ діадему сидитъ, а всѣ, даже состоящіе въ самыхъ большихъ достоинствахъ, предстоятъ молча. А здѣсь не такъ, но пророкъ говоритъ, и мы всѣ отвѣчаемъ, и всѣ вмѣстѣ вторимъ; и нельзя здѣсь видѣть ни раба, ни свободнаго, ни богатаго и бѣднаго, ни начальника и простого; все это неравенство жизни изгнано прочь, и одинъ хоръ составляется изъ всѣхъ,—здѣсь большая равноправность, и земля подражаетъ небу. Столько благодарства въ церкви! И нельзя сказать, что господинъ славить со многими дерзновеніемъ, а рабъ принуждается къ молчанію; или опять—богачъ пользуется рѣчью, а бѣдный осуждается на безмолвіе; или еще—мужъ говоритъ съ полною свободою, а жена стоитъ молча и безгласно. Всѣ мы, наслаждаясь тою же самою равночестностію, возносимъ общую жертву, общее приношеніе; и

не имѣетъ этотъ чего-нибудь больше, чѣмъ тотъ, ни тотъ больше, тѣмъ этотъ, но всѣ въ той же самой чести, и различными языками возсылаются одна рѣчь къ Устроителю вселенной. Различіе не въ рабѣ и свободномъ, не въ богатомъ и бѣдномъ, не въ женѣ и мужѣ, но въ духѣ, въ усердіи и нерадѣніи, въ порочности и добродѣтели. Такъ я могу называть и бѣднаго богатымъ, и богатаго бѣднымъ, и мужа женою, и жену мужемъ, и мудраго простымъ, и простого мудрымъ, не сливая природу вещей, но вводя лучшее, все упорядочивающее руководство. И какъ, скажешь, можетъ быть мужъ женою, и какъ жена мужемъ? Не тогда, когда перемѣняется природа, но—воля. Когда я вижу мужа съ золотыми украшеніями, съ румянами, завивающаго волосы, душащагося благовоніемъ, нѣжашагося въ мягкомъ опоясаніи одеждъ и въ походкѣ, думающаго о роскоши, то какъ я могу назвать такого мужемъ, если онъ измѣнилъ благородство природы и перелаживаетъ себя на манеръ женскаго пола? Если жену, дѣлающую это, Павелъ не удостоиваетъ считать даже между живыми, но устраняетъ изъ хора живущихъ, поставляетъ наряду съ мертвыми, говоря: *питающаяся же пространно жива умерла* (1 Тим. v, 6), то какъ мужъ зачтется въ разрядъ мужей, дѣлая то, что дѣлая, жена даже жизнь губить? Не указывай ты мнѣ на мужа по плащу, ни по поясу, ни по тому, что онъ важничаетъ въ своемъ домѣ, бываетъ страшенъ и грозенъ; но по любомудрію въ духѣ,—когда онъ сдерживаетъ свои страсти, когда превозмогаетъ болѣзни души, когда властвуетъ надъ домомъ внутри себя,—разумѣю домъ въ душѣ,—и не увлекается нелѣпыми помыслами; въ этомъ болѣе всего (обнаруживается) мужъ. А если онъ думаетъ о пьянствѣ и похмѣльѣ, и день тратитъ и издерживаетъ на разгулъ и безчинства, ставъ отъ страсти мягче всякаго воска,—какъ я могу назвать такого мужемъ, плѣнника, купленнаго раба, уступающаго всѣмъ страстямъ, хрупкаго, нѣжашагося, роскошествующаго, отвергаемаго всѣми, не могущаго даже встать для состязанія? Или вы не знаете, что у насъ борьба и состязаніе не съ людьми намъ сродными, но съ невидимыми силами, полчищами демоновъ, по божественному Павлу: *нѣсть наша брань къ хрости и плоти, но къ началомъ, ко властемъ* (Еф. vi, 12)?

3. Это—болѣе всего дѣло мужа. Итакъ, наряжающійся, но 493
не виѣющій, румянѣющійся, но не мужающійся,—какъ онъ приступитъ къ состязанію? Или какъ онъ можетъ назваться мужемъ, будучи слабѣе, по состоянію, всякой жены? Потому же самому, какъ его я не могу назвать мужемъ, но слабѣе жены, такъ и жену, поступающую на подобіе мужа—тверже всякаго мужа,

если съ духовнымъ оружіемъ, одѣвшись въ панцырь правды, возложивъ на себя шлемъ спасенія, держа наготовѣ щитъ вѣры, опоясавшись поясомъ истины, держа мечъ духа, она вступаетъ въ состязаніе,—въ сіяніи отъ оружія, мыслию будучи выше неба, разсѣвая полчища демоновъ, разрушая власть діавола, пронзая страсти, производя, чаще военныхъ, пораженія не людей, но нелѣпныхъ помысловъ. Жена и мужъ въ тѣлесномъ отношеніи раздѣлены, еѣ опредѣлены ткацкій станокъ, веретено, корзинка (для работы), надзоръ за домомъ, пребываніе во внутреннихъ покояхъ и воспитаніе дѣтей, а мужу—мѣсто суда, совѣщанія, площадь, войны, битвы и состязанія; но въ борьбѣ за благочестіе—общее ристалище, общая борьба; одинаково и жены вооружаются, и не оставляютъ подвига, но также строятся въ боевой порядокъ, вѣнчаются, объявляются побѣдительницами, получаютъ за отличія награды, похвалы, вѣнцы, и у нихъ побѣдные знаки блестящи, побѣды непрерывны и одна слѣдуетъ за другою.

А чтобы вы не считали этихъ словъ за хвастовство и за болтовню, но до ясности узнали, что жены бываютъ не только мужественнѣе мужей, а даже въ отношеніи самаго безастратія достигаютъ, такъ сказать, ангеловъ,—насколько возможно,—пусть будетъ приведена (въ примѣръ) жена по природѣ, силою же любви достигшая небесъ, мать маккавеевъ, увѣнчавшаяся дважды по семи разъ,—та жена, которая выше какого угодно отличнаго воина, самаго воинственнаго, самаго мужественнаго, самаго великодушнаго, выше настолько, насколько отстоять отъ земли своды небесъ. Воинъ, даже лучший, боится одного удара. того только, съ которымъ связана кончина; а она стояла, какъ бы гора рудокопная, перенося въ душѣ тяжкія скорби по каждому сынѣ за мученія, которыя они принимали тѣломъ; и она была матерью, вдовою, достигшею преклонной старости,—а вы, ставшіе отцами, и вы, перенесшія муки рожденія дѣтей, знаете, насколько это тягостнѣе всякаго жала. И никакая острая стрѣла не причиняетъ раненымъ столь ѣдкой боли, какою каждая изъ этихъ уязвляла ея душу. Подумай, каково было смотрѣть, на каждомъ изъ дѣтей, что одно тѣло дѣлится на части желѣзомъ и огнемъ, устанавливаются длинныя двойныя бѣга: какъ она смотрѣла, какъ слушала, какъ воспринимала дымъ отъ тука ихъ тѣлъ, видя, что на каждого изъ дѣтей устремляются тысячи смертей. Но она стояла, какъ бы скала неподвижная, непоколебимая волнами, и обращающая волны въ пѣну,—какъ желѣзо, какъ сталь; вѣрнѣе, чѣмъ бы ни сказали,—я не въ состояніи дать достойное названіе крѣпости этой жены. Итакъ, назовемъ ли эту жену мужемъ вполне,—но не выше ли, съ большими преизбыт-

комъ, она даже самыхъ мужей? Что же, когда увидишь другую, молодую, съ нѣжнымъ тѣломъ, проводящую ночи безъ сна, дни безъ пищи, подавляющую желаніе чрева, повергающую любовь къ деньгамъ, умерщвляющую тѣло, распинающую на крестѣ свою плоть, считающую настоящее за ничто, ходящую по землѣ и достигающую до самыхъ сводовъ (неба), попирающую власть, пренебрегающую славою, презирающую знатность, одѣтую вмѣсто тонкаго покрывала во вретнице, опоясанную цѣпью, подстилающую себѣ золу, пользующуюся какъ постелью землею и не требующую больше ничего, запершуюся въ тѣсной комнаткѣ, бесѣдующую съ пророками, пользующуюся жизнью, исполненной заботъ о смерти, раньше смерти умершую, истаевающую отъ голода, бдѣнія и грязи, пренебрегающую очарованіемъ настоящей жизни болѣе, чѣмъ гніющими листьями,—эту назовешь ли женою, скажи мнѣ? Но, выдѣливъ даже ее изъ ряда мужей, не поставишь ли въ сонмъ ангеловъ за то, что, при женской природѣ, она выражаетъ собою столько любомудрія?

4. И кто будетъ возражать на это? Никто. Послушай, каковы были также жены при апостолахъ; послушай Павла, говорящаго въ посланіи къ Римлянамъ: *вручаю же вамъ Фиву сестру нашу, сущиу служителницею церкви яже въ Кесареяхъ, которая заступница многихъ бысть и самому мнѣ* (Рим. xvi, 1). Что ты говоришь, Павелъ? Жена сдѣлалась твоею заступницею,—и ты, говоря такъ, не стыдишься и не красѣешь? Не стыжусь, говорить, но даже величаюсь; и Владыка мой не постыдился имѣть матерью жену: а заступницею моею сдѣлалась не потому, что была просто женою, но потому, что любомудра и красуется благоговѣніемъ. И какъ она сдѣлалась заступницею Павла? Въ чемъ въ самомъ дѣлѣ нуждался Павелъ, обходящій вселенную, напрасно обремененный въ тѣло, попиравшій нужды природы, прогоняющій демоновъ, исцѣляющій своею одеждою отъ болѣзни, голоса и тѣни котораго трепеталъ демонъ, который какъ ангелъ почитался вѣрующими, котораго уважали даже звѣри, котораго боялось море и, задержавъ на сутки, не потопило, гражданъ рая, восхищенный до третьяго неба, общникъ Божій въ тайнахъ, потрудившійся больше всѣхъ апостоловъ, сосудъ избранія, другъ невѣсты—Церкви, проповѣдникъ для язычниковъ, обошедшій землю и море, поставившій всюду знаки собственнаго мужества, борющійся постоянно съ голодомъ и жаждою, сражающійся съ наготою и холодомъ, и говорящій: *до нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ* (1 Кор. iv, 11), ставшій мертвымъ для міра, думающій, что міръ мертвъ, гражданинъ небесъ, изступленный любитель Христа, болѣе горячій чѣмъ огонь, болѣе крѣпкій

чѣмъ желѣзо, болѣе твердый чѣмъ сталь,—онъ не стыдится, говоря о женѣ: *заступница многихъ бысть и самому мнѣ?* И не только говорить, но и писать,—и не просто лишь писать, но писалъ это даже въ посланіи къ столь великому римскому народу, надменному и гордому вѣтшними достоинствами,—не только къ нему писалъ, но желалъ даже, чтобы это сдѣлалось очевиднымъ для послѣдующихъ затѣмъ поколѣній. Вѣдь если бы онъ не желалъ, то не помѣстилъ бы этого въ посланіи; а теперь, желая, чтобы это дѣло было передано постоянной памяти, онъ даже называетъ по имени жену, побуждаетъ всѣхъ къ помощи ей, называетъ ее своею заступницею, и не стыдится, и не краснѣетъ. Вотъ что значить—любомудрая душа даже въ женскомъ тѣлѣ. Говорю же объ этомъ, чтобы жена не выставляла какъ предлога, говоря, что я не достигла полной мѣры благоговѣнія, такъ какъ я жена. Та вотъ и жена, а природа ея не стала препятствіемъ, но она удостоилась стать заступницей Павла,—и всюду во вселенной провозглашается. Какъ она стала его заступницей? Можетъ быть исторгла его изъ опасностей? Она сидѣла подлѣ связаннаго, утѣшала бывшаго въ оковахъ, доставляла облегченіе въ необходимыхъ потребностяхъ, отстраняла злоумышляющихъ, предавала самое себя на смерть, чтобы исторгнуть святого изъ приключаящихся несчастій

Потому именно, онъ прославляетъ и ту, которая послѣ нея, говоря такъ: *цѣлуйте Прискиллу и Акиллу* (Рим. хvi, 3). Смотри и здѣсь опять блистательную жену; одно содружество, но жена ставится впереди мужа, потому что не сказала: *Акиллу и Прискиллу*, но: *Прискиллу и Акиллу*. А кто они были? По ремеслу, дѣлатели палатокъ, стоящіе въ мастерской; но ни ремесло, ни бѣдность не стали препятствіемъ,—миновавъ весь городъ, онъ, блаженный, останавливался именно въ этомъ домикѣ. Для чего и почему? Не потому, что въ немъ были колонны, не потому, что плиты и полъ, расцвѣченный камнями, не потому, что золотой потолокъ, не потому, что толпы рабовъ, не потому, что свита изъ евнуховъ, но потому особенно, что домикъ свободенъ былъ отъ всего этого, поэтому-то мужъ и жена, собирая правдою плодъ труда, сдѣлали свой домъ церковью,—не хищничая, ни корыстолюбствуя, но пользуясь служеніемъ тѣла для необходимаго пропитанія. Въ особенности поэтому Павелъ считалъ это жилище удобнымъ для остановки. И чтобы ты зналъ, что, похваливъ добродѣтель ихъ души, онъ тамъ оставался, выступая слѣдующее затѣмъ. *Иже по души моей*, говоритъ, *своя оя положиши, иже не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія* (ст. 4). Видишь ли, что ни женская природа, ни ремесло, ни бѣдность не препятствуютъ

подвигу добродѣтели? Видишь ли, что гостепріимные жена и мужъ угощаютъ апостола не трапезою только, но даже кровію? Въ самомъ дѣлѣ, если даже они не были убиты, то все же они исполнили, что было въ ихъ власти, и, оставаясь въ живыхъ, сдѣлались мучениками, и частыми мучениками, всегда готовыми быть убитыми за Павла. Не сказалъ онъ: которые истратили деньги, которые отворили свой домъ,—но, что было больше всего, выдвигаетъ на сцену убіеніе, закланіе, съ цѣлью сказать, что „они пожелали даже быть усѣченными за меня“. Пусть слушаютъ нынѣшніе богачи, съ трудомъ удѣляющіе оболъ для святыхъ; тѣ даже свою кровь отдавали, и полагали самую жизнь, чтобы спасти святого и послужить; а нынѣшніе не могли бы легко пожертвовать въ пользу пуждающихся даже самую малую часть своего имущества; Прискилла же и Акилла отдали и деньги, и тѣла, и самую жизнь. Видишь ли, насколько жена любомудра, насколько также и мужъ, живущій даже въ бѣдности и ремесломъ? Этимъ именно мы поревнуемъ, этимъ будемъ подражать, и, презрѣвъ настоящее, отдадимъ все за то, что угодно Богу, чтобы и намъ достигнуть будущихъ благъ, благодатію и чело-вѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

Бесѣда, сказанная въ церкви апостоловъ, въ день царя Θεодосія, противъ называющихъ самихъ себя каеарамъ, послѣ рѣчи другихъ двухъ епископовъ¹⁾.

1. Какъ прекрасна двоица говорившихъ, изъ которыхъ одинъ тащилъ кивотъ при помощи быковъ, а другой возлагалъ начатки словъ! Если и различенъ ихъ возрастъ, то основа земледѣлія одна; вѣрнѣе, даже возрастъ не различенъ: у молодого постоянство стараго, и у стараго пышность и цвѣтъ молодого,—такъ

¹⁾ Къ этой бесѣдѣ нужно замѣтить: 1) имена двухъ епископовъ неизвѣстны, но одинъ былъ старей, а другой молодой; 2) прославляется имп. Θεодосія Великій, умершій 17 января 395 года, и отсюда вѣроятно, что святитель говорилъ въ 399 году въ день кончины императора; 3) упоминаются два узурпатора царской власти: первый—Максимъ, второй—Евгеній; 4) обличается христіанская секта, называвшаяся каеары (καθαροί: чистый), которая была тогда въ Константинополѣ многочисленна и имѣла тамъ своего епископа.

что кто-нибудь не ошибся бы, назвавъ того и другого и старичомъ и молодымъ, не по свойству возраста, но по расположенію духа. Вотъ, наконецъ, и мы привнесемъ отъ себя свое. Вѣдь я вижу, что вашъ слухъ ненасытенъ, также мы обязаны блаженному Θεодосію не обычнымъ долгомъ, не за то, что онъ былъ царемъ, но что—благочестивымъ, не за то, что былъ облеченъ въ порфиру, но что былъ одѣтъ во Христа, въ одежду никогда нестарѣющуюся, и одѣвалъ на себя панцырь правды, обувь Евангелія мира, мечъ духа, щитъ вѣры и шлемъ спасенія. Съ этимъ оружіемъ онъ уничтожилъ тирановъ—какъ перваго, такъ и послѣдняго. Того схвативъ безъ труда и кровопролитія, онъ поставилъ побѣдный знакъ, не потерявъ изъ войска даже малой части; а этого захватилъ только онъ одинъ, при происшедшемъ столкновеніи. Когда съ той и другой стороны войско приготавливалось къ бою, выпускались тучи стрѣлъ, и произошло бѣгство своихъ, когда противники сильно налегали,—онъ, соскочивъ съ коня, положивъ на землю щитъ, склонивъ колѣна, просилъ помощи съ неба, и мѣсто состязанія сдѣлалъ мѣстомъ церкви, сражаясь не при помощи луковъ и стрѣлъ, или копій, но слезами и молитвами, и такимъ образомъ, благодаря случившемуся вдругъ порыву вѣтра, стрѣлы противниковъ понеслись противъ пускающихъ ихъ, враги же, дыша яростію и убійствомъ, при видѣ (этого), мгновенно измѣнившись, объявили его царемъ, а своего выдали, связавъ руки позади. И возвратился блаженный Θεодосій, сіяя не побѣдою только, но и образомъ побѣды. Воины не раздѣляютъ съ нимъ побѣднаго знака, какъ у остальныхъ царей, но весь онъ былъ знакомъ его одного и его вѣры. Потому именно мы его ублажаемъ, и не говоримъ, что онъ скончался, такъ какъ всякій *вѣруй въ мя*, говорить (Господь), *аще и умретъ, оживетъ, и всякъ живой и вѣруй въ мя не умретъ* (Іоан. xi, 25, 26). Это Христосъ сказалъ, это сіяетъ и посредствомъ дѣлать. Что же, скажешь, не умеръ ли онъ? Никимъ образомъ; не могу сказать, что это смерть, но нѣкоторый сонъ и отсутствіе. Какъ многіе изъ живыхъ бываютъ мертвыми, зарывъ, какъ въ могилѣ, свою 492 душу въ тѣлѣ,—такъ многіе изъ скончавшихся живутъ, блистая правдою,—подобно и ему, блаженному. Смерть въ высшей степени тяжка, и рождаемая грѣхомъ—поистинѣ смерть, которою не умираютъ, по слову (Господа), вѣрующе въ Него. *Живыи*, говорить (Господь), *и вѣруй въ мя не умретъ...*¹⁾.

2. Обошедшій, какъ бы на крыльяхъ, землю и море, привед-

¹⁾ Здѣсь, повидимому, недостаетъ отрывка, гдѣ святитель противопоставлялъ скромность ап. Павла безстыдству каваровъ.

нии ко Христу тысячи народовъ, участники въ неизреченныхъ тайнахъ, восхищенный до третьяго неба, ужели не осмѣлился сказать о себѣ что-нибудь такое? Никонимъ образомъ, но все противоположное: называлъ себя выкидышемъ и послѣднимъ изъ апостоловъ, и думая о себѣ, что онъ не достоинъ даже этого названія, говорилъ: *явись достоинъ нарецися апостолъ* (1 Кор. xv, 9). Итакъ, что это за безуміе? Что за хвастовство? Что за сгмашествіе? Будучи человекомъ, ты называешь самого себя чистымъ (каваромъ), и убѣжденъ, что ты чистъ,—сколько въ этомъ безразсудства? Говоря о самомъ себѣ, что ты чистъ, ты дѣлаешь нѣчто подобное, какъ если бы кто говорилъ, что море отъ волнъ чисто. Какъ того не оставляють волны, такъ и насъ грѣхи. Или ты не знаешь, кто мы, когда радуемся, печалимся, бываемъ богаты, бѣдны, оскорбляемся, хвалимся, находимся въ гоненіи и боремся, наслаждаемся безопасностію, голодаемъ, насыщаемся? Тысячи страстей окружають душу, тысячи обстоятельствъ, тысячи болѣзней тѣлесныхъ, тысячи несообразностей въ дѣлахъ,—и осмѣливаешься сказать, что ты чистъ отъ столькихъ волненій въ Эврипѣ? ¹⁾ Что можетъ быть грязнѣе такого, находящагося въ такомъ состояніи? И зачѣмъ я говорю о всей жизни? Скажи мнѣ, можетъ ли кто утверждать, что онъ чистъ въ теченіе одного дня? Если не блудничаешь, не прелюбодѣйствуетъ, не погрѣшаешь противъ этихъ заповѣдей, то можетъ ли похвалиться, что онъ не тщеславился, что не безразсудствовалъ, что не смотрѣлъ необузданными глазами, что не желалъ собственности ближняго, что не лгалъ, что не коварствовалъ, что не желалъ худого врагамъ, что не клеветалъ на друга? Если любящій любящаго будетъ имѣть за это нисколько не меньше мытаря, то какого прощенія будетъ достоинъ даже клеветущій на друга? Будучи потрясаемъ таковымъ зломъ, ты осмѣливаешься называть самого себя чистымъ? Но безуміе этого не отсюда только будетъ показано, а и съ другой стороны; васъ же и вашу любовь приглашаю, все это обдумавъ, удалаться отъ ихъ хвастовства, и быть внѣ этого безумія, со всѣмъ усердіемъ испытывать себя, и дѣйствительные грѣхи омыять, а приражающіеся устранять отъ себя. Хотя бы насъ окружили даже тысячи золь, мы, если будемъ благоразумны и бдительны, будемъ въ состояніи достигнуть многого оправданія, многого извиненія, и омыться отъ прегрѣшеній.

¹⁾ См. ораторъ уподобляетъ человѣческую душу проливу Эврини, Эврикос, отдѣляющему о. Эвбею отъ материка. Нѣкоторые древніе эллиніскіе писатели сообщаютъ, что теченіе въ этомъ проливѣ смѣнялось по семи разъ днёмъ и ночью (Gaully, A. Real-Encyclopädie etc. Stuttg. 1844. Bd. III, S. 305).

493 И выслушай, какъ это будетъ: если будемъ въ церковь приходить, если будемъ сѣтовать о прегрѣшеніяхъ, если будемъ признаваться въ согрѣшеніяхъ, если будемъ совершать милостыню, если будемъ выражать свои молитвы, если будемъ помогать обижаемымъ, если будемъ прощать согрѣшенія врагамъ, если будемъ плакать надъ своими грѣхами,—все это есть врачество противъ грѣховъ. Это именно все—приглашаю—будемъ дѣлать, ежедневно омывая самихъ себя, очищаясь; и со всѣмъ этимъ, будемъ считать себя несчастными, говоря, что мы рабы негод-
494 ные,—вѣдь и это не маловажный способъ заглаженія грѣховъ,—и, при преуспѣяніи, отнюдь не воображать о себѣ много, чтобы не потерпѣть намъ, что потерпѣлъ фарисей. Если такъ будемъ распоряжаться собою, то будемъ въ состояніи достигнуть чело-вѣколюбія и прощенія въ тотъ страшный день и удостоиться обѣтованныхъ благъ, коими и да насладимся всѣ мы, благодатію и чело-вѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

Бесѣда, сказанная въ храмѣ святой Анастасіи ¹⁾.

493 1. Незначительно собраніе присутствующихъ, по велико стараніе; потому, даже не значительно собраніе. Мы ищемъ не множества людей, но приготовленнаго духа, крыленной мысли, слушателя, который выше всего житейскаго; хотя бы одинъ такой былъ, онъ въ состояніи удовлетворить говорящаго; такъ и самарянская жена была бѣдна, преступна и иноплеменница, однако Владыкою вселенной сочтена была достойною тѣхъ пространныхъ рѣчей; и часто Онъ проходилъ мимо іудейскаго народа, или не бесѣдуя, или прикрывая рѣчь, а съ чужеземною женою, имѣвшею пять мужей и сожительствующею противъ закона съ шестымъ, съ одною бесѣдовалъ, нарочно пославъ учениковъ на площадь, чтобы не испугать ловитву. Столько попеченія у Владыки вселенной даже объ одной душѣ, если только найдетъ, что пастроеніе и готовность являютъ ее способною къ слушанію рѣчи,—что она тогда и проявила.

¹⁾ Есть предположеніе, что эта бесѣда была сказана святителемъ на пасхальной седмицѣ. Между предыдущею бесѣдою и этою, въ Ватиканскомъ спискѣ, пишется бесѣда противъ зрѣлищъ въ ипподромѣ и театрѣ.

Изъ блудницы она стала благовѣстницей, когда возглашала о грѣхъ своихъ уликахъ и говорила: *приидите, видите человека, иже рече ми вся елика сотворихъ: еди той есть Христосъ* (Іоан. IV, 29). Онъ откровенно разсказалъ ея жизнь, и обнаружилъ прегрѣшенія, говоря: *пять бо мужей имѣла еси, и нынѣ егосже имашь, нѣсть ти мужъ* (ст. 18). Но не поразила ее улика, а вызвала скорѣе къ расположенію. Таковы благородныя души: чѣмъ другіе соблазняются, этимъ онѣ исправляются. Если бы была другая какая-нибудь, изъ неразумныхъ, то она была бы поражена уликами, убѣждала бы, подвиглась бы на гнѣвъ и негодованіе; а эта, постѣ обвиненія, болѣе располагается къ Учителю и спрашиваетъ Его о высшемъ ученіи,—сказала, что *вижу, яко пророкъ еси ты* (ст. 19), и, узнавъ Его изъ вѣдѣнія (Имъ) собственныхъ (ея) пороковъ, больше удивляется и спрашиваетъ. Это было свойствомъ души, желающей любознательствовать. И не спрашиваетъ что-нибудь о житейскомъ дѣлѣ: ни объ имуществѣ, ни о тѣлесномъ здоровьѣ, ни объ освобожденіи отъ бѣдности, хотя живетъ въ крайней нищетѣ, но о священныхъ мѣстахъ, о жизни предковъ, объ отеческомъ богочитаніи, говоря: *отцы наши въ горѣ сей поклонилися, и какъ вы глаголете, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, ижеже кланяться подобаетъ* (ст. 20)? И во вступленіи она то же самое дѣлаетъ, говоря: *како ты отъ мене пити просиши, жены Самаряныни сущей* (ст. 9)? Такъ вдумчива у нея была душа и способна къ спасенію. Потому именно и знающій тайны духа, нашедши тучную почву, повергнувъ щедрою рукою сѣмена, по немногу возводя ея къ высшему. Все это мною сказано, чтобы вы знали, что у насъ собраніе не незначительно. Если тамъ одна жена сдѣлалась достаточнымъ зрѣлищемъ, тѣмъ болѣе мы не будемъ медлить, видя столько мужей, столько женъ, и съ такой готовностію, но воспользуемся обычнымъ ученіемъ. Если Владыка ангеловъ, Котораго трепещутъ херувимы, не отказался бесѣдовать съ одною женою блудницею, то какое у насъ будетъ оправданіе, какое извиненіе, если минуемъ такое собраніе? Итакъ, вотъ опять мы приготовимъ для васъ привычную трапезу, устранивъ общій духовный пиръ: поставимъ чашу, нальемъ цѣльнаго вина. Эти мяса не разрываютъ чрева, но ограждаютъ духъ; вино это не дѣлаетъ слушателя безумнымъ, но даже пьянаго дѣлаетъ благоразумнымъ. Такова природа этой трапезы, которая можетъ быть достаточна для насъ даже вмѣсто оружія. И намъ также необходимо оружіе, такъ какъ у насъ есть война на каждый день, не противъ сродныхъ съ нами людей, но противъ невидимыхъ силъ, противъ демонскихъ полчищъ, превосходящихъ жестокостію тысящи враговъ, противъ непримиримаго властителя, сражающагося

съ нами безъ перемирія, даже не объявляющаго напередъ о времени войны, поражающаго невидимо, втайнѣ. Описывая эту именно войну, блаженный Павелъ, вождь вселенной, восклицалъ, говоря: *прочес, братіе, возмогайте во Господѣ, и въ державѣ крѣпости его* (Еф. vi, 10); и опять въ другомъ мѣстѣ: *яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, ко властемъ, къ міродержителямъ тмы вѣка сего* (ст. 12).

2. Видишь ли, какъ онъ приготовляетъ къ борьбѣ мысли воиновъ, какъ будить духъ, какъ вооружаетъ войско, отсѣкая нерадѣніе и отстраняя косность? Такъ какъ на войнѣ предають воиновъ особенно два (свойства): измѣна мужеству по трусости и то, что безпечные увеличиваютъ свое нерадѣніе и даютъ врагамъ напасть на нихъ, незащищенныхъ,—а, дѣйствительно, ни крайне робкій не можетъ быть годенъ для войны, такъ какъ вслѣдствіе страха легко уловляется, ни опять же совершенно чуждый боязни не можетъ преодолѣть враговъ, такъ какъ вслѣд-
 495 ствіе крайней смѣлости, устраняетъ подготовку изъ своей испуганной души,—то Павелъ, исправляя какъ одно, такъ и другое, дѣлаетъ ихъ и боевыми, недоступными нерадѣнію, чрезъ описаніе полчищъ враговъ, равно и готовится къ смѣлости, и предохраняетъ отъ паденія чрезъ указаніе на силу предводителя въ такой войнѣ, Христа. Потому именно онъ, какъ отличный полководецъ, сплочиваетъ боевой отрядъ, устраняя изъ души вѣрующихъ страсти вредныя мужеству, выражая свою любовь, и соединяя съ собою именемъ родства сильно отстоящихъ отъ него по благочестивой жизни: *прочес, говоритъ онъ, братіе моя*. Онъ проявляетъ нѣжную ко всѣмъ любовь въ гораздо большей степени, чѣмъ родившіеся съ нами изъ той же матерней утробы, и въ своей душѣ обнимаетъ вселенную,—столь широка была его любовь!—и не только въ состояніи безопасности, но даже среди опасностей. И живя въ темницахъ, и ожидая смерти, и подвергаясь крайней опасности, онъ заботился объ ученикахъ, часто изъ темницъ писалъ письма закованною въ цѣпь рукою, связанною десницею; входя въ судилище, имѣя дать отчетъ и вестись на смерть,—то, что относилось къ судьямъ, все то оставивъ: страхъ, опасность, угрозы, смерть, мщеніе, наказанія, палачей, ярость начальниковъ, хитрости злоумышленниковъ, плети,—онъ памятовалъ о вѣрующихъ даже въ это время: такъ его душа была свободна отъ узъ тѣла, такъ, что даже живя во плоти, она держалась небеснаго свода, и, какъ бы перемѣщенная на тамошній удѣлъ, все согласно съ нимъ и совершала, пребывая между тѣмъ на землѣ. А чтобы вамъ понять, что сказанное не есть преувеличеніе, и не лесть, выслушай это отъ него, говорящаго:

каже праведно мнѣ сіе мудрствовать о васъ, за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ (Филип. 1, 7). Но сказанное еще невелико сравнительно съ тѣмъ, что будетъ дальше; и это, правда, велико, но послѣдующее затѣмъ много больше; сказавъ: *за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ*, онъ прибавилъ: *во узѣхъ моихъ и отвѣтъ и извѣщеніи благовѣстія*. Видишь ли, какъ онъ никогда не выпускалъ ихъ изъ своей мысли? Если темницы, судилища и цѣпь не вредили памяти, то тѣмъ болѣе спокойныя времена. *За еже имѣти ми въ сердцѣ*, говорить, *оасъ*. Видишь ли постепенно усиливающееся слово? Велико—и въ сердцѣ имѣть, но больше—то же и сверхъ того въ цѣпяхъ; а еще больше—это послѣднее, да въ добавокъ—въ отвѣтъ и утвержденіи благовѣстія. Здѣсь, мнѣ кажется, намекается на время, въ которое онъ, терпя крайнюю опасность, приводился къ судьямъ. И тамъ, говорить, стоя, я думалъ не о томъ, какъ бы освободиться отъ надвигающихся опасностей, и не о томъ, какъ бы устраниваться отъ козней, но услаждался любовію къ вамъ, бесѣдуя даже съ отсутствующими; и ни длина пути, ни тягость дѣлъ, ни великость опасностей, ни страхъ предъ начальниками, ни возстаніе народовъ, ни очевидная смерть, ни обнаженные мечи, ни толпы палачей, ничто такое нисколько не отводило меня отъ па- 496
мятованія о васъ. Нѣтъ ничего властительнѣе любви, ничего выше ея; она паритъ выше всѣхъ этихъ стрѣлъ, выше сѣтей дѣвола, все высматриваетъ съ вершины небесъ; и какъ порывистый напоръ вѣтра, упавая, отстраняетъ докучливую пыль, такъ и сила любви обычно отстраняетъ натискъ всѣхъ страстей. Это исполнилось и на Павлѣ: и для него достаточнымъ было утѣшеніемъ во всемъ спасеніе любимыхъ, памятованіе (о нихъ). Что же значить: *во извѣщеніи благовѣстія*? Здѣсь одно реченіе, но въ немъ необъятное море мыслей; я же попытаюсь его раскрыть, и со всѣхъ сторонъ изслѣдовать. Слово Божіе—это жемчугъ, сіяющій чрезъ все, выражающій много силы не во множествѣ реченій, но въ ихъ краткости. Но будьте внимательны, и вы увидите, сколько сокровища открываетъ намъ эта сила изреченія.

3. Итакъ, что значить утвержденіе благовѣстія, и какос утвержденіе благовѣстія онъ разумѣетъ, и для чего онъ, напомнивъ о судилищахъ, темницахъ и цѣпи, припоминалъ объ этомъ изреченіи? Когда проповѣдь распространилась (необходимо начать рѣчь съ болѣе ранняго, чтобы сдѣлать ученіе яснѣе), все было исполнено большого шума, все было полно смущенія. Когда одиннадцать, единственно они, выстроились на борьбу противъ вселенной, искореняя древнюю привычку, уничтожая давнее заблужденіе, ниспровергая законы отцовъ, дѣдовъ и предковъ, потрясая и уничтожая отеческіе обычай городовъ, говоря противъ

всѣхъ—философовъ, ораторовъ, начальствующихъ, судей, властителей, народовъ, рабовъ, свободныхъ, земледѣльцевъ, моряковъ,—поднялась тяжелая война, и, какъ я раньше сказалъ, все стало полно шума; повсюду стремнины, повсюду утесы, и не такъ море волнуется, бѣснуясь и разсѣкаясь противными вѣтрами, какъ колебалась тогда вся вселенная, когда древніе обычаи, укрѣпившіеся за столько времени, уничтожались, и не въ одномъ, двухъ и трехъ городахъ, но всюду по вселенной, а вводилось новое ученіе, котораго никто никогда прежде не слышалъ. Отсюда произошла противъ нихъ непримиримая у всѣхъ война, потому что они (апостолы) и дома раздѣляли, и родство разрывали, потому что природа проповѣди, шествуя своимъ путемъ и располагая къ себѣ многихъ, возбуждала враговъ между не принимавшими слова благочестія: и отецъ отказывался отъ сына, и мужъ презиралъ жену, и господа вели борьбу съ рабами, и начальники съ подчиненными, — эта (война) была горше всякой междоусобной войны,—если только нужно назвать это войною, а не чѣмъ инымъ, болѣе тягостнымъ, чѣмъ война. Въ самомъ дѣлѣ, на войнѣ боевыя стороны находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, какъ то, такъ и другое войско и поражаетъ, и поражается; а тогда не такъ было, но одинъ свободно нападалъ, а другіе только подвергались нападенію, поражать же для нихъ было невозможно, равно какъ и защищаться отъ коварствующихъ, потому что такъ повелѣвалъ предводитель боевого строя, говоря: *посылаю васъ яко овцы посреди волковъ: будите убо мудри яко змія, и цѣли яко голубіе* (Мѡх, 16). И не только повелѣвалъ выходить противъ коварствующихъ, но даже доставлять (имъ) удовольствіе безчинствовать,—потому что обращеніе правой щеки и посыланіе овецъ среди волковъ намекаютъ не на иное что, какъ на то, что имъ дано въ удѣлъ страданіе, чтобы побѣдный знакъ сдѣлался блистательнѣе. Какъ? Такъ, что, будучи въ числѣ одиннадцати, они преодолѣли вселенную,—что (достигли этого) страдая, а не причиняя (страданія), поражаясь, а не поражая, подвергаясь кознямъ, а не коварствуя, бичуясь, а не бичуя, изгоняясь, а не изгоняя, преслѣдуясь, а не преслѣдуя, убиваясь, а не убивая, — и что, какъ овцы, назначенныя на закланіе, они измѣняли до кротости овецъ всѣхъ волковъ, бѣснующихся, дышащихъ убійствомъ, бывшихъ свирѣпѣе звѣрей. Когда слово распространялось и благочестіе посѣвалось, отовсюду возгарались костры, вражда и войны, и не только противъ учителей, но даже противъ учащихъ. Въ то же время, кто принималъ слово, обращался для всѣхъ въ общаго врага, изгонялся изъ отечества, переселялся на чужбину, терялъ имущество и подвергался опасности относительно самой

свободы, вѣрнѣе, самой жизни; и ничего тогда не значила власть природы, но, какъ я раньше сказалъ, и дѣти презирались, братья и сродники были на сторонѣ враговъ, съ учителями терпѣли бѣды ученики. Все это показывая, Павелъ и говорилъ: *вспомните первыя дни, въ нѣхже просвѣтившися, много подвиговъ подъясте страданій, ово поношеніи и скорбми позоръ бывше, ово же общины бывше живущи тако. Ибо я узашъ моимъ спосрадасте, и разграбленіе имѣніи вашихъ съ радостію пріясте, вѣдяще имѣти себѣ имѣніе на небесѣхъ пребывающее и лучшее* (Евр. х, 32—34). И опять въ посланіи къ Фессалоникійцамъ говорилъ: *вы подобныцы бысте, братіе, церквамъ сущимъ во Іудей, зане таяжде и вы пострадате отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тѣи отъ Іудей, убившихъ и Господа, и насъ изгнавшихъ. и вѣмъ челоукомъ противящихся* (1 Сол. п, 14, 15). И опять Галатамъ пиша, говорилъ: *толика пострадате туне, аще точію и туне* (Гал. ш, 4). И, рассказывая о своихъ страданіяхъ, говорилъ: *въ терпѣніи мнозѣ, въ тѣснотѣ, въ темницѣхъ, въ трудѣхъ, во бдѣніихъ* (2 Кор. vi, 4, 5), *во алчбѣ, въ жаждѣ и наготѣ* (xi, 27); и опять: *четырдесять разѣхъ единымъ пріяхъ, трици палицами бѣенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, ношъ и день въ глубинѣхъ сотворихъ, бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбоиникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды въ пустыняхъ* (xi, 24—26); и опять: *нападеніе на меня еже по вся дни, попеченіе вѣсѣхъ церквей* (ст. 28); и опять: *языческій князь Аревы царя стрежаше Дамаскъ градъ, яти мя хотя, и оконцемъ въ кошницѣхъ священъ быхъ по стѣнѣ, и извѣгохъ изъ руку его* (ст. 32); и опять въ другомъ мѣстѣ: *вмѣняхся яко бѣцы заклєніа* (Рим. viii, 36); и еще въ иномъ мѣстѣ: *да дастъ милость Господь Онисифорову дому, яко веригъ моихъ не постыждѣся, но пришедъ въ Римъ, тощѣхъ възиска мя и обрѣте* (2 Тим. i, 16, 17).

4. Что могъ бы кто-нибудь сказать о лжеапостолахъ, лжебратіи, о безчисленныхъ и разнообразныхъ войнахъ? Вѣдь приводились въ дѣйствіе не только мщенія и наказанія, но даже краснорѣчіе ораторовъ и подготовленность философовъ; и не только ими, но даже торговцами употреблялось въ дѣло много хитростей противъ Церкви; на это намекая, онъ говорилъ: *Александръ ковачъ многа ми зла сотвори: отъ негоже и ты себе блюди: зѣло бо противится словесемъ нашимъ* (2 Тим. iv, 14, 15). Какъ море не бываетъ безъ волнъ, такъ и душа Павла была исполнена безчисленныхъ испытаній, ежедневныхъ опасностей: совнѣ, извнутри, посредствомъ слова, посредствомъ дѣла, посредствомъ денегъ, посредствомъ коварствъ; и никакое слово не въ силахъ будетъ представить тучи тѣхъ стрѣлъ, множество волнъ. Итакъ, когда въ такомъ (положеніи) были дѣла, не въ отношеніи сказаннаго

только, но и гораздо большего, когда не учителя только, но и ученики подвергались опасности, и не ученики только, но и учителя,—а вѣдь если бы одна часть была въ испытаніи, остальная же въ безопасности, то послѣдняя для первой могла бы послужить утѣшеніемъ, теперь же на ту и другую нападали враги и поражали,—когда при видѣ этого, многіе изъ весьма немощныхъ ослабѣвали, цѣпенѣли, постоянно грустили, видя блага проповѣди — царство, воскресеніе и нетлѣніе—въ надеждѣ, а здѣсь—въ испытаніи и терпѣніи—(видя) печальное: плавили, печи, темницы, войны, вражду, ненависть, смерти, опасности, и учителей своихъ то въ темницахъ, то въ синагогахъ, оскорбляемыхъ, отводимыхъ, когда отовсюду были тучи золь, и они находились въ какой-то глубокой ночи испытаній, которая всѣхъ обнимала и заставляла ихъ сильно волноваться и смущаться,—тогда, замѣтъ, какъ онъ возбуждаетъ мысль ихъ однимъ изреченіемъ. Онъ дѣлаетъ то же самое и съ другой стороны, въ другомъ посланіи, говоря: *тѣмже ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите* (Евр. хп, 12); говоритъ не о колѣнахъ и рукахъ, но о хромающихъ помышленіяхъ, ослабляемыхъ множествомъ испытаній. Потомъ, послѣ увѣщанія, онъ присоединяетъ величайшее утѣшеніе, говоря: *еще бо мало елико елико, грядый придетъ и не укоснитъ* (х, 37). Но такъ какъ это было пока въ надеждѣ, то онъ опять еще иначе ихъ поощряетъ, приводя въ лучшее расположеніе не чужими, но собственными примѣрами. *Вспоминайте, говорятъ, первыя дни, въ низже просветишеся, много подвиговъ подъяете страданій* (ст. 32). Постыдитесь самихъ себя и вашихъ преуспѣяній, не дѣлайте конца, недостойнаго начала, примите отъ себя самихъ утѣшеніе. Послѣ увѣщанія тѣмъ и другимъ способомъ, онъ увѣщаетъ также и этимъ изреченіемъ. Какъ и какимъ образомъ? Называя утвержденіемъ Евангелія темницы и оковы. Не мертвые только возстаніемъ, говорятъ, не прокаженные очищеніемъ, не демоны изгнаніемъ, но и мы утверждаемъ Евангеліе заключеніемъ своимъ въ оковы. Какъ же это, скажи мнѣ? Вѣдь въ этихъ словахъ—новость и многое походить на загадку. Слушай, наконецъ, какъ: если бы мы проповѣдывали безъ страха, не терпя ничего непріятнаго, ни ужаснаго, то и многимъ изъ желающихъ насъ оклеветать казалось бы, что проповѣдь подозрительна; а теперь мы—гонимые, преслѣдуемые, разрываемые, сожигаемые, сбрасываемые со скалъ, терпя безчисленное множество (испытаній) и не уступая, но дѣлаясь отъ этого болѣе бодрыми, даже склоннымъ къ сильнѣйшему безстыдству доставляемъ достаточное доказательство, что мы—проповѣдники истины, и въ насъ есть нѣкоторая божествен-

вая сила, которая все это облегчаетъ, и не дозволяетъ множе- 499
ству испытаній превзойти проповѣдниковъ—хотя послѣднихъ
немного—возобладать (надъ ними) чрезъ столько препятствій.
Если бы кто-нибудь пожелалъ получить ясное доказательство,
что насъ призываетъ внутренняя божественная сила,—пусть онъ
взвѣситъ наши испытанія, опасности, оковы, темницы. Не свой-
ственно человѣческой силѣ преодолѣть столько крутизнь, пер-
сплыть столько волнъ, дать мѣсто столькимъ стрѣламъ, но это свой-
ственно божественной и неборимой крѣпости. Такимъ образомъ
цѣль есть утвержденіе Евангелія, не для тѣхъ только, но и для
насъ, страдающихъ,—потому что она дѣлаетъ насъ испытанные,
крѣпче, заставляетъ больше презирать козни. Потому онъ и го-
ворилъ: *скорбь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе же искусство, искус-
ство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. v, 3—5).

5. Видишь ли, какъ скорбь утверждаетъ Евангеліе? Потому
именно и въ другомъ мѣстѣ, когда онъ просилъ объ освобожден-
ніи отъ испытаній и часто ради этого приступалъ (къ Господу),
онъ слышалъ: *довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи
совершается* (2 Кор. xii, 9). Немощью здѣсь называются преслѣдо-
ванія, испытанія, опасности, козни, оскорбленія. А сказанное вотъ
что значить: Я могъ, говорить, этому воспрепятствовать, пога-
сить войну и задержать волны, но не сдѣлалъ, чтобы больше
выразилась Моя сила. Сила Его такъ не выразилась бы, если бы
этого не было, какъ (выразилась), когда было, но не имѣло
крѣпости. Такъ точно и лучшимъ кормчимъ мы называемъ не
того, кто можетъ направлять корабль по тихому морю, но кто
плывущихъ на немъ проводить между скалами, волнами, бурями
и вѣтрами,—и врачомъ того, кто страдающаго исторгаетъ отъ
безчисленныхъ удручающихъ болѣзней,—и полководцемъ того,
кто можетъ поставить побѣдный знакъ, когда отовсюду облегаютъ
и поражаютъ враги,—и пастыремъ того, кто соблюдаетъ стадо въ
безопасности отъ безчисленныхъ окружающихъ волковъ и дру-
гихъ злоумышленниковъ. Такъ и тогда особенно удивительно
было то, что они, терпя безчисленное множество бѣдъ, одержи-
вали верхъ надъ ними и превосходили самихъ причинявшихъ
(бѣды). Когда Петра и Іоанна, сына грома и основаніе вѣры,
ввергли въ темницу, подумай, въ какомъ оказались затрудненіи,
когда тѣ были выпущены. Приведши ихъ, говорятъ въ сомнѣніи:
что сотворимъ челоуѣкомъ сила (Дѣян. iv, 16)? Іудеи, вскормлен-
ные на крови пророческой, народъ неистовый и яростный, раз-
рушавшій до основанія алтари, убивавшій пророковъ, вскормлен-
ный на убійствахъ, народъ свирѣпѣе звѣрей, съ котораго капала
еще Владычняя кровь, распинатель,—этотъ народъ, взявъ двухъ

рыбаковъ—неученыхъ, простыхъ, неизвѣстныхъ, безгласнѣ рыбы, изъ которыхъ одинъ не перенесъ пустой угрозы даже привратницы,—ихъ именно взявъ, и держа связанныхъ у себя, обнаженныхъ, не облеченныхъ ни богатствомъ, ни крѣпостію тѣла, ни искусствомъ слова, ни силою ораторства, ни знатостію рода, ни величіемъ отечества, этихъ рыбаковъ отъ рыбаковъ, боровшихся съ крайнею бѣдностію,—(іудеи) оказались въ затрудненіи, какъ поступить съ ними, и говорятъ: *что сотворимъ челоуѣкома сима?* Видишь ли, насколько великое дѣло добродѣтели, и какимъ образомъ испытанія—утвержденіе Евангелія? И говорятъ къ нимъ: *не запрещеніемъ ли запретимъ вамъ не учить о имени сего?* И *хочете навести на ны кровь челоуѣка сего* (Дѣян. v, 28). Если Онъ только челоуѣкъ, зачѣмъ тебѣ быть въ страхѣ? А если Богъ, изъ-за чего не поклоняешься? Не восклицалъ ли ты недавно, говоря: *кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Мѡ. xlviii, 25)? Почему ты боишься этой крови? Почему она потрясаетъ твой духъ? Не связывалъ ли ты Его? Не бичевалъ ли? Не распялъ ли на крестѣ? Не видѣлъ ли мертвымъ снимаемаго со креста? Не созерцалъ ли погребаемымъ и въ землѣ скрываемымъ? Не положилъ ли ты печати на гробъ? Не подкупилъ ли воиновъ? Не посѣялъ ли молву, что ученики украли Его? Почему ты боишься теперь? Почему трепещешь Его крови? Видишь ли, что истина сіяетъ во всемъ? Когда, послѣ того замысла, они увидѣли, что поднимается дѣло, и его вступленіе блестяще, свѣтлѣе даже солнца, что изъ самаго начала обнаруживается, что оно охватитъ сразу всю вселенную и будетъ гнать заблужденіе до крайнихъ предѣловъ, и они не въ состояніи будутъ даже перенести несказанный порывъ его и силу,—они боятся, трепещутъ этихъ скованныхъ, осужденныхъ, бичеванныхъ, противъ которыхъ злоумышляли, этихъ двухъ, этихъ простыхъ. Потому Павелъ называетъ испытанія утвержденіемъ Евангелія; потому также въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *разумѣти же хочу вамъ, братіе, яко, яже о мнѣ, паче во успѣхъ благоговѣствованія приидоша*: такъ что множайшіи братія о Господѣ на дѣявшіися о узахъ моихъ, паче держатъ безъ страха слово глаголати (Филип. i, 12, 14). Кто видѣлъ, кто слышалъ, что темницы доставляютъ смѣлость, и оковы производятъ дерзновеніе, не у связаннаго только, но даже у учащихся? Однако, тогда такъ было: проповѣдь усиливалась чрезъ противниковъ, и ученики,—когда учитель подвергался нападенію, кознямъ и заключенію въ оковы,—дѣлались еще смѣлѣе, больше радовались, больше веселились. Вы похвалили эти слова? Будемъ, наконецъ, подражать этому мужеству, поревнуемъ этой добродѣтели, и пусть ничто насъ не пугаетъ, никакое изъ испытаній пусть не смущаетъ; это узн

благочестія, это крылья любомудрія, это приготовляетъ крѣпкихъ и неодолимыхъ, это даетъ большее дерзновеніе къ Богу, привлекаетъ большее благоволеніе, содѣйствуетъ поселенію многой благодати. Итакъ, чтобы намъ насладиться всего этого, будемъ—умоляю—переносить все случающееся, слава завсе Бога, такъ какъ Ему приличествуетъ слава, честь и держава, съ едиnorodнымъ Его Сыномъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

Бесѣда его же, сказанная въ церкви Павла, когда готы прочитали и готскій пресвитеръ раньше сказалъ бесѣду ¹⁾).

1. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы сегодня присутствовали эллины, такъ чтобы они услышали прочитанное и узнали, какова крѣпость Распятаго на крестѣ, какова сила креста, каково благо-
родство Церкви, какова твердость вѣры, каковъ позоръ заблужденія, каково осмѣяніе демоновъ. Ученіе философовъ подорвано даже у говорящихъ одною рѣчью (съ ними), а наше имѣетъ много силы даже у иноязычныхъ; и то распалось легче паутины, а это утвердилось крѣпче стали.

Гдѣ ученіе Платона, Пиеагора и бывшихъ въ Аѳинахъ? По-
тухло. Гдѣ—рыбаковъ и дѣлателей палатокъ? Не въ Іудеѣ только, но даже на чуждомъ языкѣ, какъ вы слышали сегодня, оно сіяетъ свѣтлѣе солнца; скионы, еракійцы, савроматы, мавры, индійцы, даже поселившіеся на самыхъ крайнихъ предѣлахъ вселенной, — всѣ любомудрствуютъ, переложивъ на собственный языкъ тѣ же самыя изреченія; это даже во снѣ не представлялось носящимъ у эллиновъ бороду, важно на площади отстраняющимъ встрѣчныхъ посохомъ, потрясающимъ локонами на головѣ, выражающимъ собою скорѣе лицо льва, чѣмъ человѣка. Но не таково наше, и не въ наружности, но въ благоразуміи, (дѣло) любомудрія. Блудница, не имѣющая природной красоты, налагаетъ на

¹⁾ Эта бесѣда была сказана святителемъ между пасхою и 1-мъ воскресеньемъ послѣ пасхи. Она имѣетъ цѣлю обличить неправду ученыхъ язычниковъ, называемыхъ здѣсь эллинами, и заблужденіе *іудеевъ*, хвалившихся Авраамомъ, какъ своимъ отцомъ по плоти. Въ посрамленіе тѣхъ и другихъ, святитель заставилъ предварительно готовъ прочитать на ихъ родномъ языкѣ изъ Евангелія и дать объясненіе. Въ Константинополѣ были тогда православныя готы.

самое себя нѣкоторую рукотворную красоту натираніемъ, подкрашиваніемъ, бѣлыми одеждами и другими такими ухищреніями, прикрывая свое природное безобразіе; а двѣца красивая по природѣ, пріятная и благородная, попускаетъ дару природы состязаться самому по себѣ, не нуждается ни въ какой такой помощи, но отталкиваетъ, чтобы природная красота не прикрывалась этими занавѣсами. Это можно видѣть какъ въ Церкви, такъ и у внѣшнихъ. Тѣ, не имѣя природной красоты, и будучи не въ состояніи украситься благочестіемъ, придаютъ себѣ важность краснорѣчіемъ, обточенными изреченіями, слогомъ выражений, волосами, благопорядкомъ и другимъ кое-чѣмъ; а у насъ не такъ, но, все это оттолкнувъ, отбросивъ внѣшнее измышленіе, выражаютъ свою природную красоту, не изощряя языка, не преслѣдуя благозвучія, но, любомудрствуя въ силѣ мыслей, всемѣрно проявляютъ также въ дѣлахъ и въ правильной жизни обитающую въ нихъ Божію благодать. Потому именно они уловили не только обитаемую, но и необитаемую землю, не только землю, но и море, не только города, но и горы, холмы и долины, не только Элладу, но и чуждую (страну), не только почетныхъ, но и крайне бѣдныхъ, не только мужей, но и женъ, не только стариковъ, но и молодыхъ. Не доселѣ, но и дальше они прошли, и, не удовольствовавшись нашимъ мѣстообитаніемъ, они высадились у самаго океана, и захватили въ свои сѣти чуждыя страны и британскіе острова; и куда бы ты ни пришелъ, наконецъ, ты увидишь, что имена рыбаковъ обращаются на устахъ всѣхъ, не по могуществу рыбаковъ, но по силѣ Распятаго, всюду пролагавшей путь имъ, и являвшей простыхъ мудрѣе философовъ, неученыхъ и бывшихъ безгласнѣе рыбъ ревностнѣе ораторовъ, писателей и ученыхъ. Итакъ, пусть не считаетъ никто стыдомъ для Церкви, что мы заставили иноземцевъ выйти на средину и сказать, потому что это—краса Церкви, это—украшеніе, это—доказательство силы, которая въ вѣрѣ; объ этомъ также пророкъ, свѣше провозглашая, говорилъ: *не суть рѣчи, ниже словеса, иже не слышатся гласи ихъ: во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Псал. хviii, 4, 5). Опять же другой, указывая на это, намекалъ иными словами, говоря: *волцы и агнцы и муть пастися оупь, и барсъ будетъ почивать съ козленкомъ, и левъ яко волъ съестъ плоть* (Иса. lхv, 25); не о львахъ и агнцахъ, барсахъ и козленкахъ онъ рассказываетъ, но провозглашаетъ намъ и показываетъ, что именно звѣроподобные изъ людей достигнуть такой облагороженности, срастворившись любомудріемъ проповѣди, что будутъ составлять одно стадо съ благороднѣйшими и кротчайшими изъ мужей. И это сегодня вы видите,—что самые грубые изъ

502

всѣхъ людей стоять съ овцами Церкви, что пастбище общо, овчаря одна и предстоить одна для всѣхъ трапеза.

2. Да постыдятся іудеи, читающіе Писаніе и не понимающіе смысла его; да закроютъ отъ стыда свое лицо эллины, сидящіе на каменныхъ сѣдалищахъ и гонящіеся за тьмою,—при видѣ истины, сіяющей свѣтлѣ луча; да красуется Церковь, всюду сіяющая и парящая. Какъ солнце обще и земля обща, море и воздухъ, такъ намного болѣе стало общимъ слово проповѣди; потому и Павелъ говорилъ: *да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочіихъ языцѣхъ. Еллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь: тако есть, еже по моему усердію и вамъ сущимъ въ Римъ благовѣстити* (Рим. 1, 13—15). И чему ты удивляешься, если въ новомъ (завѣтѣ это есть), когда даже въ ветхомъ то же самое происходило. Самый первый, сдѣлавшійся предкомъ и Церкви и синагоги, ихъ по плоти, а нашимъ по духу, былъ иноземцемъ, былъ приведенъ изъ средней Персиды—разумѣю патріарха Авраама, который и Писанія не слышалъ, и не участвовалъ въ пророчествѣ, и не имѣлъ учителя, и не слышалъ исторіи,—такъ какъ еще не приходилъ Моисей,—и не узналъ чего-нибудь изъ бывшаго до него, и не былъ наученъ тому, что имѣло быть послѣ него, но, родившись и воспитавшись въ средней странѣ персовъ, такъ сразу сталъ любознательствовать, будто раньше получилъ много повелѣній даже новаго (завѣта), и выразилъ (это) своими дѣлами. Получивъ повелѣніе выйти изъ отчизны, покинуть домъ, друзей и сродниковъ, и идти на чужбину, онъ не испыталъ ничего человѣческаго, не былъ удержанъ привязанностію, не разсуждалъ съ собою и не говорилъ: покинувъ явное и очевидное, идти ли мнѣ къ неизвѣстному и неочевидному?—но, имѣя проводникомъ вѣру, и приобрѣвъ вмѣсто посоха общаніе Божіе, онъ одно изъ рукъ терялъ, а другое въ надеждѣ принималъ; и на основаніи этого также онъ былъ предкомъ Церкви, такъ какъ и мы получаемъ повелѣніе презирать житейскія и видимыя дѣла, напрягать свою надежду на неочевидное, держаться вѣры, якоря нашего спасенія, и искать того (невидимаго),—почему и Павелъ говорилъ: *упованіемъ бо спасаемся: упованіе же видимое нѣсть упованіе* (Рим. viii, 24); и опять: *еже бо нѣсть легкое печали нашея, но преумноженію въ преслѣваніе тяготу вѣчныхъ славы содѣлываетъ намъ, не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. iv, 17, 18). Выйдя изъ отчизны и поста- 503

вивъ на чужбинѣ свой шатеръ, блаженный этотъ Авраамъ опять выразилъ апостольскія повелѣнія своими дѣлами. Когда онъ воздвигъ тотъ блестящій трофей—одержалъ неожиданную побѣду, преодолѣлъ иноземцевъ не крѣпостію тѣла, но силою вѣры, и

ему предлагалось спасенными взять награду за тѣ труды и бѣдствія,—когда иноземецъ ему говорилъ: *даждь ми мужи, а кои возми себѣ* (Быт. xiv, 21),—тогда что онъ говоритъ? *Воздвигну руку мою къ Богу вышнему. аще отъ нити до ремня сапожного возму отъ твоего* (ст. 22). Видишь ли, какъ онъ исполнилъ то евангельское повелѣніе, которое говоритъ: *туне пріѣсте, туне дадите* (Мѡ. х, 3)? И Моисей былъ воспитанъ и вырощенъ въ иноземномъ домѣ, однако не получалъ отсюда никакого для себя вреда, но и онъ любомудрствовалъ не меньше патріарха, осмѣивая сибаритскую трапезу ¹⁾, будучи выше той роскоши, не цѣня богатство, царство и скипетръ Египта, но самъ перешелъ къ глиня и приготовленію кирпича. Потому именно и Павелъ, удивляясь ему, говорилъ: *большее богатство аmentныхъ Египетскихъ сокровищъ поношеніе Христова* (Евр. xi, 26). Потомъ показывая также учителя этихъ благъ, присоединилъ, говоря: *невидимаго бо яко видя, терпяше* (ст. 27),—что было дѣломъ величайшей вѣры. Итакъ, не будемъ считать стыдомъ, что въ Церкви есть иноземцы, но—даже большимъ украшеніемъ, потому что и самъ Господь напѣ Іисусъ Христосъ, пришедши во вселенную, первыми призвалъ иноземцевъ. Когда Онъ былъ рожденъ и положенъ въ ясли, волхвы, придя изъ Персиды, поклонялись Ему. О, неслыханный и странный дѣла! Когда имѣеть входить въ городъ царь,—занавѣсы и свѣтильники (устраиваются) ²⁾, встрѣчаютъ всѣ сановники и власти со свѣтлымъ видомъ, (бываютъ) флейты, свирѣли, киеары и всякій родъ музыки, блестящая одежда и вѣнки и много великолѣпія; а когда имѣлъ входить во вселенную Царь небесъ,—ничего такого, но все противное: шатеръ, палатка и ясли, мать повидимому простая, большая нищета и гнетущая бѣдность. Между тѣмъ, если бы Онъ пожелалъ, могъ бы придти, потрясая небо, колебля землю, посылая молніи,—и затѣмъ я говорю объ этомъ?—если бы Онъ показалъ Свою божественность только въ наготѣ, то какого блеска и свѣтлости она не была бы больше? Но Онъ не сдѣлалъ такъ, потому что желалъ не погубить, а спасти, не утратить, а исправить, поправить сначала спѣсь человѣческую и уничтожить безуміе. Потому именно не просто-человѣкомъ Онъ дѣлается, но даже нищимъ человѣкомъ, и избираетъ Себѣ такую мать и простое убѣжище, привѣтствуя съ

¹⁾ Святитель называетъ египетскую роскошь при Моисей именемъ города *Σόβαρις*, основаннаго въ Луканіи поселенцами изъ Эллады въ 720 г. до Р. Х. Въ цвѣтущее свое время городъ имѣлъ до 100.000 жителей, образъ жизни которыхъ отличался крайнею роскошью и сталъ пословицей (*Pausan.* Bd. vi, S. 1524).

²⁾ Здѣсь нѣкоторый пропускъ въ текстѣ.

самого начала, съ Своего рожденія, крайній предѣлъ бѣдности. Какая, скажи мнѣ, жена, хотя бы она была бѣднѣе всѣхъ людей, хотя бы нищенка, не имѣетъ кровати, чтобы положить родившееся дитя? Но Онъ не возлежалъ и на кровати, а просто въ ясляхъ, какъ случилось, и въ шатрѣ, къ въ гостинницѣ. Таково начало Его входа, такъ оно блестяще и славно; а когда слышишь о входѣ, не думай о перемѣнѣ мѣста, но—о снисхожденіи для домоправленія ¹⁾.

3. И Павелъ, когда говоритъ: *егда же паки сводитъ персород- 504*
наго во вселенную (Евр. 1, 6),—возвѣщаетъ намъ о домоправленіи,—потому что присутствующій всюду и все исполняющій куда бы могъ входить? Такъ онъ назвалъ явленіе (Его) по домоправленію. Итакъ, входя во вселенную, Онъ входилъ въ уничиженномъ видѣ, попирая спѣсь, останавливая безуміе, убѣждая, чтобы всѣ умѣряли себя, не безчестили бѣдность, ни презирали нищету, не очаровывались богатствомъ, не думали, что человѣческая пышность есть великое (дѣло), но—что она слабѣе тѣни, ничтожнѣе листьевъ, обманчивѣе сновидѣній. Итакъ, вошедши, Онъ призвалъ иноземцевъ, и не просто иноземцевъ, но даже волхвовъ, распространенный видъ нечестія. Когда все во вселенной было въ худомъ состояніи: нечестіе властвовало всюду, и тукъ, и дымъ, законъ не имѣлъ силы, пророки не исправляли, не приносили пользы ни увѣщанія, ни чудеса, ни наказанія, ни мщенія, земля осквернялась кровью человѣческою, и самая природа не признавалась,—*пожроща сыны своя и дщери своя бѣсовомъ* (Псал. св, 37),—алтари до основанія разрушались, пророки избивались, храмъ благочестія сдѣлался развалиной и вмѣстилищемъ идоловъ, народъ, выведенный на сцену, чтобы воспитать другихъ, сдѣлался для иныхъ основаніемъ богохульства,—*вась ради*, сказано, *имя мое глумится во языцехъ* (Иса. 49, 5),—жертвы посрамлялись, праздники, новомѣсячія, субботы и прочій видъ служенія былъ отвергнутъ,—когда добродѣтель была въ пренебреженіи, свыше обвинялъ голосъ Божій, снизу оплакивали голоса пророковъ, и голоса отовсюду,—когда дѣла были въ худомъ положеніи, усилилось великое зло, нависла какъ бы густая туча, глубокая ночь, порочность стала дерзкой, добродѣтель была изгнана, поднималась огромная буря и непрерывныя волны, кораблекрушенія сдѣлались часты и постоянны, всѣ были потоплены, ни голоса корм-

¹⁾ Богословскій терминъ *οἰκονομία*, гдѣ разумѣется главнымъ образомъ воплощеніе Господа. Обычная его передача, чрезъ *домостроительство* не точна, потому что *οἶκος* (откуда—*οικία* изъ—*οικία*) значить: раздавать части, пасти, управлять. Ср. Лук. хп, 42: *ὁ πιστὸς οἰκονόμος*—вѣрный экономъ.

чаго не слышалось, ни искусство моряковъ не имѣло силы, но властвовали лукавые духи, не было никакой надежды на спасеніе и не осмѣливался кто-нибудь призвать Бога—потому что какъ (призвать), когда пророки обвиняли, ангелы же, приставленные къ каждому народу, отъ стыда закрывали свои лица?—тогда, наконецъ, время призвало Устроителя всего, самого Художника, создавшаго также нашъ родъ отъ начала. Когда была тяжчайшая болѣзнь, порожденная особенно безуміемъ и хвостовствомъ, извращались начало, середина и конецъ дѣлъ,—Онъ отправился отъ отеческаго престола и пришелъ на землю. Опять, когда слышишь: отправился, не думай о перемѣнѣ мѣста, ни объ опустѣніи неба, потому что, находясь даже въ дѣвственной утробѣ, Онъ былъ съ Отцомъ; а какъ (отправился), не спрашивай, и не требуй отчета, потому что когда Богъ дѣйствуетъ, нужны только вѣра, согласіе и исповѣданіе. Итакъ, пришедши и увидѣвъ больного лежащимъ на постели, въ отчаяніи,—когда же говорю: больного, то разумѣю родъ человѣческій, (лежащій) не на такой постели (т. е. простой), но на постели порочности,—(увидѣвъ) покинутымъ врачами, осаждаемымъ страстями, во власти болѣзни, (увидѣвъ) всякій родъ слабости обрушившимся на человѣческую природу, самого человѣка отчаявшимся наконецъ въ себѣ, даннаго врача ранъ,—говорю о законѣ,—превратившимся въ суроваго обвинителя, умножающаго вины и дѣлающаго 605 человѣка повиннымъ еще большему суду, (увидѣвъ) власть немощи и набытокъ золъ, (а больного) неимущимъ никого другого, кромѣ создавшаго насъ съ начала,—смотри, что Онъ дѣлаетъ предварительно: облачается обезсилѣвшею и побѣжденною нашею природою, чтобы чрезъ нее сражаться и возобновить борьбу, и изъ самаго преддверія и начала тотчасъ съ корнемъ вырываетъ природу безумія, которое было причиною всѣхъ золъ. Оно именно сдѣлало, что диаволъ, не бывшій диаволомъ, сталъ диаволомъ, какъ и Павелъ указываетъ, говоря: *не новокрещенну, да не возгордится въ судѣ падеть диаволъ* (1 Тим. ш, 6). Оно извергло Адама изъ рая: когда онъ услышалъ: будете какъ боги,—обманутый этою надеждою, коснулся дерева, поправъ законъ, и преступилъ заповѣдь. Потому и Богъ приготовилъ врачество, соотвѣтствующее ранѣ. Какъ въ отношеніи тѣла, по словамъ врачей, противное служитъ цѣлительнымъ средствомъ для противнаго, и мы охлажденное согрѣваемъ, а засохшее увлажняемъ,—такъ и Богъ поступилъ относительно страстей души. Безуміе ее надмевало и заставляло вдуваться,—поэтому Онъ употребилъ врачество, останавливающее ея вдутость и уничтожающее опухоль. Какое же врачество? Обложилъ ее смертію. Потому не смерт-

ное только тѣло Онъ создалъ, но устроилъ такъ, чтобы оно и гнѣло и смѣшивалось, изобиловало источниками червей, разрѣшалось въ гной и исполнялось зловонія, напередъ полагаая основаніе смиренномудрію, и не допуская когда-нибудь гордиться, даже сильно безумствующему. Что въ самомъ дѣлѣ зловоннѣе человѣческаго тѣла? Что ничтожнѣе скончавшагося?

4. Но не будь мрачнымъ, волюбленный, а усматривай здѣсь попеченіе Божіе. И скончавшійся не чувствуетъ происходящаго, чтобы печалиться, и живущій воспитывается на чужомъ тѣлѣ любуясь. Хотя бы онъ (т. е. живущій) неисчислимо множество разъ принималъ важный видъ и много величался, но подошедши ко гробу, чувствуя доходящее зловоніе, и вспомянувъ о нашемъ ничтожествѣ, останавливается, падаетъ и спускается до самаго ада. И чтобы тебѣ знать, что такъ сдѣлано ради этого, что Онъ не безчеститъ нашу природу, но обуздываетъ безуміе духа и соблюдаетъ человѣка въ постоянномъ смиренномудріи,—такъ какъ отъ начала у него отсюда (т. е., изъ безумія) былъ грѣхъ,—послушай, что говоритъ пророкъ Исаія: *како спадетъ съ небесе денница восходящая завтра* (Иса. xiv, 12)? Не объ утренней звѣздѣ онъ говоритъ, потому что и не спала когда-нибудь утренняя звѣзда, но, разъ утвержденная на небѣ, она непоколебима, и соблюдаетъ свое теченіе. Итакъ, что значить сказанное пророкомъ: *како спадетъ съ небесе денница восходящая завтра*? Онъ говоритъ о нѣкоторомъ иноземномъ царѣ; утренней же звѣздой называетъ его по великолѣпію, по діадемѣ, по порфирѣ, по блеску копыеносцевъ, по сіянію оружія, по блестящему золоту, по заостреннымъ и сверкающимъ копьямъ, по всей остальной пышности, по всему тому, что возять и носить. Что онъ говоритъ не объ утренней звѣздѣ, но, сказавъ: *како спадетъ съ небесе денница восходящая завтра*, пользуется этимъ именемъ переносно, это далѣе выясняетъ: *ты же рекъ еси во умѣ твоємъ: на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, и буду подобенъ Вышнему* (ст. 13, 14). Что звѣзда не имѣетъ ни мысли, ни ума, ни рѣчи,—всякому, конечно, очевидно; но онъ горюитъ о нѣкоемъ богохульномъ царѣ, хвастливомъ, великорѣчивомъ и такъ величавшемся. Кто же этотъ царь? Мы могли бы сказать, но чтобы не все учиться вамъ отъ насъ, а и сами вы съ заботливостію и неуспышностію изслѣдывали бы сокровища божественнаго Писанія,—обратитесь къ этому мѣсту пророка и узнаете, кто царь, какого народа, и когда онъ былъ,—такъ какъ говорится: *даже премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ* (Прит. ix, 9). Итакъ, когда этотъ царь, будучи блестящимъ и знатнымъ, со многими избыткомъ богатства, по занятіи всей вселен-

ной и распространеніи своего царства, сразу былъ восхищенъ и умеръ,—пророкъ, зная измѣнчивость относительно людей, сказалъ: *како спаде съ небесе денница восходящая завтра*, колебатель царей, сдѣлавшій всю вселенную пустынею? и, обращая къ нему свою рѣчь и осмѣивая его, прибавляетъ: *ты же реклъ еси: на небо възду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, и буду подобенъ Вышнему: нынѣ же во адъ спидеши*, подъ тобою постелятъ гной, и покрывало твое червь (ст. 13—15). Видишь ли, какъ Онъ по этой причинѣ устроилъ,—о чемъ я говорилъ,—что наше тѣло имѣетъ такой жребій, чтобы служить врачествомъ отъ безумія. Итакъ, увидѣвъ его (т. е. человѣка) въ отчаяніи, Онъ воспитываетъ его тѣмъ, что бываетъ послѣ кончины, напоминая о червяхъ, зловоніи, гноѣ,—чтобы онъ, помывшись о томъ, покинулъ свое безуміе, и думалъ съ гордостію не объ настоящемъ, а о томъ, каковъ будетъ конецъ, какая послѣдуетъ съ нимъ перемѣна. Потому именно мы получили въ удѣлъ страждущее тѣло, и послѣ кончины столь зловонное. Если, при такой природѣ, многіе изъ безумныхъ сбились на безразсудство, чтобы воображать себѣ богоравенство и пренебрегать небомъ, то въ чемъ бы они не были извращены беззаконіемъ, если бы не сдерживались этою уздою? Не этотъ только царь, но и другой воображалъ о себѣ то же самое; и другой пророкъ, Іезекіиль, осмѣивая его, говорилъ: *ты же реклъ еси: азъ есмь Богъ* и не человѣкъ, живущій въ сердцѣ земли: *еда речеши съ рукъ убивающихъ тя*, что *Богъ есмь* и не человѣкъ (Іезек. ххviii, 2. 9)? Видишь ли, что и этотъ намекалъ, что смерть для того привзошла, чтобы остановить безуміе, чтобы съ корнемъ вырвать тотъ лукавый помысль, который въ первозданномъ посѣялъ отъ начала діаволъ? Отсюда-то и произошло идолослуженіе, верхъ человѣческихъ золъ, когда многіе до безумія возвышаютъ себя и желаютъ богоравенства. Итакъ, всѣ эллинскіе боги были созданы людьми; чтобы этого не было, Богъ обложилъ смертію, изобличая немощь природы. Потому именно, единородный Сынъ Божій, останавливая безуміе, устроилъ такъ, что претерпѣлъ такое начало Своего входа: шатеръ, бѣдность, мать нищую,—убѣждая всѣхъ дѣломъ, чтобы они попирали человѣческую гордость; и, пришедши, призываетъ прежде всего инопоземцевъ. Для чего и почему? Когда родъ человѣческій былъ въ худомъ состояніи,—и опять возвращусь къ тѣмъ же самымъ словамъ,—и всѣ отчаялись въ спасеніи,—тогда Онъ прежде всего ниспровергаетъ крѣпость діавола и крѣпчайшее его оружіе, чтобы не былъ въ отчаяніи никто изъ остальныхъ. Съ другой стороны, это послужило къ стыду іудеевъ, что они колебались придти, а эти отпировались даже въ далекое путешествіе, чтобы Его видѣть и поклониться;

и обходя (всѣхъ), говорить: *гдѣ есть рождѣйся царь Иудейскій* (Мѣ. II, 2)?

а. О, удивительныя и странныя дѣла! Единородный Сынъ Божій проповѣдуется прежде всего иноземною рѣчью въ Иудеѣ, гдѣ пророки, патріархи, праведники, законъ, кивотъ, завѣтъ, храмъ, жертвы и служенія; и вскормленные на этомъ не настаиваются, даже узнавъ отъ иноземцевъ, а они, никогда ничего такого не слышавшіе, дѣлаются учителями упражнявшихся въ этомъ. Потому именно, пророкъ Давидъ, осмѣивая ихъ, говорилъ: *ескую шаташася языцы, и людѣе поучишася тщетнымъ* (Псал. II, 1)? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не попусту они учились, когда не приняли предсказаннаго пророками? Однако, не (такъ) волхвы,—но отправились даже въ далекое путешествіе, покинувъ отечество, домъ, друзей и сродниковъ, и подвергли себя опасности. Пришедши въ царствующій городъ, они спрашивали, гдѣ родился царь. Они не подозрѣвали ярости царствовавшего тогда, ни возстанія народа, ни козней города. Такъ какъ они приняли на себя проповѣдь, то дѣлаются сразу любомудрыми и мучениками при жизни, дерзая противъ смерти, пренебрегая опасностями, презирая настоящую жизнь, смѣло проповѣдуя чтò узнали, объявляя о родившемся среди народа и среди города. Потому также звѣзда скрывается, чтобы они, потерявъ руководителя, были принуждены учиться отъ іудеевъ,—вѣрнѣе, въ своемъ ученіи ихъ наставлять, такъ какъ они ищутъ только мѣсто, а что Онъ родился, они раньше знали. Но смотри на мудрость Божию, какъ Онъ ихъ призвалъ. Не послалъ Онъ пророка, потому что не потерпѣли бы,—ни апостола, потому что не вняли бы,—ни Иисуса, потому что они не знали; но отвлекаетъ ихъ отъ заблужденія собственными и близкими имъ дѣлами. Такъ какъ они были волхвами, и у нихъ была наука относительно звѣздъ, то является имъ звѣзда, влекущая ихъ съ чужбины,—звѣзда, не одна изъ видимыхъ, но и некоторая божественная и невидимая сила, принявшая снаружи видъ звѣзды; влечетъ же ихъ звѣзда, чтобы освободить ихъ, наконецъ, отъ занятія звѣздами и прекратить власть астрономіи. Такъ и Павелъ сдѣлалъ, подражая Владыкѣ своему: *подобни мнѣ бывайте*, говоритъ, *якоже и азъ Христу* (1 Кор. IV, 16). Какъ Владыка его, призывая волхвовъ, послалъ видъ звѣзды, чтобы, узнавъ привычное себѣ, они охотно повиновались и, пришедши, увидѣли бы Владыку звѣздъ и, освободившись отъ того служенія, приступили бы къ этому господству,—такъ и онъ послалъ Тимофея съ обрѣзаніемъ, имѣя упразднить обрѣзаніе. Такъ какъ имѣющіе принять его были іудеями, а онъ былъ сыномъ вѣрующей іудейки жены, отца же эллина, и потому необрѣзанный, то онъ совер-

шилъ обрѣзаніе, поступая по примѣру рыбаковъ,—потому что и они не закидываютъ въ море пустую удочку, но надѣвъ на нее прикормку. Итакъ, пусть будетъ синагога моремъ, а іудеи рыбами, удочкой Тимофеей, обрѣзаніе прикормкой, надѣтой на удочку, рыбакомъ Павель; слѣдовательно, онъ забрасываетъ удочку въ море, 508 но не пустую,—Тимофея съ обрѣзаніемъ, а не необрѣзаннаго,—такъ какъ, если бы онъ послалъ необрѣзаннымъ, рыбы убѣжали бы, увидѣвъ удочку пустую; потому самому онъ устраиваетъ обрѣзаніе, чтобы они, признавъ обычное имъ, устремились на добычу, и чтобы онъ не испугалъ ловитву; устремившихся на добычу,—чтобы они были привлечены чрезъ обрѣзаніе, а удержаны словомъ ученія; такъ именно и было. Вошедши, и съ обрѣзаніемъ, онъ уничтожилъ обрѣзаніе. Таково-то дѣло домоправленія: прежде онъ снисходитъ, а потомъ отвлекаетъ. Такъ сдѣлалъ и Христосъ, призывая иноземцевъ. Какъ призывая людей, Онъ облекся въ челоуѣка и по виду, и по природѣ, такъ и призывая волхвовъ, перемѣнилъ совѣтъ въ видъ звѣзды незримую силу. Что та звѣзда не была звѣздою, одною изъ многихъ, научись изъ ея теченія. Она шла не отъ востока къ западу, но отъ сѣвера къ югу, потому что такъ лежитъ Палестина къ Персидѣ; и является не ночью, а днемъ, что несвойственно звѣздѣ; и является, и скрывается, что также несвойственно звѣздѣ; скрывается, когда они дошли до Іерусалима, и является, когда удалились отъ царя. Отсюда очевидно, что она была нѣкоторою разумною силою, домоуправлявшею всѣмъ по повелѣнію. Не изъ этого только это очевидно, но (также изъ того) что служа имъ руководительницею до яслей, не сверху показывается имъ, но, сошедши внизъ, останавливается, гдѣ былъ Младенецъ,—надъ самою, такъ сказать, Его головою; если бы она была звѣздою, то не показала бы такого мѣста, тѣснаго и ограниченнаго. Вы знаете, конечно, до ясности, что, по чрезмѣрной высотѣ, звѣзда не могла бы опредѣлить мѣсто даже города, и ея (указаніе) даже прямо спускающееся по отвѣсу неясно по чрезмѣрной высотѣ. А та (звѣзда) показывала и малое мѣсто, ясли, будучи близъ толовы, и, показавъ, тотчасъ скрылась,—что не было дѣломъ звѣзды.

6. Если волхвы говорятъ: *видѣхомъ звѣзду ея* (Мф. п, 2), то говорятъ пока по собственной своей наукѣ, которую потомъ, конечно, будучи приведены, оставили. Что они вмѣстѣ и звѣзду увидѣли и освободились отъ заблужденія, очевидно изъ того, что они поклоняются; если бы они считали ее одною изъ многихъ, то не поклонились бы. Чего же ожидали отъ Младенца странники, пришельцы и иноземцы? Откуда они узнали, что Онъ приведетъ къ жизни и вознаградитъ ихъ, находящихся на

такомъ разстояніи? Какъ они не предвидѣли настоящей опасности? Какъ не подумали, что естественно было предвосхищеніе (пѣ) даже изъ настоящей жизни, когда тогдашній царь умертвилъ бы (ихъ)? Какою они увидѣли знакъ царства, какое предверіе, какихъ копѣеносцевъ, какихъ щитоносцевъ, какое служеніе, какіе золотые щиты, какія колесницы, какой потолокъ, какіе дворцы, какихъ евнуховъ толпу? Ничего такого, но все противное тому: ясли и шатеръ, гостиницу и мать нищую, крайнюю бѣдность и пеленки. Итакъ, кому они приписали золото, ладанъ и смирну? Не вполнѣ ли очевидно, что они были уже окрылены вѣрою? И много особенности въ дарахъ, заступающей мѣсто проповѣди. Нельзя отвергать объясненія, — хотя бы оно приводится (народной) толпой, — что именно они исповѣдали Его и Богомъ — чрезъ ладанъ, и Царемъ — чрезъ золото, и Страдальцемъ — чрезъ смирну, указывая на Его погребеніе: такъ Онъ и былъ погребенъ, и они предвозвѣщали это тѣмъ, что дѣлали. Итакъ, происшедшее было силою не астрономіи, но домоправленія Божія, — 509 потому что пришедшій научить добродѣтели не о томъ заботился, чтобы вводить астрономію, а напротивъ, чтобы ее весьма ослабить, полагая все доброе и недоброе въ желаніи и нежеланіи. Для этого Онъ и геенною угрожалъ, и царство приготовилъ, — потому что то и другое (есть) слѣдствіе происходящаго въ душѣ, — связаннымъ же необходимостію Онъ ни вѣнцовъ не приготовилъ бы, ни наказаніемъ не угрожалъ бы. Онъ не далъ бы законовъ, не побуждалъ бы увѣщаніями, не сдѣлалъ бы столько, если бы родъ человѣческій былъ связанъ необходимостію; но такъ какъ мы свободны и господа произволенія, отъ нерадѣнія дѣлаемся негодными, отъ усердія полезными и какими слѣдуетъ быть, то Онъ пришелъ, приготовляя для этого спасительное врачество, исправляя многихъ страхомъ геенны и обѣтованіемъ царства и наставляя любуудрію чрезъ законы.

Что нѣтъ ни рока, ни теченія звѣздъ, управляющихъ человѣческими (дѣлами), — очевидно, и помимо Писанія, изъ самыхъ же дѣлъ. Если отъ рока (зависятъ дѣла) человѣческія, за что ты бичуешь своего раба, вора? За что прелюбодѣлку жепу влечешь въ судилище? Изъ-за чего стыдишься, дѣлая худое? Если грѣхъ есть (дѣло) необходимости, зачѣмъ не переносишь даже словъ, будучи оскорбляемъ, но кто бы тебѣ ни назвалъ прелюбодѣемъ, или блудникомъ, или убійцей, называешь это дѣло дерзостію? Если грѣхи не (дѣла) твоего духа, то и совершаемое не есть вина, и произносимое — не дерзость. Теперь же, и тѣмъ, что осуждаешь другихъ, и тѣмъ, что не прощаешь согрѣшающихъ, и тѣмъ, что, дѣлая, самъ стыдишься и стараешься скры-

вать, а причиняющихъ тебѣ это считаешь дерзкими,—всѣмъ этимъ ты признаешь, что наши дѣла не связаны необходимостію, но почтены свободою; обдержимымъ необходимостію мы вѣдъ умѣемъ прощать. Если кто-нибудь, будучи во власти демона, поразить насъ, разорветъ одежду, или нанесетъ удары,—не только не наказываемъ его, не привлекаемъ въ судилище, но даже жалѣемъ и прощаемъ. Почему же наконецъ? Потому что это дѣлается не по свободному произволенію, но по принужденію отъ демона. Такимъ образомъ, если бы и остальные грѣхи были по необходимости, отъ судьбы, мы прощали бы; но, такъ какъ знаемъ, что мы не принадлежимъ необходимости, потому не прощаемъ—ни господа рабамъ, ни мужья женамъ, ни жены мужьямъ, ни отцы дѣтямъ, ни учителя ученикамъ, ни начальники подчиненнымъ, ни законодатели получающимъ законы,—бываемъ суровыми изслѣдователями дерзостей и мстительными, въ судилища обращаемся, удары наносимъ, наказываемъ и все дѣлаемъ, 510 чтобы и раба освободить отъ злобы, и сына отъ порочности. Оттого и воспитателей для нихъ мы поставляемъ, и угрожаемъ, посылая къ учителямъ, и удары наносимъ. Для чего, скажи мнѣ, и почему? Вѣдь, если судьбою опредѣлено ему сдѣлаться негоднымъ, какая нужда въ этой помощи? Итакъ, вполне ясно, что все зависитъ отъ свободной воли, а не связано необходимостію. Поэтому и помощь мы оказываемъ, отъ нерадѣнія отвлекаемъ и къ добродѣтели руководимъ. Для чего переплываемъ море, землю воздѣлываемъ, города строимъ, прилагаемъ много усердія во время болѣзни—деньги тратимъ, врачей зовемъ, лѣкарства приготавливаемъ, чрево обуздываемъ и пожеланіе караемъ? Если, какъ ты говоришь, судьбою опредѣлено жить и умереть, излишни расходы денегъ, излишни посѣщенія врачей, излишня у болѣющихъ тщательность любуудрія. Теперь же изъ того, какъ всѣ поступаютъ, ясно, что въ этомъ нѣтъ ничего излишняго,—нѣтъ опредѣленій судьбы, никакая необходимость не направляетъ нашихъ дѣлъ, все почтено свободою произволенія. Какая нужда въ трудахъ до пота ради добродѣтели? Вѣдь, если кому судьбою опредѣлено сдѣлаться прекраснымъ, тотъ будетъ прекраснымъ, хотя бы онъ спалъ и храпѣлъ; вѣрнѣе же его нельзя даже называть прекраснымъ, если онъ сдѣлался таковымъ по необходимости. Какая нужда въ столькихъ трудахъ и потѣ? Если кому опредѣлено судьбою сдѣлаться худымъ, то будетъ худымъ, хотя бы неисчислимыя прилагать усилія; вѣрнѣе, такого, тѣснимаго необходимостію, нельзя называть и худымъ. Какъ бѣснующагося, если онъ станетъ оскорблять,—опять пользуясь тѣмъ же примѣромъ,—мы не назовемъ дерзкимъ, и не будемъ

считать его оскорбленіе дерзостію, но (дѣломъ) принужденія отъ демона, такъ и худого, если онъ тѣснится судьбою и необходимостію, не назовемъ его худымъ, какъ и прекраснаго прекраснымъ. Если же такъ будемъ дѣлать, то во всемъ произойдетъ смѣшеніе, смущеніе и извращеніе вещей, не будетъ ни добродѣтели, ни порока, ни искусствъ, ни законовъ и ничего подобнаго. Видишь ли, куда влечетъ приманка діавола, чѣмъ онъ хотѣлъ бы сдѣлать вселенную, и къ какой цѣли идетъ? Итакъ, зная все это и больше этого, — я могъ бы сказать и больше, но для разумнѣйшихъ достаточно и этого, — будемъ убѣгать отъ порока, избирать добродѣтель, чтобы, прежде всего, былъ милостивъ къ намъ Богъ, а потомъ чтобы и отъ геенны намъ освободиться, и насладиться вѣчныхъ благъ, — которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Ісуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

Его же, о томъ, что не должно ходить на ристалища, ни на зрѣлища. И огорчивъ ихъ, потомъ на собраніи, бывшемъ послѣ того воскресенья, уступивъ сказать епископу, прибывшему изъ Галатіи, и помолчавъ, также на этомъ (собраніи) огорчивъ, сказалъ эту бесѣду въ великой церкви на слова: *„Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю“* (Іоан. v, 17) ¹⁾.

1. Недавно, въ бесѣдѣ о зрѣлищахъ и ристалищахъ, я 311 сильно васъ затронулъ; потому радуюсь и веселюсь по апостоль-

¹⁾ По Миню (точнѣе, по Монфокову † 1741) эта бесѣда приписана по 2-е воскресенье послѣ пасхи, когда въ самую пасху святитель сильно говорилъ противъ увлеченія зрѣлищами, и когда въ великую пятницу или субботу, дѣйствительно, было это увлеченіе со стороны народа. Обличительное слово въ пасху имѣло такое дѣйствіе, что въ 1-е воскресенье послѣ пасхи собралось чрезвычайно много слушателей, которые были, однако, раздосадованы, такъ какъ святитель уступилъ бесѣдованіе прибывшему къ тому времени сюда галатійскому епископу Леонтію. Но Маттѣи думаетъ иначе: по нему обличительное слово было въ великую субботу, въ самую пасху говорилъ Леонтій и въ 1-е воскресенье послѣ пасхи говорилъ самъ святитель эту, 9-ю бесѣду. Еще не мѣшаетъ замѣтить, что, вопреки Монфокову, Маттѣи весьма не одобряетъ составителя заглавій предъ бесѣдами, за его грамматику, я, между прочимъ, въ сейчасъ приписанномъ заглавіи.

скому выраженію, которое гласитъ: *и кто ссть неселяя мя, тѣю пріемая скорбь отъ мене* (2 Кор. II, 2)? Вѣдѣ потому я вижу большой плодъ, произрастающій отъ этой печали. И лѣкарства, исцѣляющія раны, сначала тоже кусаютъ нарывы, а потомъ освобождаютъ отъ гноя: такъ и слово, поражающее слушателя, дѣлается началомъ исправленія. Какъ въ нашемъ тѣлѣ омертвѣлая часть нечувствительна ни къ разрѣзанію, ни къ лѣкарствамъ, ни къ прижиганію,—потому, будь хотя бы безчисленное множество (лѣкарствъ), она не можетъ возвратиться къ здоровью, потерявъ начало и основу для врачебнаго ухода,—а чувствующая желѣзо, огонь, лѣкарства можетъ быстро возвратиться къ здоровью,—такъ и въ душахъ: однѣ, находясь въ безчувственномъ состояніи, не легко могутъ быть измѣнены; другія же, умѣющія стыдиться и краснѣть, скорбѣть и огорчаться во время порицаній, доставляютъ намъ величайшее доказательство, что онѣ скоро будутъ удалены отъ порочности. Потому именно и блаженный Павелъ, зная это, опечаленныхъ сильно одобрялъ и радовался за нихъ, а иначе настроенныхъ отвергалъ, говоря: *иже въ нечистотѣ вложившися предаша себе студоудѣнію въ дѣланіе всякія нечистоты въ лихоиманіи* (Еф. IV, 19). Неумѣющій скорбѣть какъ можетъ быть исправленъ когда-нибудь, если только онъ прежде не научится этому самому? Такъ какъ въ этомъ вы преуспѣли, мы весьма спокойны за вашу любовь,—потому что если одна бѣда такъ уязвила и въ такую привела тревогу, что вы безпокоитесь, волнуетесь и смущаетесь, то вполне ясно, что присоединенныя вторая и третья освободятъ отъ всей болѣзни. И знайте, что, не лѣзя вамъ, это говорю: тѣмъ, что вы обнаружили недавно, вы засвидѣтельствовали истину сказаннаго нами: Въ самомъ дѣлѣ, будучи такъ уязвлены, такъ огорчены, находясь въ такой скорби и безпокойствѣ, вы въ слѣдующее затѣмъ воскресенье устроили для насъ болѣе блестящее зрѣлище, собраніе болѣе многочисленное и съ болѣе большимъ усердіемъ, и всѣ вы были въ восторгѣ, всѣ льнули къ нашему языку, точно птенцы-ласточка, уцѣпившіеся за свое гнѣздо. Потомъ, когда, чувствуя нашего брата, пришедшаго изъ Галатіи, мы и по самому церковному закону, повелѣвающему такъ принимать гостей, и по почтенной сѣдинѣ его уступили слово,—вы съ шумомъ удалялись, жалуясь

512 на несчастіе, какъ перенесшіе долговременный голодъ, и желая нашей рѣчи рѣзавшей, порицавшей, поражавшей, огорчавшей,—дѣлая то же самое, что дѣлаетъ дитя, которое, несмотря на удары и на брань, не можетъ отстать отъ матери, но слѣдуетъ съ визгомъ, держась сбоку за одежды матери и волочасъ за нею оо слезами. Потому я радуюсь, окрыленъ удовольствіемъ и говорю,

что счастливъ, подвизаясь между такими любителями, между вами, такъ уцѣпившимися за мою рѣчь. Это для меня слаще воть этихъ лучей, это пріятнѣ свѣта, это жизнь,—именно быть съ такими благоразумными слушателями, желающими не просто рукоплескать, но исправляться, не убѣгающими отъ порицаній, но прибѣгающими къ порицателю. Потому именно и самъ я съ большею готовностію берусь за бесѣду къ вамъ, и желаю сегодня отдать остатки недавно вамъ сказаннаго, оставивъ теперь порицаніе, чтобы, опять обвиняя перадивыхъ и употребляя всю бесѣду на ихъ обличеніе, не причинить вреда усерднымъ. Если бы даже ничего не было нами сказано, бывшее вчера уже достаточно, чтобы даже сильно безумствующихъ и неистовствующихъ на счетъ цирка удалить отъ этой неумѣстной страсти. Убійство, случившееся вчера въ циркѣ, наводнило нашъ городъ трагедіей, привлекло толпы женщинъ, наполнило площадь многимъ воплемъ, когда именно посреди народа несли въ такомъ жалкомъ видѣ разсѣченнаго колесницами. Опъ, какъ я узналъ, на слѣдующій день намѣревался зажечь брачные свѣтильники, опочивальня была уже расцвѣчена и все было приготовлено для брака,—и вотъ по приказанію податного начальника ¹⁾, перебѣгалъ кристалище вниз, когда неожиданно наскakивали возницы, другъ съ другомъ состязавшіеся, онъ попалъ въ средину и претерпѣлъ эту насильственную и жалкую смерть, лишившись головы и оконечностей.

2. Видишь ли плодъ цирка? А какъ, спросишь, относится это къ намъ, вверху сидящимъ? Къ вамъ больше всего: если бы не усердствовали вы всѣ бѣжать (туда), не совершалось бы этого и внизу. Но, чтобы опять не дѣлать слово очень тяжелымъ и не растравлять рану, постараюсь, предоставивъ это вашей совѣсти, отдать остающееся отъ сказаннаго вамъ недавно. Итакъ, о чемъ было недавно сказано? Я говорилъ, что Христосъ называется основаніемъ, какъ носящій все, держащій и взвѣшивающій: теперь желаю это показать изъ другого апостольскаго изреченія. Сказавшій такъ, объясняя это изреченіе, говоритъ: *иже сѣи славы и образъ ипостаси его, нося же всяческая глаголомъ силы своея, собою очищеніе сотвори въ сѣде одесную величества на вышнихъ* (Евр. 1, 3). Что значитъ: *нося*? Управляя какъ возница, руководя какъ кормчіи, распоряжаясь какъ домою, сдерживая, держа, 513 взвѣшивая. Не только приводитъ все изъ несуществующаго въ существующее, но даже напередъ знаетъ происходящее, какъ ро-

¹⁾ "Εκαρλος τάλαν, въ обязанность котораго входило завѣдываніе сборомъ податей (φρολογία).

дивній Его Отець. Потому и объясняя это, Онъ говорилъ: *Отець мой дѣлаетъ, и азъ дѣлаю* (Іоан. v, 17). Потому и іудеи еще больше старались Его убить, не только за то, что Онъ нарушалъ сabbоту, но что и Отцомъ Своимъ называлъ Бога, дѣлая самого Себя равнымъ Богу.

Гдѣ теперь еретики, безумствующіе во вредъ своему спасенію и отдѣляющіе Его отъ равенства съ Его Отцомъ? Пусть выслушаютъ голосъ евангелиста,—а когда я говорю: евангелиста, разумѣю Христа, возбуждающаго его душу,—пусть выслушаютъ, постыдятся и прекратятъ такое свое безумство. Какъ іудеи преслѣдовали Его за то, что Онъ называлъ самого Себя равнымъ (Отцу), такъ и эти готовы задавить себя изъ-за того, что мы, наставленные Имъ, воздаемъ Ему эту славу. Но, говорятъ, это было мнѣніе не Его, и не евангелиста, а іудеевъ. Если даже и іудеевъ, то это въ особенности и составляетъ твою величайшую вину и крайнее осужденіе, что ты, самъ желая быть слѣпымъ, не видишь того, что благодарные іудеи сразу поняли, какъ выводъ изъ этихъ словъ. Не отъ себя они это прибавили, но заключая изъ того, что Христосъ говорилъ имъ. А чтобы ты зналъ, что это изреченіе даже не іудеевъ, но евангелиста, какъ мнѣніе, такъ и рѣчь,—а когда я говорю: евангелиста, разумѣю Христа, возбуждающаго его мысль,—изслѣдуй эти самыя слова. *Отець мой*. Не очевидно ли всякому, даже весьма неразумному, что Онъ сказалъ: *Отець мой*, чтобы объявить (Его) Своимъ собственнымъ? А что Онъ прибавилъ опять: *дѣлаетъ, и азъ дѣлаю*,—ужели (это не слова) дѣлающаго выводъ о равенствѣ? И не сказалъ: дѣлаетъ Онъ, а Я содѣйствую; дѣлаетъ Онъ, а Я помогаю,—но: Онъ дѣлаетъ, и Я дѣлаю. Видишь ли, почему сказанное не было умозаключеніемъ іудеевъ, но выводомъ изъ Его словъ? Если бы нѣкоторымъ ошибочнымъ предположеніемъ и мнѣніемъ іудеевъ было, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, если бы самъ Онъ не желалъ быть въ этомъ заподозрѣннымъ, а іудеи, когда Онъ не желалъ этого, подозрѣвали бы, думая о другомъ, помимо того, что Онъ самъ желалъ вывести,—евангелистъ такъ, безъ поправки этого не оставилъ бы, но отмѣтилъ бы и сказалъ это ясно. Вѣдь обычай такъ поступать свойственъ имъ,—и имъ, и Іисусу; изъ одного—двухъ примѣровъ я попытаюсь сдѣлать это для васъ яснымъ, т. е., что когда скажетъ что-нибудь Христосъ, и иначе Онъ это скажетъ, а иначе понимаютъ іудеи,—евангелистъ исправляетъ. Чтобы тебѣ понять это ясно, выслушай самого Іоанна, объясняющаго это самое. Когда Онъ вошелъ въ храмъ Божій и, сдѣлавъ бичъ, изгналъ мѣновщиковъ, говоря: *не творите дому Отца моего дому купли* (Іоан. п, 16),—книжники и фарисеи, не-

дойдя, говорилъ: *кое знаменіе являеши намъ, яко сія твориши?* Что же Онъ? *Разорите церковь сію, и трети денми воздвигну ю*,—говоря такъ о Своемъ собственномъ тѣлѣ. Но они этого не поняли, и что говорятъ? *Четырдесять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и ты ли трети денми воздвигнеши ю* (ст. 18—20)?—разумѣя храмъ іудейскій, сдѣланный изъ камней, потому что онъ былъ устроенъ въ теченіе сорока шести годовъ, по возвращеніи изъ Вавилона, когда строители затруднялись иноземными кознями, и, 514 по прошествіи многого времени, этотъ храмъ былъ оконченъ. Итакъ, когда Іисусъ говорилъ о Своемъ собственномъ тѣлѣ, объявляя о Своемъ крестѣ и воскресеніи,—а это именно значить: *разорите церковь сію, и трети денми воздвигну ю*,—они же предполагали о храмѣ іудейскомъ, почему и говорили: *четырдесять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и ты ли трети денми воздвигнеши ю?*—видишь ли, какъ евангелистъ не обошелъ этого, но прибавилъ поправку, говоря: *Онъ же глаголаше о церкви тѣла своего* (ст. 21). И не сказалъ Онъ: разрушьте это тѣло, но—церковь, чтобы показать Бога, обитающаго (въ немъ),—разрушьте церковь, много лучшую іудейской. Тотъ (храмъ) имѣлъ законъ, а этотъ Законодателя; тотъ—букву убивающую, а этотъ—духъ животворящій: тотъ—жеаль Аароновъ, а этотъ—жеаль Іессеевъ.

3. Въ другомъ опять мѣстѣ, по совершеніи Имъ чуда надъ хлѣбами, отплывъ съ ними (учениками), Онъ переправился на (другой) берегъ, и говорилъ ученикамъ: *внемлите отъ кваса Фарисейска и Саддукейска* (Мѡ. хvi, 6). Они же, услышавъ о закваскѣ, предполагали о хлѣбахъ; а Онъ говорилъ не о хлѣбахъ, но объ ученіи фарисеевъ. Такъ какъ иначе Онъ сказалъ, а иначе они предполагали, то смотри, какъ Онъ исправляетъ это, говоря: *такъ еще ли и вы безъ разума естє? Ниже помните пять хлѣбы, и koliko коишъ взяте, и седмъ хлѣбы, и koliko коишницъ взяте? Како не разумѣете, яко не о хлѣбахъ рѣхъ вамъ, но объ ученіи фарисеевъ, чтобы внимать* (Мѡ. хv, 16; хvi, 9—11)? Видишь ли, что какъ евангелистъ относительно храма, такъ здѣсь Онъ самъ исправляетъ предположеніе заблуждавшихся? Такъ и въ томъ, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу: если бы, Онъ не дѣлалъ Себя равнымъ Богу, а іудеи это предполагали на основаніи сказаннаго, то евангелистъ исправилъ бы это предположеніе, и сказалъ бы, что іудеи думали, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, а Онъ не дѣлалъ этого и не давалъ повода. Чтобы ты узналъ изъ самаго изреченія, что это (богоравенство) особенно Онъ желалъ укоренить въ умахъ людей, обратимся къ прежнему слову и узнаемъ, въ какомъ нѣкогда обвиненіи Онъ такъ защищался. Что (такое) нѣкогда было, за что Онъ обвинялся? Что въ субботу совершалъ

дѣла: *сего ради*, сказано, *гоняху* Его *Иудеи, зане сія творяше въ субботу* (Іоан. v, 16). Что именно *сія*? Что Онъ посѣлилъ разслабленнаго, повелѣлъ ему взять свою постель и отойти въ свой домъ. Потому и говорили, спрашивая его: кто приказать ему дѣлать это въ субботу? А онъ говорилъ: *уже я сотвори цѣла, мой мнѣ рече: возми одръ твой и иди въ домъ твой* (ст. 11). Преслѣдовали Его, сердясь за это,—что Онъ приказать въ субботу то, что казалось преступленіемъ и разрушеніемъ закона. Что говорить Христосъ, защищаясь? *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю*,—хотя много другого Онъ могъ бы сказать, если бы желать только защищаться, а не показать Свое равенство. Часто суббота нарушалась, и прежде всего въ городѣ Іерихонѣ. Когда они подступили къ стѣнамъ, имъ было велѣно семь дней съ трубами 515 обходить стѣны,—и такъ городъ былъ разрушенъ. А что между этими семью днями, откуда бы мы ни сдѣлали начало, необходимо случиться субботѣ, всякому очевидно. Отсюда ясно, что суббота была нарушена. Опять (Богъ) повелѣвалъ обрѣзываться человѣку въ восьмой день; и здѣсь необходимо опять нарушение субботы, потому что неизбежно, чтобы родившійся въ субботу былъ обрѣзанъ въ другую субботу. А священники даже несравненно больше ее нарушали, когда, опять-таки по повелѣнію, они приносили жертву въ субботу; гдѣ была жертва, тамъ необходимо было: снимать кожу, жечь, возлагать на жертвенникъ, носить воду, колоть дрова, выносить золу и дѣлать много другого,—и тѣмъ нарушалась суббота. Къ этому и сама тварь нарушала субботу: солнце работаетъ въ субботу, луна совершаетъ свое теченіе, появляется пестрый хоръ звѣздъ, вѣтры дуютъ, источники изливаются, рѣки текутъ, море волнуется, сѣмена и растенія произрастаютъ, рожаютъ—земля, все неразумное и родъ человѣчскій. Когда женщина рождаетъ въ субботу, природа никогда не выдерживаетъ этого закона, не ожидаетъ, чтобы миновала суббота, и тогда разрѣшились бы потуги родовъ, но дѣлаетъ свое дѣло и во время субботы. И небесныя силы служатъ въ субботу, исполняютъ свое служеніе непрерывно. Итакъ, для чего, скажи мнѣ, имѣя столько поводовъ къ защитѣ, Онъ не пользуется никакимъ изъ нихъ, и не говоритъ: за что вы Меня обвиняете, что Я нарушаю субботу?—и священники въ Іерихонѣ нарушили, и нарушаютъ въ храмѣ; за что вы Меня обвиняете, что Я нарушаю субботу?—и солнце нарушаетъ, луна, звѣзды и вся тварь небесная и земная,—но, все это оставивъ, Онъ обратился къ Отцу, говоря: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю*? Онъ желать не только защититься, но и показать Свою равночестность. Потому не сказалъ: Я дѣлаю, потому что и тварь дѣлаетъ,—такъ какъ

Онъ не принадлежалъ къ твари,—но: Я дѣлаю, потому что и Отецъ дѣлаетъ,—такъ какъ Онъ былъ такого же существа и власти.

4. Потому Онъ защищается, не какъ принадлежащій къ твари, но какъ истинное рожденіе Его. И чтобы ты зналъ, что сказанное не догадка,—ученики также нѣкогда нарушили субботу, срывая и съѣдая колосья, и, когда іудеи обвиняли и говорили: не видишь ли, что они дѣлаютъ въ субботу? — Онъ тамъ нигдѣ не вспомнилъ объ Отцѣ, но что говорить? *Нѣсте ли чли, что сотвори Давидъ, егда взалка? Како вниде въ храмъ Божій, и хлѣбы предложенія съѣде, ихже не достойно бы ему ясти, ни сущимъ съ нимъ? Или нѣсте чли, яко священники въ церкви субботы скверняютъ, и неповинни суть* (Мѡ. хп, 3—5)? Видишь ли, когда о рабахъ Онъ разсуждаетъ, рабовъ приводитъ въ примѣръ, Давида и священниковъ; а когда о Себѣ самомъ,—Отца? Если когда-нибудь Онъ пользуется и другою защитою, напр., когда говоритъ: *аще обрѣзаніе приемлетъ человекъ, на мя ли гнѣвается, яко всего человека здрава сотворихъ въ субботу* (Іоан. вп, 28)? и опять: кто изъ васъ есть, который не отрѣшаетъ овцу свою и вола (Лук. хп, 15)?—то (это) нисколько неудивительно, потому что Онъ бесѣдуетъ не вовсе какъ Богъ, но иногда и какъ человекъ, такъ какъ былъ и Богомъ и человекомъ. Здѣсь, конечно, Онъ громко заявляетъ въ отношеніи собственнаго Своего достоинства, говоря: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю*. Потому и говоритъ евангелистъ: преслѣдовали Его іудеи, не только за то, что Онъ нарушалъ субботу, но что и Бога называлъ собственнымъ Отцомъ, дѣлая самого Себя равнымъ Богу. Я съ удовольствіемъ спросилъ бы еретика объ этомъ: называлъ Онъ Бога собственнымъ Отцомъ, или не называлъ. было ли это іудейскимъ предположеніемъ, или заключеніемъ Христа?—и, хотя бы онъ былъ тысячу разъ безстыденъ, обличается истиною. Онъ говорилъ, что *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю*: нарушалъ субботу, или не нарушалъ? Вполнѣ очевидно, что нарушалъ: дѣлаю, говорить, и Онъ дѣлаетъ. Итакъ, и нарушение субботы, и то, что Онъ называетъ Бога собственнымъ Отцомъ, — ни то ни другое не было предположеніемъ іудейскимъ, но выводомъ и заключеніемъ Христовымъ. Почему же, называя это заключеніемъ Христовымъ, ты называешь то—рядомъ стоящее, съ нимъ связанное и одинаково сообщенное евангелистомъ—предположеніемъ іудейскимъ? Все это есть сообщеніе евангелиста, объясняющаго сказанное Христомъ. Потому также—когда іудеи обвиняли—онъ говорилъ, что преслѣдовали Его не только за то, что нарушалъ субботу, но что и Отцомъ Своимъ называлъ Бога, дѣлая самого Себя равнымъ Богу.

Но въ обличеніе еретиковъ достаточно; а если вы желаете знати и о дѣланіи, въ чемъ состоитъ то, что дѣлаетъ Отецъ, и что Сынъ,—я могу назвать (его) промышленіемъ о существующемъ, содержаніемъ, попеченіемъ. Все видимое произошло въ теченіе шести дней: *и почи Богъ въ день седмый* (Быт. п, 2); промышленіе же объ этомъ не прекращалось. Итакъ, это промышленіе Христосъ называетъ дѣланіемъ, говоря: *Отецъ мой дѣлаетъ, и азъ дѣлаю*, промышляя, печась, содержа—говоритъ—держа въ порядкѣ, не допуская ничему разсѣяться. Итакъ, принявъ доказательство правыхъ догматовъ также изъ сказаннаго, присоединимъ тщательную и согласную съ догматами жизнь, такъ какъ недостаточно намъ для спасенія только знанія правыхъ догматовъ, но нужна и наилучшая жизнь, чтобы, всячески воздавъ славу Богу, достигнуть намъ обѣщанныхъ благъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь ¹⁾.

БЕСѢДА X.

Бесѣда его же, сказанная въ церкви апостола, послѣ того какъ предварительно побесѣдовалъ немного епископъ, на слова: *жатва многа, дѣлателей же мало* (Мѣ. ix, 37) ²⁾.

515 1. Видѣли ли вы старика и юношу, — старика по тѣлу, а
516 юношу по духу? Видѣли ли вы цвѣтущую сѣдину и пышную

¹⁾ Въ этой бесѣдѣ святитель пользуется тремя терминами, трудно передаваемыми по-русски, такъ что относительно ихъ необходима оговорка. Это—*хатаσхωή* со своимъ глаголомъ *хатаσхωαίς* (у насъ „выводъ“, какъ данное къ мнѣнію и заключенію), *ψήφος* („мнѣніе“, какъ опредѣленная мысль, но не выраженная въ словѣ) и *ἀπόφασις* („заключеніе“, какъ мысль, выраженная въ словѣ). Для ясности пользуемся такимъ сравненіемъ. Пока корабль не снаряженъ, всѣ его принадлежности—*хатаσхωή*; корабль, совсѣмъ готовый къ плаванію—*ψήφος*; корабль въ моментъ своего полного хода—*ἀπόφασις*. Іоанна V, 17—18 разлагается такъ. *Разсѣя тѣоря Богу*, поскольку лишь мыслится,—*ψήφος* или *ὑπόνοια* „предположеніе“, а поскольку такъ сказано—*ἀπόφασις*. Къ этому: *хатаσхωή*—1) заявленіе Господа: *Отецъ мой*, 2) фактъ: *разорыше субботу*. Въ концѣ бесѣды святитель и спрашиваетъ: почему ты *Отецъ мой* называешь заключеніемъ Господа, а *разсѣя тѣоря Богу* (на основаніи: *разорыше субботу*) считаешь предположеніемъ іудейскимъ (*ὑπόνοια*=*ψήφος*), когда то и другое у евангелиста связаны. Между тѣмъ еретики допускали первое, но никакъ не могли допустить второе, и считали его іудейскимъ мнѣніемъ.

Прим. переводчика.

²⁾ У Мины эта бесѣда приурочивается къ церкви апостола, какъ говорится въ заголовкѣ, но неизвѣстно, какого. Маттѣн думаетъ опредѣленіе: мѣстомъ

силу старости? Таково это у насъ, иначе во внѣшнихъ (дѣлахъ). Во внѣшнихъ старость бесполезна, напримѣръ, воинъ, пришедши въ такой возрастъ, не можетъ натягивать лукъ, ни пустить стрѣлу, ни потрясти копьемъ, ни валѣть на коня, ни напасти. 517 на стѣны, и не можетъ дѣлать ничего подобнаго. И кормчій, когда старость ослабитъ у него силу тѣла, не сможетъ ни канаты натянуть, ни паруса поднять, ни дѣйствовать весломъ, ни перемѣнить руль, ни бороться съ волнами, ни другое что-либо подобное. Опять земледѣлецъ, будучи въ этомъ возрастѣ, (не сможетъ) ни запретъ воловъ, ни тащить плугъ, ни провести и проѣзжать борозды, ни ухаживать за деревомъ, ни присоединиться къ толпѣ жнецовъ, ни другое что-либо подобное не въ силахъ будетъ дѣлать. Каждый изъ нихъ сидитъ дома, пользуясь свободою этого возраста, и будучи связанъ великою необходимою и неумолимою старостию. Но не такъ учитель Церкви; напротивъ, онъ тогда особенно будетъ подвизаться — браться за слово, предлагать наставленіе и стараться привести народъ въ порядокъ. Старость у остальныхъ бесполезна, а въ Церкви и въ трудахъ добродѣтели — полезнѣе всего. И блаженный Авраамъ получилъ величайшую награду за подвигъ тогда, когда пришелъ въ этотъ возрастъ, — потому что тогда, тогда именно онъ уничтожилъ (надъ собою) власть природы и закололъ своего сына, — закололъ, хотя и не на опытѣ, но волею, хотя и не исполненіемъ, но намѣреніемъ, хотя и не дѣломъ, но мыслію, — тогда онъ сдѣлался священникомъ своей собственной утробы и исполнилъ то удивительное и странное дѣло, почти удалившись отъ своей природы и перемѣстившись къ небу. И Павелъ, учитель вселенной, приступалъ въ глубочайшей старости къ тѣмъ удивительнымъ подвигамъ, и переносилъ состарившимся тѣломъ, съ большою твердостью — узы, оковы и темницы; разъясняя это, онъ самъ говорилъ: *яко Павелъ старецъ, нынѣ же и узникъ* во Христѣ Исусѣ (Филим. 9). Я говорю это не въ посрамленіе юности, такъ какъ и отроки, поправшіе печь, были очень молодыми, вполне юношами, тоже и получившій пророчество Іеремія, и Давидъ былъ

считаетъ церковь апостоловъ и пренемъ—30-е іюня, когда празднуется память 12-ти апостоловъ. Въ доказательство онъ указываетъ: 1) на слова святителя: *Εἰς ἀκρότητα καραγινόμεθα ὁ ἡμεῖς* — мы приходимъ къ гробницамъ апостоловъ; 2) исходное для святителя Мѣ. ix, 37 есть только часть церковнаго чтенія Мѣ. ix, 36—х, 8 (у насъ зачало 34-е), — чтенія, приуроченнаго къ 30-му іюня; по Маттѣи, на это чтеніе святитель намекаетъ словами: *τὸν εὐφραίνεσθαι ἀγαπῶμεν ὁ ἡμεῖς* — займемся чтаніемъ сегодня. — Предварительно бесѣдовали нѣкоторый неизвѣстный епископъ, возрастъ котораго принятымъ мѣтѣмъ опредѣляется въ 52 года.

очень молодымъ, когда обуздалъ львовъ и, по несказанному своему дерзновенію, изложилъ и объяснилъ тѣ тайны царскихъ сновидѣній созерцавшему (ихъ),—ни въ чемъ юность не бываетъ препятствіемъ для добродѣтели мужа. Во внѣшнихъ (дѣлахъ), какъ я раньше сказалъ, можетъ быть величайшимъ препятствіемъ и преклонная старость, и незрѣлая юность; а въ борьбѣ за добродѣтель не такъ, но нужно одно только—воля и душа подготовленная, тогда и юность не бываетъ бесполезной, и старость не бываетъ непригодной, — но въ каждомъ возрастѣ можно видѣть зрѣлый изобильный плодъ, если только, какъ я раньше сказалъ, имѣетъ кто душу трезвенную, умѣющую любу мудрствовать и привлекающую на себя благоволеніе Божіе многю добродѣтелью. Итакъ, въ защиту нерадѣнія, пусть никто не выставяетъ, какъ предлогъ, ни юности, ни старости; вѣдь и теперь много у насъ молодыхъ наполняютъ это духовное зрѣлище, а старые безобразничаютъ въ циркѣ; опять же: старики съ сѣдиною украшаются этимъ слушаньемъ, а молодые чрезъ тамошнее созерцаніе употребляютъ свою юность весьма неразумно. Впрочемъ хотя и много присутствующихъ у насъ, я еще не сытъ, потому что желалъ бы, чтобы не только многіе, но всѣ присутствовали, чтобы никто бы не отставалъ отъ Церкви,—такъ что, пока хотя бы одинъ является блуждающимъ внѣ стада, я разрываюсь и терзаюсь скорбями.

318 Такъ и пастырь тотъ, оставившій девяносто девять овецъ, спѣшилъ къ одной заблудившейся, и не прежде удалился, пока привелъ ее къ стаду, и выказалъ о ней много усердія, — число сто было неполно, пока онъ не возвратилъ одну,—сто тогда сдѣлалось сто, когда была спасена и она. Не говори мнѣ, что погибъ одинъ братъ; но подумай, что именно—*братъ*, весьма желанное для Бога существо, за которое столько сдѣлано, за которое была пролита драгоценная кровь и столько уплочено пени, изъ-за котораго небо простерто, солнце зажжено, луна совершаетъ свое теченіе, сіяетъ разнообразный хоръ звѣздъ, воздухъ распространенъ, море излито, земля обоснована, источники изобилуютъ, рѣки текутъ и горы водружены,—изъ-за котораго луга и сады, изъ-за котораго сѣмена и растенія, изъ-за котораго различныя породы злаковъ, изъ-за котораго то, что на горахъ, что въ пустыняхъ, что въ городахъ, что на равнинахъ, что въ долинахъ, что на холмахъ, изъ-за котораго тысячи рыбныхъ стадъ, изъ-за котораго различныя породы четвероногихъ, изъ-за котораго разнообразныя племена птицъ, изъ-за котораго законъ, изъ-за котораго пророки, изъ-за котораго апостолы, изъ-за котораго были тысячи чудесъ,—зачѣмъ много говорить?—изъ-за котораго едиnorodный Сынь Божій сдѣлался челоувѣкомъ, и былъ закланъ.

2. Подумай, сколько у Бога сдѣлано ради спасенія людей, и не презирай ни одного человѣка, но, по окончаніи этого духовнаго зрѣлища, отыщи отсутствовавшаго, и не прежде удались, пока его приведешь, соединишь съ его матерью, отведешь отъ его обычной порочности, спасешь плѣнника, извлечешь потопленнаго, освободишь отъ свирѣпныхъ звѣрей схваченнаго звѣрми. Чѣмъ ты можешь извиниться, чѣмъ оправдаться? Мы приходимъ къ гробницамъ апостоловъ: видимъ ихъ раны и клейма, текущую кровь драгоцѣннѣе золота, оковы, бичи, ежедневныя смерти, которыя они претерпѣли за Церковь,—ученика Павлова, всюду ходящаго съ Павломъ и дѣлающагося равнымъ учителю, тельца съ быкомъ связаннаго, — брата самаго перваго изъ апостоловъ, рыбака, закинувшаго сѣть и уловившаго людей вмѣсто рыбъ, проповѣдника Евангелія,—и, какъ бы на лугу, мы наслаждаемся ихъ преуспѣянiями. А покинувшіе насъ сидятъ, будучи зрителями неразумныхъ коней, панося другъ другу укоры и дерзости, зажигая ярость и борьбу, не имѣющую повода, радуясь радостію, которая жалостнѣе печали—за побѣжденныхъ возницъ, за обезсиливаемыхъ коней. Что можетъ быть неразумнѣе этого? Чего ты радуешься, скажи мнѣ? Чего прыгаешь, скачешь и возвращаешься оттуда веселымъ? А ты изъ-за чего скорбишь, закрываешь лицо, нагибаешься и огорчаешь свою душу—что такой-то побѣдилъ, а другой былъ побѣжденъ? И зачѣмъ это для тебя? Какое можетъ имѣть основаніе эта печаль, или это удовольствіе? Какого наказанія не достоинъ тотъ и другой изъ васъ, когда, при увлеченіи твоей собственной души страстями каждый день, ты не отдаешь себѣ никакого отчета, а радуешься, или огорчаешься за неразумныхъ животныхъ и другихъ неразумныхъ людей? Но, чтобы не потерять намъ времени, опять употребивъ на это всю бесѣду,—мы поручаемъ исправленіе ихъ вашей любви, займемся читаннымъ сегодня и постараемся ввести васъ въ лугъ 519 божественнаго Писанія. Дѣйствительно, оно сходно съ лугомъ. Какъ на лугу—различныя цвѣты, и всѣ одинъ за другимъ привлекаютъ къ себѣ взоръ зрителя наибольшею красотою, когда рассматриваются каждый въ отдѣльности, такъ точно можно видѣть и въ божественномъ Писаніи. И блаженный Давидъ привлекаетъ къ себѣ нашу мысль, и апостольское изреченіе, сказанное относительно Тимофея, еще—и смѣлый Исаія, любомудрствующій о челоувѣческой природѣ, и Владыка ихъ, Иисусъ, бесѣдующій съ учениками и говорящій: *жатва многа, дѣлателей же мало* (Мѣ. ix, 37). Вотъ, если угодно, приведши это изреченіе, раскроемъ смыслъ его; хотя и очень кратко оно по размѣру, но открываетъ намъ пространное море мыслей. Потому и приступимъ мы къ

нему съ большимъ усердіемъ. Такъ какъ Онъ увидѣлъ, разсказываетъ (евангелистъ), народъ разсѣяннымъ, то говоритъ ученикамъ: *жатва многа, дѣлателей же мало*. Какая жатва, скажи мнѣ, и ради чего Онъ такъ называлъ это ученіе? Вѣдь жатва—конецъ дѣла. Когда сѣмя, повергнутое въ углубленія земли, вкусить влаги, потомъ, промокну и вадувшись, охватить окружающую землю и, развернувшись на много волоконъ, пустить въ глубину корни,—(тогда) прежде всего оно пробиваетъ поверхность, потомъ, воспитываясь понемногу солнцемъ, дождемъ и воздухомъ, увеличивается произрастаніемъ отъ земли, дѣлается прежде очень зеленою травой и распускаетъ нѣжные листья, потомъ производитъ весьма незрѣлый колосъ, и, съ наступленіемъ весны, опять понемногу созрѣвая до стебля и колосевъ, возвращаетъ полный плодъ. Тогда, наконецъ, земледѣлецъ, наточивъ серпъ, набираетъ жнецовъ, и, собравъ, относитъ плодъ домой. Отсюда жатва—конецъ всякаго труда и обработки земли. Итакъ, скажи мнѣ, почему Онъ называетъ жатвою, когда дѣла были еще въ началѣ? Вѣдь и нечестіе господствовало всюду во вселенной: жертвенники пѣлали, идоламъ поклонялись, Іисусъ не почитался,—и глубокая ночь все окутывала, было тяжкое ненастье, когда волновалось море, жестокіе вѣтры разрушали человѣческія средства къ жизни, страсти властвовали, и все было потоплено. Всюду блудъ, прелюбодѣйство и наглость; всюду любостяжаніе, хищничество и войны; и кровь на землѣ, кровь на морѣ потопленныхъ и производившихъ тамъ убійства,—непрерывныя войны, борьба, междоусобная рѣзня и убійства преступнѣ всякихъ убійствъ; дѣти закалались для идоловъ, природа не признавалась и родство уничтожалось,—всюду крутизны, утесы, подводные камни, опасныя скалы и ни одного человѣка кормчаго; вѣрнѣе, немного кормчихъ въ іудейскомъ племени, а слушателя ни одного, когда моряки раздорили между собою, и другъ друга поражали и топили. Скионы и еракіицы, мавры и индійцы, персы и савроматы, насельники Эллады и Эпира, вся, такъ сказать, земля подъ солнцемъ была посвящена демопамъ, и тѣми мучителями приводились въ неистовство страна, городъ и пустыня, земля и море, иноземщина и Эллада, горы, долины и холмы; только іудейское 520 племя, повидимому, было благочестиво, имѣло пророковъ и малыя сѣмена богознанія; но и оно отъ времени испроверглось, учителя этого народа сдѣлались горькими обвинителями его грѣховъ между ними,—и настолько были далеки, чтобы воспитывать о тальныхъ и руководить къ благочестію, что стали тогда виновниками соблазновъ даже для остальныхъ; и это объясняя, пророкъ говорилъ: *васъ ради имя мое хулится во языцехъ* (Иса. Іп; 6).

3. Итакъ, почему, когда вселенную обнимало столько золь, и еще не были повергнуты сѣмена,—вѣдь всюду (были) терніе, волчцы и худыя травы,—еще не была очищена земля, и плугъ не былъ протащенъ, и борозды не были прорѣзаны,—Онъ бесѣдуетъ о жатвѣ и говоритъ: *жатва многа*? И ради чего Онъ такъ называется Евангеліе? Ради чего? Такъ какъ дѣла были въ такомъ положеніи, а Онъ намѣревался послать ихъ (апостоловъ) всюду по вселенной, естественно, что они волнуются, смущаются, рассуждаютъ съ собою и говорятъ: какъ возможно одиннадцати,—одинъ былъ уловленъ звѣремъ,—простымъ, неученымъ, бѣднымъ, неизвѣстнымъ, безоружнымъ, въ одной одеждѣ, безъ обуви, не беря съ собою ни пояса, ни посоха, ни денегъ, проходить всю вселенную, находящуюся въ такомъ состояніи, отвлекать отъ древней привычки, вводить ихъ (людей) въ догматы новаго (завѣта) и преподавать имъ нѣкоторое странное ученіе? Когда въ самомъ дѣлѣ мы вырвемъ терніе? Когда посѣемъ сѣмена? Когда въздѣлаемъ ихъ душу? Когда взойдетъ посѣвъ? Кто не разсѣетъ насъ? Кто не низвергнетъ съ крутой скалы? Какъ мы сможемъ раскрыть уста, стать, бесѣдовать, явиться предъ столькими тысячами? Какъ уничтожимъ ярость тирановъ, возмущенія народовъ, доводы философовъ, краснорѣчіе ораторовъ, власть предубѣжденія, силу старой привычки, козни демоновъ, души, которыми раньше завладѣли тысячи болѣзней? Итакъ, мы одиннадцать какъ будемъ исправлять всѣхъ во вселенной — простые мудрыхъ, безоружные вооруженныхъ, подчиненные начальниковъ, пользующіеся однимъ языкомъ въ бесѣдѣ съ тысячами нарѣчій, съ народами иноземными и иноязычными? Кто насъ потерпитъ, когда рѣчей нашихъ не сможетъ даже понимать? Чтобы, такъ разсуждая, они не волновались, Онъ назвалъ Евангеліе жатвою, какъ бы говоря (такъ): все приготовлено, все устроено; посылаю васъ на готовую уборку плодовъ; въ тотъ же самый день вы будете въ состояніи и сѣять и жать. Итакъ, подобно тому какъ земледѣлецъ, выходя на жатву, бываетъ радостенъ, свѣтелъ и веселъ, не взвѣшиваетъ ни трудовъ, ни какихъ бы то ни было затрудненій, но спѣшитъ какъ бы на готовую прибыль, бѣжить на годовые плоды, и нигдѣ никакого препятствія, никакого затрудненія, никакой неизвѣстности въ будущемъ, ни наводненія, ни града, ни засухи, ни злыхъ полчищъ саранчи — ничего такого принявшійся за жатву не подозрѣваетъ, почему и весело, радостно берется за труды, — такъ точно и вамъ, даже гораздо больше, необходимо выходить во вселенную со многою радостію. Это дѣло есть жатва,—жатва, соединенная съ большимъ удобствомъ,—жатва, доставляющая вамъ готовые посѣвы; нужно только

говорить, не уставать. Ссудите Мнѣ, говорить, вашъ языкъ, и
 321 увидите плодъ зрѣлый, собираемый въ царскія житницы. По-
 этому и послѣ того, посылая ихъ, Онъ говорилъ: *се азъ съ вами
 ссмы во вся дни до скончанія вѣка* (Мѣ. ххѳ, 20). Самъ Онъ дѣ-
 лалъ трудное легкимъ, и о чемъ пророкъ говорилъ: *Азъ предъ
 тобою иду, и горы уравою* (Иса. хсѳ, 5),—это у апостоловъ испол-
 нялось осязательно, потому что имъ предшествовалъ Христосъ и
 облегчалъ путь. Это объявляя, и великорѣчивѣйшій Исаія гово-
 рилъ: *всяка добрь наполнится, и всяка гора и холмъ смирится* (Иса.
 хл., 4), разумѣя не горы и холмы,—потому что этого не произо-
 шло,—но именемъ горъ называя безразсудныхъ, напыщенныхъ и
 высокомерныхъ, которыхъ всѣхъ смирилъ Христосъ смирениемъ,
 исполненнымъ высоты, и горы сдѣлалъ равнинами, — примѣняя
 къ нимъ названіе безразсудныхъ не по высотѣ ихъ мысли, но
 по бесплодности безумія, черствости души и безчувственности
 къ слову. Какъ гора не можетъ принести плода, такъ и безуміе;
 вѣрнѣе же, не такъ, но даже гораздо труднѣе. Гора не можетъ
 принести плода, а безуміе не только не даетъ какого-либо плода,
 но даже существующій дѣлаетъ блеклымъ и пронаросшій сушить;
 между тѣмъ смиренномудріе не только согрѣваетъ существую-
 щій (плодъ), но обычно рождаетъ даже не существовавшій.

4. Къ сказанному величайшіе примѣры—фарисей и мытарь.
 Тотъ, войдя съ безуміемъ, не только не принесъ какого-либо
 плода, но погубилъ даже существовавшій; а мытарь, будучи про-
 стымъ и не владѣя ничѣмъ добрымъ, совершаетъ для самого себя
 преуспѣяніе, потому что, когда онъ только посѣтовалъ и, накло-
 нившись, счелъ самого себя несчастнымъ, возвратился, изобилуя
 многимъ оправданіемъ и преваождая въ этомъ фарисея. Чтобы
 вы увидѣли и на самомъ дѣлѣ, и узнали на опредѣленныхъ ли-
 цахъ, гдѣ Христосъ смирилъ гору и холмъ, пусть обратится
 наше слово опять къ Павлу. Этотъ дѣлатель палатокъ,—я охотно
 вспоминаю часто объ его искусствѣ, чтобы ты зналъ, что не
 искусство—укоръ, но праздность — осужденіе и вина, — итакъ,
 этотъ Павелъ, будучи въ Саламинѣ, встрѣтился съ нѣкоторымъ
 правителемъ ¹⁾ и его волхвомъ. Двойной утѣсъ—безуміе со сто-
 роны власти и ученіе отъ волхва. И когда онъ видѣлъ, что тотъ
 мерзкій и безстыдный звѣрь препятствуетъ правителю и разру-
 шаетъ его (Павлово) ученіе, — послушай, что говоритъ, испол-
 нившись Святаго Духа: *о, исполненне всякія лести и всякія злобы,
 сыне діаволь* (Дѣян. хлп, 10)! Дурень не всякій укоръ, но укоръ

¹⁾ Такъ передаемъ ἀνθύπατος, оставленное въ слав. текстѣ безъ перевода.
 Разумѣется чиновникъ въ родѣ нашего вице-губернатора.

нашрасный, — за него и Христось опредѣлить наказаніе, — а дѣлающій это въ надлежащее время подражаетъ врачу, рѣжущему въ надлежащее время и рѣзаньемъ устраняющему гниль. Это именно Павелъ и дѣлаетъ: не престанеши ли развращая пути Господни *правыя* (ст. 10)? Но онъ не принимаетъ твоихъ словъ, Павелъ; употребн какое-либо апостольское рѣшеніе, отврати языкъ, загради его уста, остано́ви злой потокъ. Итакъ, что онъ дѣлаетъ? Показывая, что у него война не противъ людей, говоритъ: *и нынѣ се рука Господня на ты* (ст. 11). Самъ, сказавшій: *съ вами есмь во вся дни* (Мф. xxviii, 20), былъ тогда и съ Павломъ, и онъ (Павелъ), имѣя это обѣщаніе, призываетъ Его, считаетъ для себя справедливымъ сдѣлаться мстителемъ, примѣнить силу и устранить препятствіе. *И нынѣ се рука Господня на ты*. Сколь велико снисхожденіе Христа, сколь велико дерзновеніе Павла — какъ онъ поражаетъ (его) приговоромъ, и Христось тотчасъ соглашается съ говорящимъ! Что значить — *рука Господня*? Сила, поражающая противное. Она была всюду съ ними (апостолами), повинувась съ готовностію, дѣлая ихъ жатвою, не допуская труда, ни бѣдствія, но устраивая по Своему. И сталъ онъ слѣпымъ, *не видя до времени* (ст. 11). Замѣчаешь ли мщеніе въ соединеніи съ человеколюбіемъ? Вѣдь этотъ приговоръ — вразумленіе, а не наказаніе, — исправленіе, а не уничтоженіе. Потому именно онъ не засушилъ руки, не вырвалъ языка, громко говорившаго злыя рѣчи, не искалѣчилъ ноги, но — самые глаза. Такъ какъ онъ самъ этимъ былъ исцѣленъ и удаленъ отъ грѣховнаго пути и гибельнаго состязанія, то и на него налагаетъ такое же врачество, какъ бы говоря: и я подвизался въ худомъ, и я видѣлъ предъ собою смерть; изъ-за этого я хорошо ослѣпленъ, чтобы видѣть лучшее; и къ тебѣ прилагаю это врачество: ослѣпляю твои виѣшніе глаза, чтобы открыть твои внутреннія очи. Тогда правитель, увидѣвъ происшедшее, увѣровалъ. Видишь ли, что гора сдѣлалась равниною, холмъ смирился, жатва совершена, скатое приготовлено, зрѣлый плодъ собирается и Павелъ не терпѣлъ ни усталости, ни бѣдствія, но простымъ словомъ уловилъ правителя? Потому Онъ называетъ Евангеліе жатвою — по быстротѣ и легкости, какую оно доставляло имъ.

Такъ былъ уловленъ и тотъ евнухъ, иноземецъ и иноплеменникъ, обладавшій великимъ могуществомъ, — и не было потрачено тамъ даже сколько-нибудь времени, или труда: одновременно онъ (апостоль) взошелъ на колесницу и началъ наставленіе; вѣрнѣе же, до этого восхожденія; и удивительно, что иноземецъ и иноплеменникъ, напыщенный могуществомъ, — такъ какъ въ его рукахъ была немалая власть, — позвалъ бѣднаго нищаго,

неизвѣстнаго, съ которымъ никогда не видѣлся и не знался,— его-то и позвалъ и возвелъ (на колесницу) и посадилъ съ собою. Кто это сдѣлалъ? Тотъ, кто сказалъ: *азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*,—Онъ сдѣлалъ входъ весьма желательнымъ и иноземца приготовилъ къ любомудрію, гору смирилъ и неизвѣстнаго сдѣлалъ (для него) ближе всякаго знакомаго. Не просто пробѣгай, не считай это дѣло простой исторіей, но подумай о величїи преуспѣянїя. Если теперешніе начальники, будучи вѣрующими, воспитываясь въ смиренномудріи и ничего не имѣя варварскаго, не могутъ допустить, чтобы — не говорю: неизвѣстный, странникъ — но кто-либо изъ знакомыхъ запросто сѣлъ съ ними на площади, то какъ тотъ (допустилъ) странника? Не перестану говорить объ этомъ, что именно странника, никогда невидѣннаго, простого, на взглядъ ничтожнаго—его и возвелъ, посадилъ, языку его отдалъ свое спасеніе, снизошелъ сдѣлаться ученикомъ, и просить, заклинаеть, умоляетъ, говоря: *молю тя, о комъ пророкъ глаголетъ сіе* (Дѣян. VIII, 34)? и съ большимъ вниманіемъ прїнимаеть, что тотъ говоритъ. И не только (принимаетъ), но, принявъ, не остался безпечнымъ, не отсрочилъ, не сказалъ: возвращусь въ свое отечество, увижу друзей, домашнихъ и родственниковъ,—что теперь говорятъ многіе изъ христіанъ, 523 призываемыхъ къ крещенію: возвращусь (говорятъ они) въ свое отечество, увижу жену, увижу дѣтей и моихъ родственниковъ; въ ихъ присутствїи, въ сопразднованїи ихъ со мною, я и воспользуюсь крещеніемъ, прїобщуся благодати. Но тотъ иноземецъ не сказалъ тогда этихъ словъ, и хотя былъ іудеемъ и наученъ тщательнѣе наблюдать мѣста, особенно же постоянно ему внушалось наблюдать это мѣсто, почему онъ предпринялъ и далекое путешествіе, чтобы поклониться на томъ мѣстѣ, на которомъ повелѣлъ Богъ,—онъ однакожъ, сразу отвергнувъ весь тотъ обычай и оставивъ такое наблюденіе, какъ только было закончено слово, и какъ увидѣлъ онъ источникъ возлѣ пути, говоритъ: *се вода: что возбраняетъ ми креститися* (ст. 36)? Видишь ли, что опять жатва совершается? Видишь ли, что нисколько не было потрачено времени, но сразу и земля приняла, и пышный колось произвела, и гроздь сдѣлался арѣльнымъ? *Се вода*, говоритъ. Не искалъ онъ ни стѣны, ни золотого потолка, ни заготовки одеждъ, ни обуви; но такъ какъ у него была воля приготовлена, онъ кипѣлъ желаніемъ, былъ воспламененъ ревностію, то тотчасъ прїбѣгъ къ благодати, и побуждаетъ учителя поруководствовать его къ тайноводству и прїобщить къ тѣмъ безсмертнымъ и страшнымъ тайнамъ. Поэтому и тотъ сейчасъ согласился, одобрилъ готовность, и крестить его. Значить Онъ называетъ Еван-

геліе жатвою—по легкости, какую оно доставляло имъ. Также и въ другомъ мѣстѣ говорится, что внимали словамъ Павла, потому что Господь открылъ сердце ихъ внимать словамъ его. А когда слышишь, что Онъ горы смиряетъ, жатву совершаетъ, дѣлаетъ плодъ зрѣлымъ и много облегчаетъ,—не лишаи въру- 524
щихъ ихъ величайшихъ преуспѣяній, потому что Онъ не насилуетъ свободу воли, не оскорбляетъ самодовлѣмость, но содѣйствовать, помогать, простиралъ руку. Если бы все было (дѣломъ) Его, то ничто не мѣшало бы всѣмъ спастись; но теперь одно бываетъ Его, а другое—приступающихъ; приступающихъ—пожелать и избрать, выказать отъ себя много готовности и искренней вѣры, а Его—доставить дары, сдѣлать слово легко познаваемымъ и ученіе яснымъ, повергнуть сѣмена и помочь слушанію статьи зрѣлымъ. Итакъ, помышляя обо всемъ этомъ, и мы возьмемъ Его въ трудъ за добродѣтель союзникомъ и помощникомъ, принося все отъ себя. Если въ дѣлѣ, соединенномъ съ такою трудностію, Онъ такъ легко преуспѣлъ, не въ одномъ, двухъ, двадцати городахъ, но всюду во вселенной,—разумѣю именно проповѣдь и ученіе,—такъ что вся земля, насколько солнце ее осматриваетъ, оказалась засѣянной и изобилующей прекраснымъ этимъ плодомъ, то вполне очевидно, что и въ трудахъ за добродѣтель Онъ будетъ содѣйствовать намъ. если только мы не будемъ безпечны и холодны, но будемъ приносить отъ себя свое—готовность, усердіе, желаніе, мысль, неусыпность, попечение, свободу отъ житейскихъ дѣлъ, исканіе будущаго и каждодневное къ нему стремленіе. Если мы будемъ доставлять это съ тщательностію, то и отъ Него все послѣдуетъ, и, когда такъ будетъ, мы достигнемъ небесныхъ благъ,—которыхъ да сподобимся всѣ мы достигнуть благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

Бесѣда его же, сказанная послѣ того, какъ предварительно говорилъ другой, очень старый,—объ Елеазарѣ и семи отрокахъ ¹⁾).

1. Какъ цвѣтиста эта духовная маслина! При своихъ пре- 523
старѣлыхъ вѣтвяхъ, она принесла намъ зрѣлый плодъ. Не таковы

¹⁾ Пронесена была святителемъ накануне для памяти мучениковъ Макавеевъ, который тогда праздновался также 1 августа. Говорившій предварительно—неизвѣстенъ.

растенія земли, каковы деревья Церкви: тѣ, достигши старости, теряютъ потомъ большую часть листьевъ и, если какой принесутъ плодъ, приносятъ его отцвѣтшимъ и вялымъ; а эти, когда достигнуть старости, тогда особенно изобилуютъ плодомъ. Это именно можно видѣть и на говорившемъ сегодня; потому и я рѣшилъ молчать: нужно было молодому молчать, въ присутствіи столькихъ стариковъ и умѣющихъ говорить. Такъ наставляетъ насъ и божественное Писаніе: когда оно бесѣдуетъ съ молодымъ, говоритъ: *глаголи, юноше, аще тебѣ есть потреба, едва дваца, аще вопрошенъ будещи: сократи малыми многая* (Сир. ххп, 9, 10). Со старцемъ оно не бесѣдуетъ о такихъ ограниченіяхъ, но, оставивъ его, позволяетъ и внѣ такихъ предѣловъ состязаться; и опять, дивясь удовольствію отъ сказываемаго, когда сказывается съ разумомъ, (премудрый) такъ говоритъ: *глаголи, старѣйшино, подобаетъ бо ти, но испытанною хитростію, и возбраниши* ¹⁾ *мусикии* (ст. 4, 5). Что значить: и возбраниши *мусикии*? Этимъ показываетъ, что не такъ пріятны слушателямъ флейта, кнѣзья и свирѣль, какъ ученіе старца, предлагаемое съ точнымъ знаніемъ. Сравнивая удовольствіе съ удовольствіемъ, онъ говоритъ, что это намного могущественнѣе того, и это господствуетъ, а то ему уступаетъ; потому и говоритъ: *помѣшаешь мусикии, то есть, не дозволишь ей являться, затемнишь ее, закроешь ее.*

Потому именно и намъ нужно было молчать и слушать, а ему говорить и учить; но,—что часто я говорилъ, это и теперь скажу,—я не переношу ни вашей требовательности, ни принужденія съ ихъ стороны (т. е., старшихъ); потому опять приступаю къ обычному состязанію, къ трудному дѣлу, къ рѣчи, пользуясь большимъ удобствомъ, не вслѣдствіе собственной силы, но готовности со стороны васъ, слушателей. Вѣдь и недавно ²⁾ также слово не потонуло, унесшись на такую глубину, и нигдѣ у васъ не потерпѣло крушенія, проходя столь широкое море: а причина тому та, что нигдѣ нѣтъ скалъ, ни подводныхъ камней, ни утесовъ, по всюду море спокойнѣе пристани; и оно (слово) сопутствовало до тихой пристани, какъ бы нѣкоторымъ вѣтромъ, дуящимъ въ корму, усердіемъ вашего слушанія. Сразу оно и сходило съ нашего языка, и всѣ принимали его съ распростертыми руками, и хотя въ немъ было много трудности,—такова именно была природа недавнихъ мыслей,—однакожь избыткомъ усердія и напряженіемъ ума вы со всею тщательностію ободряли насъ въ трудѣ и сдѣлали трудное легкимъ. Вы не позволяли

¹⁾ Въ Вибліи: καὶ μὴ ἐμποδίσῃς ~~и~~ не возбрани.

²⁾ Неизвѣстно, какая это была бесѣда.

(слову) упасть ни на камень, ни въ терніе, ни на дорогу, но все приняли въ тучную и плодородную пашню, въ глубину вашей души. Потому мы и видимъ ежедневно, что пышные посѣвы питаются легкими вѣяніями (Святаго) Духа вмѣсто вѣтра, и зрѣлище ежедневно у насъ бываетъ блестящимъ. Потому именно и сегодня я желалъ бы заняться остающимся (у меня). Но что я испытываю? Хоръ Маккавеевъ стоитъ предъ моими глазами и, осіевая мою мысль блескомъ своихъ ранъ, зоветъ пашу рѣчь къ своей красотѣ. Но пусть никто не считаетъ неблагоприятнымъ для слова, что, между тѣмъ какъ день борьбы завтра, мы сегодня плетемъ вѣнки, и объявляемъ побѣдный знакъ до надлежащаго времени войны. Вѣдь если, при совершеніи браковъ, брачующіеся и опочивальни устраиваютъ раньше назначеннаго дня, и украшаютъ свои дома вѣнками и занавѣсами, то тѣмъ болѣе мы будемъ дѣлать это, такъ какъ этотъ бракъ духовнѣе, сочетается не мужъ съ женою, но Богъ съ душами людей. Потому не погрѣшилъ бы кто-нибудь, назвавъ душу мучениковъ невѣстою, невѣстою духовною,—потому что и они приносятъ свою кровь въ качествѣ приданаго,—приданого, никогда неистрачиваемаго. Но время похвалъ пусть ждетъ насъ до завтрашняго дня; а сегодня будемъ исправлять болѣе немощныхъ изъ нашихъ братій. Такъ какъ многіе изъ очень простыхъ, по недостатку своей мысли, увлекаясь врагами Церкви, не имѣютъ надлежащаго мнѣнія относительно этихъ святыхъ, и не считаютъ ихъ въ то же время въ остальномъ сонмѣ мучениковъ, говоря, что они пролили свою кровь не за Христа, но за законъ и за писаніе закона, будучи заколоты за свиное мясо,—вотъ именно мы исправимъ эту ихъ мысль, потому что и стыдно было бы совершающимъ торжество не знать основанія торжества.

2. Итакъ, чтобы, при общей радости всѣхъ, не скорбѣли только болѣющие этимъ, но обнимали бы подвижниковъ неподдѣльною мыслию и смотрѣли бы на нихъ чистыми очами, мы поднесемъ сегодня успокоительное для ихъ мысли, и подготовимъ къ тому, чтобы завтра они пришли на духовное торжество съ свѣтлымъ настроеніемъ и чистою мыслию. Я настолько не отказываюсь считать ихъ наряду съ остальными мучениками, что даже объявляю ихъ болѣе блестящими. Они подвизались тогда, когда еще не были сломаны мѣдныя врата, ни спялъ былъ желѣзный засовъ, когда еще грѣхъ властвовалъ, проклятіе процвѣтало, крѣпость діавола стояла и жестокъ былъ еще путь такой добродѣтели. Теперь даже совершенные отроки и много нѣжныхъ дѣвицъ и незамужнихъ всюду во вселенной вооружились противъ власти смерти; а тогда, до пришествія Христа, даже праведники сильно 528

ся трепетали. Моисей убѣждалъ по этому страху; и Іилія изъ-за этого тайно ушелъ въ сорокадневный путь; и патриархъ Авраамъ изъ-за этого совѣтовалъ своей женѣ говорить, что „я сестра его, а не жена“. И къ чему говорить объ остальныхъ? Самъ Петръ такъ боялся смерти, что не перенесъ угрозы даже привратницы,—потому что страшна она была и недоступна, еще не были усѣчены ея жилы, ни могущество ея не было уничтожено. Но, однако, эти (Маккавеи) преодолѣли и побороли ее, когда вѣяло такимъ страхомъ отъ нея. Такъ какъ имѣло уже взойти Солнце правды, то что днемъ бываетъ, и тогда произошло. Какъ для насъ является свѣтлое утро, когда еще не явилось даже солнце, когда еще не видны бываютъ лучи, а свѣтъ лучей осіеваеъ вселенную издали,—такъ и тогда произошло. Такъ какъ имѣло придти Солнце правды,—тьма робости, наконецъ, уничтожилась, хотя Онъ и не присутствовалъ еще по плоти, а былъ вблизи, въ преддверіи, и уже касался самыхъ вещей.

Итакъ, что они выказали много мужества, подвизавшись въ такія времена, всякому, конечно, очевидно; а что они получили раны также за Христа,—это я уже попытаюсь показать. За что они страдали, скажи мнѣ? За законъ, скажешь, и писаніе закона. Значить, если бы явился Христосъ, давшій тотъ законъ,—не очевидно ли вполнѣ, что, пострадавъ за законъ, они выказали бы всю ту твердость за Законодателя? Итакъ, сегодня вотъ это покажемъ,—что Христосъ есть Законодатель. Кто это говоритъ? Знающій ясно ветхое и новое,—Павелъ, учитель вселенной. Въ посланіи къ Коринѣянамъ онъ такъ говоритъ: *не хочу же васъ не отвѣтити, братіе, яко отцы наши вси подѣ облакомъ быша, и вси сквозѣ море проидоша, и вси съ Моисеа крестишася во облацѣ и въ мори, и вси тожде брашно духовное ядоша*,—говоря такъ о маннѣ,—*и вси тожде пиво духовное пиша*,—говоря такъ о водѣ изъ камня (1 Кор. х, 1—4). Потомъ, показывая, что Христосъ совершалъ эти чудеса, присоединилъ: *никоже бо отъ духовнаго послѣдующаго камени: камень же бы Христосъ* (ст. 4). И естественно: не природа камня изводила воду и тѣ потоки, но сила Христа, поражая камень, заставляла источники истекать. Потому онъ и называлъ камень духовнымъ, и сказалъ, что онъ слѣдовалъ (за ними); чувственный же камень не слѣдуетъ, но находится на одномъ мѣстѣ; всюду присутствующая и во всемъ чудотворящая сила—она прорывала и камень. Если іудей не можетъ выносить этихъ словъ, мы побѣдимъ его собственнымъ его оружіемъ, не бесѣдуя ни о чемъ изъ Павла, Петра и Іоанна, но изъ его пророковъ, чтобы онъ зналъ, что у него дѣла, а у насъ пониманіе (ихъ).

3. Итакъ, кто изъ пророковъ это говоритъ,—что Онъ дажѣ

ветхій завѣтъ? Освященный отъ утробы (матери) Іеремія, сіявшій въ юности. Гдѣ и когда? Слушай его слова, и изъ сказаннаго ясно научись. Итакъ, какія это слова? *Се дніе грядутъ, глаголетъ 527 Господь* (Іерем. xxxi, 31). Сначала онъ вдругъ поднимаетъ слушателя, и пробуждаетъ духъ слушающихъ, показывая, что не его это слова, но пославшаго его Бога. *Се дніе грядутъ*. Потомъ показываетъ, что онъ съ нами бесѣдуетъ о будущихъ вещахъ. Итакъ, какимъ образомъ Онъ далъ ветхій (завѣтъ), если бесѣдуетъ о будущемъ? Подожди и не безпокойся, и тогда ясно увидишь блескъ истины. Когда онъ это говорилъ, законъ былъ данъ и нарушенъ, а новый еще нѣтъ. Итакъ, уяснивъ это въ вашихъ мысляхъ, примите разрѣшеніе недоумѣній для многихъ. *Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь*, обозначая настоящее время, и *завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщашъ отцемъ ихъ* (ст. 31, 32). Спрошу іудея, спрошу немощного брата: кто далъ новый завѣтъ? Конечно, всякій скажетъ, что Христосъ. Итакъ, Онъ и ветхій (далъ), — потому что сказавшій, что *завѣщаю завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщашъ*, (тѣмъ) показалъ, что Онъ завѣщалъ и тотъ; итакъ, обоихъ завѣтовъ одинъ Законодатель. А когда, скажи мнѣ, Онъ завѣщалъ ветхій? *Въ день въ онъже емишу ми за руку ихъ, извести я ихъ земли Египетскія*. Смотри, какъ Онъ показалъ и легкость исхода, и Свою нѣжную любовь, и безопасность тогдашняго изведенія, и что всѣ египетскія чудеса совершалъ Онъ. Тѣмъ, что Онъ сказалъ: *емішу ми за руку ихъ, извести я ихъ земли Египетскія*, обозначилъ всѣ чудеса, — потому что тотъ исходъ былъ по необычайнымъ знаменіямъ. И *ти не пребыха съ завѣтъмъ моимъ, и азъ не брегохъ ихъ, глаголетъ Господь*. Итакъ, отсюда очевидно, что одинъ Законодатель ветхаго и новаго завѣта. Здѣсь, если кто тщательно вникнетъ въ сказанное, — увидитъ, что оно полно немалаго затрудненія, — потому что, говоря о причинѣ, по которой Онъ намѣренъ давать другой завѣтъ, назвалъ его новымъ, то есть, необычнымъ: *завѣщаю, говорить, завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщашъ отцемъ ихъ, яко ти не пребыха съ завѣтъмъ моимъ, и азъ не брегохъ ихъ, глаголетъ Господь*. И потому, нужно было, чтобы они были наказаны, понесли крайнее возмездіе и подверглись тяжкому мищенію, — за то, что, вкусивъ столько чудесъ и получивъ законъ, они нисколько не сдѣлались лучшими. Но Онъ не требуетъ отъ нихъ возмездія, но общается даже больше прежняго. Итакъ, сегодня слѣдовало бы присоединить рѣшеніе и этого затрудненія; но такъ какъ у насъ слово стремится къ другому, и мы желаемъ воспитывать васъ такъ, чтобы не все отъ насъ учиться, но находить и самимъ кое-что, — оставляю это для васъ, — ищите и найдите. Если

увидимъ, что искали, но не нашли,—тогда и сами протянемъ руку; а чтобы нахожденіе сдѣлалось для васъ легче, я уже скажу вамъ напередъ апостольскія мѣста, въ которыхъ особенно можно найти сокровище и рѣшеніе этого затрудненія,—именно, онъ (апостоль) разсмотрѣлъ этотъ предметъ и разрѣшилъ въ посланіяхъ къ Римлянамъ, Галатамъ и Евреямъ. Тѣ, которые трудолюбивы, въ состояніи будутъ найти это рѣшеніе, обратившись 528 къ посланіямъ, если въ промежуточные эти дни вы не предадитесь неумѣстнымъ собраніямъ, ни глупой болтовнѣ, но будете отыскивать сокровище съ настойчивою заботою о сказанномъ. Оставивъ пока это нерѣшеннымъ, приступимъ къ слѣдующему далѣе. А что это слѣдующее? *Яко сей заветъ, егоже завещаю вамъ, глаголетъ Господь: дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я. И не научитъ кѣждо ближняго своего, и кѣждо брата своего, глаголя: познай Господа: яко вси познають мя отъ мала до великаго ихъ, яко милостивъ буду неправдамъ ихъ, и грѣховъ ихъ и беззаконій ихъ не помяну кому* (ст. 33, 34). Сказавъ о ветхомъ заветѣ, который Онъ далъ, сказавъ и о новомъ, который Онъ намѣренъ дать, Онъ описываетъ также красоту его, показываетъ черты его и полагаетъ другъ за другомъ признаки, чтобы ты зналъ, какъ велико различіе новаго въ отношеніи ветхаго,—различіе, не противоположность,—какъ велико преимущество, какъ великъ блескъ, какъ велико сіяніе даровъ и благодати.

4. Итакъ, въ чемъ черты новаго? *Дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я.* Ветхій законъ былъ написанъ на каменныхъ скрижаляхъ, и, когда первыя скрижали были разбиты, Моисей изсѣкъ опять другія и, тамъ начертавъ письмена, сошелъ со скрижалями, по природѣ сродными безчувствію принимающихъ. А новый не такъ, — потому что не были изсѣчены скрижали, когда давался новый заветъ,—но какъ и какимъ образомъ? Слушай повѣствующаго Луку: *быша вси единодушно ступъ, говорить: и бысть внезапно съ небесе шумъ яко носиму дыханію бурну: и явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни: стѣ же на единомъ коемждо ихъ, и исполнишася Духа свята, и начаша глаголати языки, якоже Духъ даяше имъ* (Дѣян. II, 1—4). Видишь ли, какъ пророкъ ясно предвозвѣстилъ это издавна, сказавъ: *дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я.* Благодать Духа, данная Богомъ, чтобы она обитала въ мысляхъ ихъ, сдѣлала ихъ живыми столпами¹⁾... и прикрываетъ мысль эту Своєю славой; потому и говорилъ (апостоль), что онъ посланъ былъ проповѣдывать не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ

¹⁾ Нѣкоторый пропускъ въ текстѣ.

Христовъ (1 Кор. I, 17).—и опять: не обуи ли Богъ премудрость міра сего (ст. 20)?—здѣсь всюду говорить о крестѣ. *Помеже, говорить, Іудее знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ, мы же проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ соблазнъ, Еллиномъ же безуміе, самими же званнми, Іудеемъ и Еллиномъ, Христа Божію силу и Божію премудрость: зане буетъ Божіе премудрѣе челоуѣкъ есть, и немоущное Божіе крѣпче челоуѣкъ есть* (ст. 22—25); глупымъ Божіимъ и немоущнымъ Божіимъ онъ называетъ крестъ, не потому, что это глупо—что мудрѣе его?—и не потому, что немоущно—что сильнѣе его?—но выражаетъ мнѣніе невѣрующихъ, которое они имѣли относительно этого предмета. Потому и выше онъ говорилъ: *слово бо крестное погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ сила Божія есть* (ст. 18). Но должно заимствовать сужденіе о предметахъ не отъ погибающихъ,—а то вѣдь больные считаютъ горькимъ даже медъ, но это вина болѣзни, а не приговоръ меду. Такъ именно и крестъ для внѣшнихъ кажется глупымъ дѣломъ, но онъ не таковъ въ дѣйствительности. Потомъ, показывая, что (крестъ) не только не есть глупое, но даже очень мудрое дѣло, и не только не немоущное, но даже очень сильное,—онъ сравниваетъ преуспѣянiя его и съ твореніемъ, и съ ветхимъ (завѣтомъ), и съ внѣшнею мудростію, и показываетъ, что чего не нашла ни внутренняя мудрость, или внѣшняя, чему не научились многіе изъ людей изъ творенiя, въ чемъ не пользовались отъ ветхаго, въ этомъ имѣло силу кажущееся глупымъ и немоущнымъ,—кажущееся, не таковое въ дѣйствительности. Поэтому онъ, обладая доказательствомъ изъ самыхъ дѣлъ, выходитъ съ большимъ дерзновеніемъ на борьбу.—прежде всего противъ внѣшней мудрости, и говоритъ: *гдѣ премудръ* (ст. 20)? Что значитъ: *гдѣ премудръ*? Онъ какъ бы говорилъ: гдѣ ученiя философовъ? Гдѣ ораторовъ? Гдѣ ученыхъ? Гдѣ писателей? Исчезли всѣ, погибли и упразднились. Такъ была блестяща побѣда, что даже въ концѣ они не являются. Потому, когда они такъ исчезли изъ виду и были развѣяны какъ бы нѣкоторая пыль, онъ такъ спрашиваетъ и говоритъ: *гдѣ премудръ*? Явился крестъ, и все то было разрушено; раздался голосъ проповѣди, и, разсѣялось легче паутины? *Гдѣ премудръ*? Гдѣ хвастливость рѣчей? Гдѣ красота краснорѣчія? Гдѣ сила хитрыхъ умозаключенiй? Гдѣ стремительность словъ? Гдѣ острога языка? Гдѣ собранiя и засѣданiя? Все это разсѣяно, погибло, истреблено, исчезло и обратило тылъ. *Гдѣ книжники*? Гдѣ, говорятъ, (дѣла) іудеевъ? Проповѣдь и ими овладѣла и, какъ солнце, покрыла тѣнь. Въ чемъ столько времени въ одномъ народѣ былъ безсиленъ законъ,—въ этомъ, съ большимъ изобиліемъ, всюду преуспѣлъ крестъ, уничтоживъ грѣхи, даровавъ

оправданіе, приготовивъ святыхъ людей, наставивъ въ богознаніи, ставъ руководителемъ на небо. Потомъ, оставивъ іудейское, опять возвращается къ эллинскому: *гдѣ совопросникъ вѣка сего?* Здѣсь онъ намекаетъ на еретиковъ и умозаключателей, которые до этого были острѣе меча, а когда явился крестъ, были поражены легче всякой глины. *Не обуи ли Богъ премудрость міра сего?* Опять вооружается противъ эллинской мудрости. Что значитъ: *обуи*? (Этимъ словомъ) показалъ, что она глупа; и дѣйствительно (такова) она была. И ихъ и грѣховъ ихъ и беззаконій ихъ не помяну *тому* (Іерем. xxxi, 34). Пророкъ описываетъ намъ блескъ ветхаго (завѣта); а апостолъ сопоставляетъ тотъ и другой, такъ какъ онъ боролся съ іудеями; сказавъ выше: *не на скрижаляхъ каменныхъ, но на скрижаляхъ сердца плотныхъ*, здѣсь (говоритъ): *не писмене, но Духу: письма бо убиваетъ, а Духъ животворитъ* (2 Кор. iii, 3, 6).

530 5. Нѣкто собиралъ дрова въ субботу, и былъ побитъ камнями (Числъ xiv, 32, 36). Видишь ли, какъ буква убиваетъ, то есть, законъ наказывалъ? А знаешь ли, какъ Духъ животворитъ? Входитъ нѣкто, исполненный множества золъ—кто распутничалъ, хищничалъ, былъ любостяжателемъ, прелюбодѣйствовалъ, достигъ всякаго порока, уже умерщвленъ былъ грѣхомъ; беретъ его благодать Духа въ купель,—и распутника дѣлаетъ сыномъ Божиимъ, умерщвленнаго грѣхомъ рождаетъ для жизни. Это значитъ: *а Духъ животворитъ*. Какъ животворитъ? Не требуя отчета въ прегрѣшеніяхъ, по пророку: *милостивъ буду неправдамъ ихъ, и грѣховъ ихъ и беззаконій ихъ не помяну тому*. Спроси опять іудея: гдѣ такъ было въ законѣ? Но онъ не сможетъ указать. И собиравшій дрова побивался камнями, и блудница сожигалась, и Моисей лишился земли обѣтованія за одинъ грѣхъ; а при благодати, совершившіе неисчислимыя ужасы рождаются въ жизнь, вкусивъ крещенія, и отъ нихъ не требуется никакого возмездія за прегрѣшенія. Потому и Павелъ говорилъ: *не льстите себе: ни блудницы, ни малакинъ, ни мужеложники, ни прелюбодѣи, ни тати, ни лихоимцы, ни пияницы, ни досадители, ни хищники царствія Божія не наследятъ. И сими нѣцями бысте, но омыстесь, но освятитесь, но оправдастесь именемъ Господа Іисуса, и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. vi, 9—11). Видишь ли, какъ блещетъ пророческое,—что *милостивъ буду неправдамъ ихъ*,—какъ сіяетъ апостольское,—что *Духъ животворитъ*? Желашъ ли знать также другое,—апостола Павла, говорящаго, какъ въ короткое время онъ прошелъ всю вселенную? Выслушай, что онъ говоритъ: *якоже ми отъ Іерусалима и до Иллирика исполнити благовѣствованіе; и опять: нынѣ же тому мѣста не имый въ странахъ сѣхъ, желаніе же имый видѣти васъ, яко, аще поиду во Испанію, уповаю видѣти васъ,*

еще *еще прежде отъ части насыщуся* (Рим. хv, 19, 23, 24). А если одинъ апостолъ въ короткое время прошелъ большую часть вселенной,—подумай, какъ уловили ее всю также другіе. Потому и говоритъ онъ: Евангелія проповѣданнаго *всей твари поднебесной* (Колос. 1, 23),—объясняя пророческое: *яко вси познають мя отъ мала до великаго ихъ*. Но, что Христосъ далъ законъ,—изъ этого очевидно; и что, будучи закланы за законъ, они проливали свою кровь за Законодателя,—и это ясно. Прошу, наконецъ, вашу любовь придти на торжество съ большою готовностію; устремитесь къ ранамъ мучениковъ, какъ пчелы изъ ульевъ, и уважьте ихъ мученія, нисколько не боясь длиннаго пути. Вѣдь если старецъ Елеазаръ пренебрегъ огнемъ, и мать тѣхъ блаженныхъ перенесла столько мукъ въ крайней старости, то чѣмъ вы сможете оправдаться, чѣмъ извиниться, не пройдя для созерцанія той борьбы даже небольшого разстоянія?.. ¹⁾

С Л О В О

о печатяхъ (священныхъ) книгъ, и (о томъ) что приноситъ Сынъ Отцу и Отецъ Сыну, и о домоправленіи Спасителя ²⁾.

1. Священная наука—великое средство души для спасенія. 531 Желѣзо остритъ желѣзо, а божественное слово изощраетъ душу; тѣло питается хлѣбомъ, а душа укрѣпляется божественнымъ словомъ,—какъ говоритъ и блаженный Моисей, полагая въ основаніе питаніе божественнымъ ученіемъ: *не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ будетъ человекъ, но о всякомъ словеси исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Втор. viii, 3). Итакъ, слово Божіе—питаніе души. Для созданной по образу міроустроителя — Слова, почтенной разумомъ и удостоенной разумной свободы что можетъ быть естественнѣе слова, питающаго ее (душу), наставляющаго и быстро возвращающаго

¹⁾ Эта бесѣда не имѣетъ обычнаго заключенія.

²⁾ Относительно автора этого Слова у древнихъ было два мнѣнія: 1) бл. Феодоритъ († 457) усвоилъ его Северіану († 415), еп. Габала (города на верх. теченіи р. Герма, въ М. Азіи); 2) папа Адріанъ I († 785) усвоилъ св. I. Златоусту, потому что въ своемъ посланіи къ имп. Константину VI и его матери Иринѣ (устроившимъ VII-й всел. соборъ между 25 сент.—22 окт. 787) онъ беретъ отсюда выдержку съ именемъ св. I. Златоуста. Также во всѣхъ спискахъ это Слово съ именемъ св. I. Златоуста. Однако первое мнѣніе вѣрнѣе, такъ какъ складъ рѣчи не напоминаетъ златоустовскій.

іъ ея собственному достоинству? А словомъ, братіе, мы называемъ не хитро придуманное ученымъ краснорѣчіемъ для убѣдительности, но для истины засвидѣтельствованное простотою вѣры. И въ жизни, и въ словѣ должна считаться поддѣльною всякая добродѣтель, которая не приняла начатковъ отъ божественнаго Учителя; и насколько отдѣлены тѣнь отъ тѣла, и сновидѣніе отъ истины, настолько отстоитъ признанная мудрость міра отъ истинной Божіей мудрости. Отсюда и блаженный Павель, сосудъ избранія, нѣкогда вышедшій на худую ловлю святыхъ, но сдѣлавшійся прекрасной добычей для спасенія людей,—точно говорилъ, сопоставляя благочестивое и истинное слово съ поддѣльнымъ: премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ, премудрость же не вѣка сего, но премудрость Божію въ тайнѣ (1 Кор. п, 6, 7).

Итакъ, премудрость у насъ—это пророческая рѣчь, апостольское ученіе и благовѣстіе царствія, вершина разумной власти. Когда мы слушаемъ евангеліе, братіе, будемъ усвоять образъ мыслей, достойный этого названія. Часто многіе, по обычному употребленію именъ, не знаютъ силы самыхъ дѣлъ. А евангеліе есть объясненіе дѣла, потому что оно благовѣствуетъ намъ многогѣтое домоправленіе Спасителя,—что Богъ по человѣколюбію былъ среди людей, не сложивъ предварительно съ Себя предвѣчное достоинство, но принявъ на Себя спасительное домоправленіе; благовѣствуетъ намъ евангеліе, что къ болѣющимъ пришелъ врачъ, ухаживающій не съ лѣкарствами, но исцѣляющій мановеніемъ человѣколюбія; благовѣствуетъ намъ, что заблудившимся показанъ путь, находящимся во тмѣ возсіялъ свѣтъ, для отчаявшихся спасеніе. Когда мы, воспитываемые закономъ, не обращались, руководствуемые пророчествами, не отзывались на познаніе истины, и, по нашей неблагодарности, все было въ опасности гибели, и человѣческія дѣла (въ опасности) уничтоженія,—какъ увидѣло Божіе человѣколюбіе, что мы отказались отъ воспитанія по закону, уклонились отъ пророческаго руководства,—оно побѣдило неразуміе многою и безмѣрною благостію и, предложивъ для всей вселенной евангеліе царствія, какъ нѣкоторый царскій даръ, даровало недостойнымъ все по человѣколюбію. Итакъ, спасительная благодать предупредила, благодѣтельствуя всѣмъ различно: рабовъ освобождая, нищихъ богатыя, изгнанныхъ призывая, плѣнныхъ выкупая,—сдѣлалась всѣмъ для всѣхъ, не по нашему достоинству, но по самой благости, личной благодѣтелю, Который, будучи по природѣ простымъ, недѣлимымъ, безъ внѣшняго вида, самъ Богъ отъ Бога, образъ Невидимаго, *сіяніе славы и образъ ипостаси* (Евр. 1, 3), принимаетъ на Себя различныя названія, несогласныя съ Его приро-

дою, но приличествующія благодѣянію. Такъ какъ все человѣческое пало, то Онъ по родству беретъ все на Себя, принимая названія по обновляющей все благодати. Былъ большой голодъ, голодъ божественнаго слова,—голодъ, которымъ угрожалъ Богъ синагогѣ, говоря: *послю нмѣ не гладъ хлѣба, ниже жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня* (Амос. viii, 11),

2. Когда Онъ увидѣлъ вселенную голодающею и гибнущею отъ голода,—такъ какъ что для тѣла недостатокъ пищи, то для души недостатокъ знанія,—Источникъ благи восклицаетъ чрезъ Евангелія: *азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе, и даю жизнь міру* (Іоан. vi, 41, 38). Чувственный хлѣбъ исходитъ отъ земли. по сказанному: *извести хлѣбъ отъ земли* (Псал. ciii, 14); а небесный источается съ неба: *азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе*. Жаждущая земля была пустою, лишенною божественнаго слова и невкушающею духовнаго орошенія. Что же? Та же самая благодать, источая благодѣяніе, опять восклицаетъ: *еще кто жаждетъ, да приидетъ ко мнѣ и пьетъ* (Іоан. vii, 37). Когда различно восклицали пророки, и весь сонмъ святыхъ жаждалъ Его пришествія, говоря: *Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреню: возжада душа моя къ Богу живому* (Псал. lxi, 2; lxi, 3),—Онъ, желая показать, что Онъ есть (Тотъ), Котораго жаждали пророки, восклицаетъ чрезъ Евангелія: *еще кто жаждетъ, да приидетъ ко мнѣ и пьетъ*. Если есть кто-нибудь по говорящему: *возжада тебе душа моя* (Псал. lxi, 2),—пусть идетъ ко Мнѣ. Онъ увидѣлъ опять вселенную нагою,—нагою не по тѣлу, но обнаженною въ отношеніи добродѣтели,—увидѣлъ образъ, который создалъ, и пожалѣлъ созданное,—и даетъ въ одѣяніе нагимъ самого Себя, какъ уже и раньше мы сказали тогда: *елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. iii, 27). Земля была въ блужданіи, ища пути, и не находя,—всякая вѣдь душа ищетъ въ самой себѣ сѣмя богословія, и хотя имѣла, не знала, какъ найти сильно желаемое. Итакъ, когда заблудившіеся не находили пути,—Онъ говоритъ: *азъ есмь путь* (Іоан. xiv, 6). Но ты мертвъ? *Азъ есмь воскресеніе* (Іоан. xi, 25). Но ты, нуждаясь въ руководствѣ, немощенъ? Я жезлъ изъ корня Іессеева, укрѣпляющій немощныхъ, о которомъ пророкъ говорилъ: *жезлъ твой и палица твоя, та мя утѣшиста* (Псал. cxp, 4). Почему жезлъ, почему посохъ? Потому что ко всякому возрасту Онъ подходитъ: молодыхъ воспитываетъ, стариковъ поддерживаетъ. Но, Владыка, голодающаго меня Ты накормилъ, жаждущаго напоилъ, нагого одѣлъ, заблудившагося привелъ на путь, немощного поддержалъ на подобіе посоха,—достигши дороги, я нашелъ слѣды благочестія,—ищу, наконецъ, дверь истины,—кто укажетъ? *Азъ есмь дверь* (Іоан. x, 9), чрезъ Меня всякій входитъ къ Отцу. Почему чрезъ

Тебя? Потому что Я—открытыя врата спасенія, которыхъ ищетъ блаженный Давидъ, предположившій о многихъ, а нашедшій одни; прежде всего онъ говоритъ: *отверзите мнѣ врата правды: вошедъ* 534 *въ нѣ исповѣмся Господеву* (Псал. сѣхп, 19). Когда онъ получилъ просимое; и нашелъ чего не ожидалъ, не многія, но одни,—отозвавшись на собственный голосъ, говоритъ: *сія врата Господня, праведнии внидутъ въ нѣ* (ст. 20). Потомъ, войдя внутрь пророческимъ взоромъ и желаніемъ души, и будучи какъ бы среди царскихъ (вратъ), говоритъ: *исповѣмся тебѣ, яко услышалъ мя еси* (ст. 21). Скажи, пророкъ и богословъ, что нашедши достойное твоего ожиданія, ты исповѣдуешь и благодаришь Бога? Желавшіе войти въ царскій домъ ожидаютъ насытить свой взоръ наружнымъ видомъ: многимъ золотомъ, сверкающимъ мраморомъ, разнообразнымъ цвѣтомъ богатства, охранною стражею около царя, царскимъ трономъ, дарами царей,—каждый, ожидая это увидѣть, жаждетъ царскаго, и побуждается сильнымъ желаніемъ; а ты чего желаешь (изъ того), что нашелъ, войдя во внутрь вратъ? За что благодаришь? Что усмотрѣлъ великаго, что нашелъ достойнаго желанія? Объясни свое желаніе, чтобы іудейское безстыдство не клеветало болѣе на истину. Что ты нашелъ? О чемъ проповѣдуешь? Чему удивляешься? Христа, говоритъ, я нашелъ. Я увидѣлъ домоправленіе Христово, новую благодать, необычное благодѣяніе, славное страданіе, неизреченное тайноводство,—это вижу, этому удивляюсь, за это благодаря, говорю: *исповѣмся тебѣ, яко услышалъ мя еси, и былъ еси мнѣ во спасеніе*. Не скрываю благодѣянія, не храню спасенія, но благовѣствую о домоправленіи. Камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла (ст. 22). Видишь ли, какъ благодареніе раскрыло исторію (дѣла)? *Исповѣмся тебѣ, яко услышалъ мя еси, и былъ еси мнѣ во спасеніе. Камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла*. Видишь ли, какъ все ожиданіе пророковъ обращалось къ самому домоправленію, и желало Христа, презираемаго въ синагогѣ, а славимаго у язычниковъ. Итакъ,—чтобы намъ возвратиться къ главному предмету,—и ты, если будешь искать врата, найдешь Христа. И поистинѣ, говорится, (Онъ) дверь, по челоуѣколюбію (Своему). Но такъ какъ, во всякомъ случаѣ, вошедшему въ царскій (домъ) и храмъ Божій должно имѣть проводника къ (предмету) своего желанія,—потому что никто самъ по себѣ не осмѣливается предстать предъ жертвенникомъ безъ священнодѣйствующаго,—то, когдаходишь внутрь вратъ, находишь Его (Христа) священникомъ, приводящимъ тебя: *ты іерей во ѣжъ, по чину Мелхиседекову* (Псал. сѣх, 4). Но священнику нужна жертва, жертвенное животное, для умилостивленія Бога. Опять (этимъ) Онъ самъ дѣлается для

тебя: *се агнецъ Божій, возмѣя грѣхъ міра* (Іоан. 1, 29). Слышалъ ли ты, что все это изъ-за тебя? Послушай, что въ отношеніи Его. Ты не смотри на священническій чинъ, не смотри, что Онъ престоитъ, какъ священникъ, но гляди, что по Своему достоинству Онъ сидитъ съ Отцомъ. Да не будетъ ни одного врага истины, похищающаго одно, скрывающаго другое.

Знаю, что часто какой-либо еретическій врагъ истины настойчиво говоритъ: видишь ли, что невозможно подойти къ Отцу безъ Сына? Онъ, приводя спасаемыхъ къ Отцу, имѣетъ чинъ посредника и служителя. Такъ какъ онъ говоритъ, что новая муд- 535 рость обновляетъ истину, такъ какъ человѣческая природа не допускала, чтобы ей чрезъ самое себя подойти къ Богу, то Сынъ, приводя вселенную, дѣлается посредствующимъ между созданною и несозданною природою. О, неслыханное безуміе! О, неслыханное дѣло! Избытокъ благодати Отца въ опасности у еретиковъ, ослабляющихъ достоинство божественности. Но еретическое безуміе становится дерзкимъ, а сила Спасителя не ослабѣваетъ, слава не погашается, благодать не уничтожается. *Аще, говорить (апостоль), отвержемя, онъ вѣренъ пребываетъ: отрещися бо себе не можетъ* (2 Тим. II, 12, 13); Онъ сидитъ вѣстѣ (съ Отцомъ), по собственному достоинству, а стоитъ, какъ священникъ, по чловѣколюбію, приличествующему Ему.

3. И посмотри, братъ, на удивительное (дѣло). Такъ какъ нареченіе, что *никто придетъ ко Отцу, токмо мною* (Іоан. XIV, 6), они объясняютъ чиномъ служителя и видомъ служащаго, то необходимо продолжить противъ еретиковъ обличеніе въ нечестіи. Если приведеніе Сыномъ къ Отцу уничтожаетъ достоинство приводящаго, то когда увидишь Отца приводящимъ къ Сыну, ты распространишь и туда свое нечестіе. Итакъ, поступая нечестиво въ особенности противъ Сына, ты богохульствуешь противъ Отца. Чтобы, братіе, намъ словомъ благочестія и истины заградить уста злобѣ, и обнаружить благочестивое мнѣніе, — *живо бо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣе паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. IV, 12), — а называетъ обоюдоострымъ мечомъ потому, что Онъ пользуется двоякимъ словомъ, утверждающимъ и уничтожающимъ — уничтожающимъ враговъ, и утверждающимъ принадлежащихъ къ вѣрѣ, — слушай самого Господа, говорящаго: *никто можетъ прийти ко мнѣ, аще не Отецъ мой небесный прииметъ его* (Іоан. VI, 44). Необходимо, братіе, сказать противъ еретиковъ что слѣдуетъ, и удовлетворить сыновъ вѣры относительно этой мысли. Ради чего едиnorodное Слово Божіе раздѣлило это приведеніе, говоря то о приведеніи Имъ къ Отцу, то Отцомъ къ Нему? Свойственное божественной природѣ не сли-

вается, но слово истины ясно и опредѣленно, въ немъ нѣтъ ничего непрямого, ничего сбивчиваго: *все путіе Господни прямы* (Псал. ххiv, 10).

Ужели, братіе, то Отецъ принимаетъ приводимыхъ, имѣя царское предсѣданіе, то отдаетъ этотъ долгъ Сыну, предсѣдающему въ царскомъ видѣ, и приводитъ къ Сыну, предстоя въ чинѣ служителя? Да не будетъ! Относительно Бога—ни говорящему о сидѣніи нельзя помыслить что-нибудь человѣческое, ни услышавшему о стояніи нельзя опять мыслить что-нибудь примѣнительно къ намъ. Если услышишь о Богѣ, что Онъ стоитъ, думай о невосклоняемости и прямогѣ божественнаго существа; если опять прочтешь или услышишь, что Онъ сидитъ, понимай постоянство и непоколебимость блаженной природы. Самъ говоритъ о Себѣ, что Онъ стоитъ и сидитъ; Моисею говоритъ: *предстанеша мнѣ тамо* (Исх. ххiv, 2). И было мѣсто, идѣже стояше Богъ Израилевъ: *яко камене сапфира* (Исх. ххiv, 10). Тщательно вникни: Моисей говоритъ стоящему, и Богъ говоритъ: *предстанеша мнѣ*, будто стоя. Какъ мы понимаемъ Іеремію, говорящаго: *ты пребывай* ¹⁾ *во вѣкъ, и мы погибающіи во вѣкъ* (Вар. ш, 3)? Сидѣніе и стояніе—человѣческія слова, но мысли божественныя;

536 по непостоянной и двигающейся туда и сюда человѣческой жизни. о Богѣ говорится, что Онъ стоитъ, — и, по слабому и повсюду обращаемому нашему состоянію, о Немъ говорится, что Онъ сидитъ, въ смыслѣ непоколебимости, потому что сидящее непоколебимо. Избѣгай, что подсказывается этимъ выраженіемъ, и думай, что созерцается чрезъ вѣру. Итакъ, какъ приводитъ Сынъ къ Отцу? Какъ Отецъ къ Сыну? Не должно оставлять это слово безъ изслѣдованія. Отецъ приводитъ къ Сыну нѣкоторыхъ явившихъ и одобряемыхъ, опять Сынъ приводитъ къ Отцу нѣкоторыхъ явныхъ и одобряемыхъ. Не восхищай напередъ это изреченіе для злословія, но подожди конца, и обсуди сказываемое; не будь враждебнымъ судьей, но благосклоннымъ пособникомъ. Въ Израилѣ знали о Богѣ и Отцѣ, но не знали о Сынѣ; между язычниками не знали и объ Отцѣ и о Сынѣ: язычники были рабами многобожнаго заблужденія. Итакъ, гдѣ знаютъ объ Отцѣ, а не знаютъ о Сынѣ,—вѣстникомъ незнаемаго Сына дѣлается Отецъ. Повторю слово, чтобы установить мысль. Гдѣ знаютъ объ Отцѣ, и о Сынѣ сомнѣваются, вѣстникомъ незнаемаго дѣлается знаемый; гдѣ не знаютъ Отца, Сынъ дѣлается вѣстникомъ незнаемаго. Потому, чтобы тебѣ имѣть точное изслѣдованіе сказаннаго, представляю тебѣ ручательствомъ Евангеліе. Спаситель говоритъ объ язычни-

¹⁾ Славянскій текстъ не выдерживаетъ точно смыслъ *καὶ ἡμεῖς*—*сидящій*, что нужно для дальнѣйшаго.

кахъ: *явити имя твоє міру* (Іоан. хvп, 6); точнѣе, Я открылъ Твое имя незнающему міру. Какое имя Онъ открылъ? Что Онъ Богъ. Но это знаніе предупредило имя: и заблуждающіеся говорятъ о Богѣ, и стоящіе въ сторонѣ отъ благочестія не отказываются отъ этого названія; итакъ, какое имя Онъ сдѣлалъ извѣстнымъ? Что Онъ называется Отцомъ: *явихъ имя твоє міру*. Видишь ли, что гдѣ не знаютъ объ Отцѣ, Сынъ дѣлается вѣстникомъ, проясняя истину евангельскою проповѣдью; а гдѣ думали, что Отца знаютъ, а Сына не знаютъ,—Онъ самъ дѣлается вѣстникомъ незнаемаго. А для выясненія этой истины на дѣлѣ—вотъ примѣръ. Павелъ зналъ Бога, не зналъ Сына; зналъ Бога, а не зналъ, что Богъ есть Отецъ Христа, и, борясь за законъ, былъ ревнителемъ благочестія; Богъ смотрѣлъ на его ревность, исполненную невѣдѣнія, но полную желанія—и что дѣлаетъ? Незнающему дѣлаетъ извѣстнымъ незнаемаго. Кто объясняетъ намъ это? Онъ самъ, нѣкогда незнавшій и послѣ узнавшій, самъ нѣкогда преслѣдовавшій и послѣ благоувѣствовавшій. Что онъ говоритъ? И я былъ ревнитель отеческаго закона, *по премногу гонихъ церковь Божию. Егда же благоволи Богъ избравый мя отъ чрева матери моея, и призавый благодатію своею явити Сына своего во мнѣ* (Гал. i, 14, 13, 15, 16) и прочее. Это свидѣтельство есть указаніе на искомое, а не мысленное созерцаніе. Опять, Спаситель спрашиваетъ апостоловъ: *кого мя глаголютъ человецы быти, Сына человеческого* (Мѣ. хvi, 13)? Спрашиваетъ, не чтобы узнать, но чтобы утвердить истину, устранивъ предположеніе. *Кого мя глаголютъ человецы?* Апостолы прежде всего докладываютъ о предположеніяхъ толпы: *и ни, говорятъ они, Илию: друзи же Іеремію, или единого отъ пророковъ* (ст. 14). Итакъ, что Спаситель? Онъ не даетъ никакого отвѣта на ложныя мнѣнія, считая ложныя предположенія недостойными отвѣта. *Вы же кого мя глаголете быти* (ст. 15)? У Меня забота не о заблудившейся толпѣ, но о васъ, проповѣдникахъ. Такъ какъ вы имѣете распространять свѣтъ истины, нести во всю поднебесную проповѣдь благочестія, такъ какъ въ васъ колеблется относящееся къ человѣку, въ васъ подвержено опасности принадлежащее истинѣ, и такъ какъ ваше знаніе есть общее благодѣяніе для людей, а ваше незнаніе общій вредъ для вселенной—то *вы кого мя глаголете?* Тогда Петръ въ отвѣтъ сказалъ: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (ст. 16). Это—опредѣленіе вѣры, это—слово истины, это—исповѣданіе правой вѣры. Но такъ какъ возможно было и этотъ голосъ приравнять въ умѣ къ остальнымъ,—Онъ не удостоилъ тѣхъ (остальныхъ) отвѣта, а надъ этимъ провозноситъ Свое рѣшеніе,—и что говорить? Чтобы и это изреченіе не считалось принадлежащимъ къ человѣческому предположенію,

Онъ, запечатлѣвъ, положивъ на него печать истины, говорить: *блаженъ еси Симоне варъ Іона* (ст. 17). Здѣсь вспомни, что также Отецъ открываетъ знающему Его (Отца) незнаемаго (Сына). *Блаженъ еси Симоне варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой иже на небесѣхъ*. Видишь ли, что для всего міра, незнающаго Отца, Сынъ дѣлается вѣстникомъ незнаемаго; а для синагоги и іудеевъ, предполагающихъ, что они знаютъ Бога, но непризнающихъ Богомъ Слово Божіе, самъ Отецъ дѣлается вѣстникомъ подвергающагося сомнѣнію.

4. Итакъ, не ставъ средствомъ нечестія высочайшее человѣколюбіе, не уменьшая достоинство изъ-за домоправленія, не будь слишкомъ любопытенъ относительно неизмѣримой природы, не изслѣдывай необъятное существо. Пусть убѣдитъ тебя Исаія, что такого нельзя разслѣдывать, ни описывать такого предмета: *родъ его кто истовѣсть* (Иса. лш, 8)? Но, о, безстыдная дерзость осмѣливающихся думать и говорить обо всемъ поверхностно! И не боится Аномій разслѣдывать природу Бога, дерзаетъ говорить о неизреченномъ и объявлять для всѣхъ о святомъ. Впрочемъ естественно: онъ не знаетъ истины, возвѣщаетъ незнаемое, чтобы скрыть проповѣдуемое. Онъ не слышалъ святаго Писанія, увѣщающаго: *яже ти повелѣнна, сія разумвай* (Сир. цѣ, 22), потому что тебѣ ненужно сокровенное. Блаженный Богъ и единственный властитель чудеснаго, нѣкогда пожелавъ изумить исторією творенія Іова, блиставшаго терпѣніемъ, говорить ему: *гдѣ былъ еси, егда основашъ землю* (Іов. xxxviii, 4)? Когда дѣлалось море? Когда—чтобы кратко сказать—образовывались горы? *Усмотришь ли еси болѣзнь при рожденіи сленей* (Іов. xxxix, 1)? Расскажи мнѣ, говорить, объ образованіи міра, о родильныхъ мукахъ звѣрей, о пищѣ домашняго скота, о состояніи и разнообразіи всего, что въ мірѣ. А Онъ говорилъ ему объ этомъ, наставляя его, что даже видимое въ самой твари непостижимо для людей. Потомъ, блаженный, изумившись, говорить: *Господи, единою глаголахъ, вторицею же не приложу* (Іов. xxxix, 35). Такъ изслѣдованіе видимаго побѣдило Іова,—а твою дерзость не побѣдило даже неизреченное рожденіе Единороднаго? Но такъ какъ ты распространяешь, чего не знаешь, — я требую основанія въ томъ, что мы всѣ знаемъ: скажи мнѣ, какъ земля была утверждена на водахъ,—скажи, какъ Адамъ былъ созданъ изъ земли,—скажи, какъ манна была доставлена въ пропитаніе, какъ море было раздѣлено, и—чтобы мнѣ не удлинять рѣчь остальными чудесами—скажи мнѣ, какъ ангелы вкусили тельца, предложеннаго имъ Авраамомъ? Вѣдь чрева не было, вмѣстителища для пищи не было

539 въ природѣ ангеловъ: *творяй ангелы своя души, и слуги своя пла-*

днѣ огненный (Псал. сш, 4). Какъ (пища) была истреблена? Еретикъ тотчасъ говоритъ: зачѣмъ же ищешь невозможнаго? Она исчезла по силѣ ангеловъ. Вотъ ты вѣришь силѣ ангеловъ, и не разсѣдываешь,—а о рожденіи Бога любопытствуешь? Какъ сотворить Богъ небо и землю? Отвѣчаешь: какъ зналъ, какъ пожелать. Такъ сила Божія не подвергается умозаключеніямъ, но отдается вѣрѣ,—а рожденіе божественное окружено (у тебя) необходимостію заключеній? Не слышатъ ли ты Давида, говорящаго: *вся елика восхотѣ Господь, сотвори* (Псал. сxxxiv, 6)? О хотѣніи не любопытствуешь,—а о природѣ суетишься? И зачѣмъ, братіе? Что сотворилъ Богъ по желанію, видимо и образомъ Бога невидимаго служатъ видимыя творенія,—а Тотъ, Котораго невидимо родилъ изъ собственнаго существа, самое это невидимое рожденіе подвергнуто сужденію, отданы въ рабство умозаключеніямъ? Что, пожелавъ, Онъ сотворилъ, не разбирается,—а что Онъ перенесъ по божественной и непорочной природѣ, о томъ любопытствуешь? О, цеслыханная дерзость! О, странное предпріятіе! О, чествованіе волн, и оскорбленіе природы! Хорошо блаженный Давидъ говорилъ: *сынове чловѣчестіи, докажи тяжкосердию? вскую любите суету, и ищите лжи* (Псал. iv, 3)? Все чуждое ученію Христову—ложь и суета. Если Онъ истинно говоритъ: *азъ есмь истина* (Іоан. xiv, 6), то все, лежащее внѣ Христова ученія, ведетъ къ лжи. Подними душу твою отъ низменныхъ вопросовъ и суетныхъ заключеній на высоту богословія, и оставь пустое изслѣдованіе чрезъ заключенія; возьми сокровище истины: *подобно есть царствіе небесное сокровищу сокровену* (Мѣ. xш, 44). Почему Спаситель называется сокровищемъ? Здѣсь тщательно вникни. Какъ сокровище не тогда составляется, когда обрѣтается, но оно древне по своему положенію, а ново по своему обрѣтенію,—такъ и спасительное Слово древне по достоинству, оно начало всего, такъ какъ *въ началѣ бы Слово* (Іоан. i, 1), а нова проповѣдь чрезъ домоправленіе по плоти. Не будь безпеченъ, братъ, и знай, что Онъ сіяетъ для желающихъ (Его) на подобіе сокровища, и обрѣтающіе устремляются (къ Нему), будто къ найденному сокровищу; Андрей, возвѣщая обрѣтеніе Петру, говоритъ: *еже писа Моисей въ законѣ, и пророцы, обрѣтохомъ* Христа (Іоан. i, 45). Моисей и пророки положили проповѣдь въ святыхъ книгахъ, какъ бы въ сокровищницѣ. Но какъ полагающіе скрытое сокровище сами видятъ, что они кладутъ внизъ, а для глазъ закрываютъ, чтобы оно не сдѣлалось легко восхищаемымъ чужими,—такъ и проповѣдавшіе о Христѣ пророки скрыли сокровище неясностію своихъ выраженій. Зачѣмъ? Если бы они сказали ясно, это было бы не пророчествомъ, но проповѣдью, и

преждевременность высказаннаго предупредила бы благовременность проповѣди. Итакъ, что они дѣлають? И объясняютъ, и скрываютъ. Кто объ этомъ говорить? Исаія: и будетъ эта книга, какъ книга запечатлѣнная: *уже еще дадутъ человеку вѣдущему писанія, речеть: не могу прочести, запечатлѣнна бо. И если дастся невѣдущему писанія, речеть: не могу прочитать: не вѣмъ бо писанія* (Иса. ххix, 11, 12). Итакъ, что значить эта загадка? Пророчество о Христѣ, говорить, было неизвѣстно и іудеямъ, и эллинамъ. (Неизвѣстно было) іудеямъ, знающимъ Писаніе, законъ и 339 пророковъ, потому что оно было запечатлѣно. Іудеи знали Писаніе, и были наставлены,—почему Богъ и говорить имъ: *носи ми отъ чрева, и наказуемъи до старости* (Иса. хлvi, 3),—они были наставляемы, но не знали, такъ какъ (пророчество) покрывалось неясностію. А для эллиновъ Писаніе было неизвѣстно, не вслѣдствіе неясности, но вслѣдствіе полнаго незнанія Писанія. Потому Павелъ говорить Тимоѳею, воспитанному закономъ: *изъ млада священная писанія умъеши, могущая тя умудрити во спасеніе* (2 Тим. iii, 15). Итакъ, пророчество хранилось какъ сокровище, и скрыто было въ святыхъ книгахъ; не должно отступать отъ сокрытаго. Не только Исаія показываетъ запечатлѣнныя пророчества, но и Даніиль,—потому что ангель говоритъ ему, по объявленіи ему откровенія о будущемъ: и ты, Даніиль, запечатлѣй эту книгу видѣнія, такъ какъ раскрытіе ея надолго (Дан. xii, 9). Потому блаженный Давидъ, читая отъ лица народа законъ, и читая пророковъ,—потому что самъ онъ не незналъ, будучи пророкомъ,—желая показать, что онъ принимаетъ нѣкоторое поясненіе домоправленія Христова, а не можетъ понять по неясности выраженій, испытать нѣчто подобное видящимъ запечатанный кошелекъ. Итакъ, что онъ дѣлаеть, глядя на Писаніе, и не понимая его мыслей? Онъ говорить: *открый очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона твоего* (Псал. cxviii, 18); и опять: *благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ* (ст. 12). Развѣ не прочиталъ ты въ законѣ? Развѣ не наставилъ тебя Моисей въ десятословіи? Но я желаю знать Твое, и отъ Тебя-Законодателя, отъ источника закона желаю знать истину закона. Но онъ стремился узнать, а благодать берегла это благодѣяніе для имѣющихъ (въ будущемъ) получать. Потому Спаситель говорилъ ученикамъ: *мнози царіе и праведные восхотѣша видѣти, яже видите, и не видѣша, и слышати, яже слышите, и не слышаша*: ваши же очи блаженны, что вы видите (Ев. x, 23, 23).

5. Но мы спрашиваемъ, когда печать была совершенно распечатана, когда узы невѣдѣнія были разрѣшены, когда заключенное стало открытымъ. Отъ насъ слушатель требуетъ этого, и

говорить: въ продолженіе слова, ты объяснилъ мнѣ образъ запечатанія, а не говоришь мнѣ о времени разрѣшенія запечатаннаго; ты показаль заключенныя врата, не укажешь ли открытыя? Что же? Представлю искомое, извлеки многое изъ одного изреченія. Что же? По воскресеніи Спасителя, когда божественная благодать была незнаема для многихъ, двое какихъ-то учениковъ—говорится—пошли въ селеніе, и разговаривали въ пути о домоправленіи другъ съ другомъ, какъ друзья. Спаситель, перемѣнивъ внѣшній видъ и произношеніе,—такъ какъ что для видящихъ лицо, то голосъ для невидящихъ лица,—скрываетъ голосъ и образъ и говоритъ имъ знающій все: *что словеса сія, о нынѣ стязается другъ съ другомъ* (Лук. xxiv, 17)? Ему, все знающему, говоритъ учащійся отъ Него всему: *ты ли единъ пришелъ еси во Иерусалимъ, и не уподѣль еси бывшихъ въ немъ*? Онъ говоритъ: *киихъ* (ст. 18, 19)? Это—знающій все и спрашивающій! Богъ есть Сынъ Того, Который говорилъ Каину: *иди Авель, братъ твой* (Быт. iv, 9)? Они говорятъ: *яже о Иисусъ Назарянинъ, иже бысть мужъ силенъ дѣломъ и словомъ* (ст. 19). Только ли мужъ? Послѣ столькихъ чудесъ мужъ? Послѣ столькихъ дѣйствій? Послѣ столькихъ доказательствъ божественной силы? *Мы же, говорить,—чтобы не удлиннять слова, изслѣдуя все,—мы же надѣяхомся, яко Онъ есть хотя избавити Израиля* (ст. 21). Смотри, какъ у нихъ почти погасла вѣра, и прекратилась наконецъ надежда на домоправленіе. *Мы надѣяхомся*. Не говоритъ: надѣмся, но *надѣяхомся*. Итакъ, Онъ зналъ, наконецъ, немощную ихъ вѣру и восклонившуюся ихъ мысль; и предсталъ утверждающій упавшихъ, и поднимающій всѣхъ поверженныхъ. И что (говоритъ) имъ Благодѣтель? *О несмысленная и косная сердцець, не разумѣте Писанія? Не сія ли подобаше пострадати Христу, и внити въ славу свою? И наченъ отъ закона и пророкъ, раскрылъ имъ Писаніе* (ст. 25—27). Видишь ли, что пока Христосъ стоялъ въ сторонѣ, не были открыты врата истины, ни разрѣшены узы невѣдѣнія? Онъ раскрывалъ Писаніе какъ бы нѣкоторыя заключенныя двери. Какія двери? О которыхъ Павелъ говоритъ: *да Богъ отверзетъ дверь язычникамъ* (Кол. iv, 3); и опять относительно Корнилія: *ужели и языкомъ Богъ открылъ дверь покаянія* (Дѣян. xi, 18)? И смотри, что устраиваетъ Источникъ благъ: когда Онъ остановился близъ селенія Эммауса, куда стремились также путники, явился сомнѣвавшемуся, еще незнаемый ими. Когда Онъ возлегъ съ ними, удостоиваемый радушнаго пріема, прежде всего, какъ странникъ,—потому что они говорили: *обязи съ нами, яко приклонился есть день* (ст. 29),—тогда, чтобы невѣдѣніе не скрывало совершенно достоинство, *примъ хлѣбъ благослови, и прело-*

мнѣ даяше, и онѣма отверзосться очи, и познаста его (ст. 30, 31). Почему прежде Онъ далъ хлѣба, а потомъ открылись ихъ глаза? Такъ какъ пища открыла глаза Адаму на худое, теперь вмѣсто нея была предложена пища, производящая новое прозрѣніе. Прозрѣть также еретики, и увидятъ свѣтъ истины, увидятъ Бога существующимъ въ началѣ, Бога существующимъ и Слово Божіе лично пребывающимъ; часто будутъ слышать—*бѣ*, и перестанутъ говорить: не былъ. *Въ началѣ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1). Не тотчасъ это было проповѣдано, потому что не позволялъ міръ. Есть четыре евангелиста: Матѣей, Маркъ, Лука и Іоаннъ; когда они начали проповѣдь, не тотчасъ стали говорить приличное достоинству, но подходящее къ слушающимъ. Матѣей, положившій начало Евангеліямъ, говоритъ: *книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля* (Мѣ. 1, 1). Почему не Сына Божія? Почему скрываешь достоинство скуднымъ выраженіемъ? Почему закрываешь отъ людей божественное? У іудеевъ, отвѣчаешь, проповѣдую, у невѣрующихъ даже, что Христосъ—праведный человѣкъ. Они еще не усвоили сына Авраамова, и потерпятъ ли возвѣщаемаго Сына Божія? И почему такъ? Потому что они не признавали даже, что Онъ рода Авраамова. Не слышалъ ли, какъ они говорили, часто богохульствуя противъ Него: *самарянинъ еси ты, и бѣса имаша* (Іоан. 7, 48)? Они, извергая Его изъ рода святыхъ, принимали ли Его божественное достоинство? Итакъ, что онъ говоритъ? *Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля*. Онъ прежде всего привлекаетъ ихъ дорогими именами, объединенными въ отношеніи родства.

111 чтобы, будучи уловлены этимъ, обрѣли понемногу истину—безстрастное рожденіе, непорочное, проповѣдуемое богоприличнымъ словомъ и всякому передаваемое. Опять, блаженный Маркъ, приступивъ къ Евангелію и положившись на свой прежній опытъ, говоритъ о Сынѣ Божіемъ, но тотчасъ ограничиваетъ слово и сокращаетъ мысль, чтобы успокоить слушателя. Онъ тотчасъ приводитъ относящееся къ Крестителю, говоря: *зачало евангелія Іисуса Христа: яко есть писано у Исаи пророка: се посылаю ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ тобою* (Марк. 1, 1, 2). Онъ показалъ свѣтильникъ истины, и тотчасъ скрылъ. Сначала онъ выдвигаетъ служителя, чтобы его рѣчью былъ оглашенъ слушатель, чтобы онъ, наконецъ, здраво принялъ совершенное слово богознанія. Лука слѣдуетъ третьимъ, занимаетъ среднее между ними мѣсто и касается божественнаго Слова, не объясняетъ и не раскрываетъ Его достоинство, но говоритъ: *понеже мнози нашаа чинити повѣсть о извѣствованныхъ съ насъ вещехъ, изволися и мнѣ послѣдовавшу всему отъ начала*

писати, яко *предаша намъ*, иже исперва самовидцы и слуги бывшии словесе (Лук. 1, 1, 3, 2). Онъ сказалъ о Словѣ, но не сказалъ, что Слово было также Богомъ. Итакъ, что также онъ дѣлаетъ? Коснувшись Его бытія, и подумавъ, что онъ оглашаетъ мертвенный слухъ, скрываетъ достоинство и предлагаетъ домоправленіе: *бысть іерей Захарія* (Лук. 1, 5), и слѣдующее по Евангелію. Такимъ образомъ, всѣ отступили къ домоправленію по плоти, и обозначили достоинство чрезъ чудеса, какъ бы слегка. Но достоинство въ Богѣ Словѣ проповѣдывалось, а скрывались стрѣлы противъ еретиковъ, и оплотъ праваго мнѣнія не былъ еще воздвигнутъ проповѣдью благочестія.

Итакъ, послѣ тѣхъ трехъ проповѣдниковъ, Іоаннъ, сынъ грома, приступилъ послѣднимъ къ богословію, и, конечно, онъ послѣдовалъ, а они предупредили, сверкая пока понемногу, какъ молнія. Какъ молнія предшествуетъ грому, чтобы онъ, сразу прорвавшись изъ облаковъ, не поразилъ слуха, такъ три евангелиста—точно молніи, когда намѣренъ былъ гремѣть Іоаннъ: они сверкнули домоправленіемъ, а онъ гремитъ богословіемъ. Громъ, братіе, съ проливнымъ дождемъ, громъ—страшилище для лукавыхъ; и небо, пользуясь громомъ, какъ бы нѣкоторой трубой, вызываетъ проливной дождь, но прежде всего молніями призываетъ мелкій дождь: *молніи Богъ въ дождь сотвори* (Псал. cxxxiv, 7); потомъ оно (небо) громомъ двигаетъ облака. Итакъ, что же? Когда предшествовало столько молній Слова, слѣдуетъ, наконецъ, какъ я сказалъ раньше, громъ богословія, поражая многихъ преимуществомъ богословія, но принося проливной дождь благословенія; и для насъ онъ дѣлается громомъ богословія, а для еретиковъ громомъ, посредствомъ изобильнаго громогласія, прогоняющимъ алыхъ звѣрей. *Отъ запрещенія твоего побѣгнутъ, отъ гласа грома твоего убоятся* (Псал. ciii, 7).

6. Итакъ, прибѣгнемъ къ изначальному Богу, прибѣгнемъ къ вѣчному свѣту, прибѣгнемъ къ Слову, изъ-за тебя сдѣлавшемуся человекомъ; когда говорю: сдѣлавшемуся,—разумѣю не измѣнившуюся природу, но божественное достоинство, принявшее то, что принадлежитъ намъ. *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14) обозначаетъ не перемѣну природы, но принятіе нашей немощи. Если же *бысть* ты считаешь перемѣною, то, когда слышишь Павла, говорящаго: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. iii, 13), долженъ понимать это выраженіе, какъ проклятіе на природу и какъ перемѣну проклятія. Какъ „сдѣлавшійся проклятіемъ“ обозначаетъ не что другое, какъ то, что Онъ принялъ на Себя проклятіе съ насъ, такъ и *Слово плоть бысть, и оселися въ ны* представляетъ не что иное,

какъ принятіе плоти. У тебя самого есть образъ, тебя наста-
вляеть относительно Бога Слова твое слово, хотя неимѣющее со-
вершеннаго сходства, но носящее слѣдъ и отображеніе божествен-
наго достоинства. Здѣсь тщательно вникай своимъ умомъ, чтобы
не попусту говорились слова, и не исчезало пониманіе о божес-
ственномъ. Человѣческое слово,—слабъ правда этотъ образъ, не
вполнѣ представляетъ достоинство, но все же посредствомъ того,
что отъ насъ, учить тому, что выше насъ, — наше слово безтѣ-
лесно, невидимо, имъ нельзя овладѣть, передается только слуху.
Никто не знаетъ слова по виду, никто не держалъ рукою, но оно
невидимо, имъ нельзя овладѣть, овладѣвается однимъ чувствомъ
слуха, и то невидимо. Слухъ удерживаетъ, не протянувъ руки,
но само слово, вошедши, отдаетъ себя во власть. Само слово
есть плодъ ума, рождается не по страсти, не по виду, не раздѣ-
леніемъ, не отдѣляется какъ часть отъ родившаго ума, не раз-
лучается, не отсѣкается. Здѣсь, еретикъ, воспользуйся слухомъ,
подумай прежде всего о своемъ, и тогда соображай на счетъ
того, что выше тебя; умъ рождаетъ, слово исходитъ, исходитъ
изъ родившаго и наполняетъ всѣхъ слушающихъ, и не отсту-
паетъ отъ родившаго его; слово исходитъ, раздѣляясь между
всѣми и не разсѣкаясь нигдѣ. Каждый принимаетъ цѣльное
слово, и оно есть у каждаго; и раздѣляясь между столькими,
входитъ цѣльнымъ. Итакъ, наше слово показываетъ въ себѣ са-
момъ родившій его умъ: чрезъ слово воспринимается мысль. Раз-
смотри и слѣдующее: предъизображая этимъ нашимъ словомъ
домоправленіе Бога Слова, (Богъ) предпосылаетъ нѣкоторый уди-
вительный образъ, украшаемый земными цвѣтами, приличный
предварительному разсмотрѣнію слова. Итакъ, что же? Богъ, пе-
рестроивъ другою нѣкоторою мудростію наше слово невидимое,
неимѣющее тѣла и неовладѣваемое, сдѣлалъ его и видимымъ и
овладѣваемымъ. Что именно Онъ дѣлаетъ? Такъ какъ оно не было
видимо зрѣніемъ,—Онъ облекаетъ его въ тѣло, въ букву, и одѣ-
ваетъ его наружностью письменъ какъ бы нѣкоторою плотью:
чего слушая ты не видѣлъ, видишь читая; чего не могъ взять,
носишь въ книгѣ. Но слово принимаетъ тѣлесность чрезъ букву,
а не заключается буквою, оно есть у говорящаго и слушающаго;
если кто-нибудь, братіе, возьметъ и разсѣчетъ книгу,—онъ раз-
сѣчетъ тѣло слова, а не самое слово разрѣжетъ. А чтобы ты
зналъ, что слово не исчерпывается буквою, Богъ говоритъ Іере-
мій: сѣвъ, *спиши въ книгу вся словеса* и отдай Іоакиму царю
(Перем. xxxvi, 28),—слово же было полно обличенія. Такъ какъ
543 властители не переносятъ обличеній,—вѣдь достоинство нелегко
подчиняется правдѣ, затемняетъ истину,—то, пораженный обли-

ченіями, онъ разрываетъ книгу и, разрѣзавъ ножомъ писца, бросить—сказано—въ огонь жаровни. Что Богъ (говорить) Іеремій? Сѣвъ, *спиши тѣ же самыя словеса*, и отдай царю, чтобы онъ зналъ, что онъ разсѣкъ писмена, а не разрѣзалъ слово. Видишь ли образъ? Возведи, наконецъ, мысль свою на высоту. Самъ Богъ, единокровное Слово Божіе, облекается въ тѣло, чтобы Онъ, невидимый, былъ видимъ; облекается въ плоть, чтобы Онъ, необлаемый, былъ облачаемъ. Потому Іоаннъ, пайдя то возжелѣнное, нѣкогда слухомъ владѣемое, а постѣ видомъ удерживаемое, говорить: *еже бы исперва, еже видѣхомъ и слышахомъ, и руки наша осязаша* (1 Іоан. 1, 1). Итакъ, Онъ носилъ плоть, какъ одежду достоинства, одежду благопристойную: *Господь воцарися, въ тѣлоту облечеша* (Псал. хсп, 1). Іудеи борются противъ видимаго, не зная невидимаго, и распинаютъ на крестѣ плоть, но не уничтожаютъ божества. Если мое слово не уничтожается буквою, которая есть одѣяніе слова, то умерло ли вмѣстѣ съ Своею плотію Слово Божіе, источникъ жизни? Страданіе по тѣлу, но безстрастіе по достоинству. Почему Павелъ говорить: *аще бы быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. п, 8)? Потому что одѣвшийся во плоть усволяетъ Себѣ страданіе плоти. Если оскорбишь царское одѣяніе, не оскорбишь ли одѣвающегося? Развѣ не знаешь, что если кто будетъ оскорблять образъ царя, нанесетъ оскорбленіе первообразу достоинства? Развѣ не знаешь, что если кто повергнетъ деревянное изображеніе или мѣдную статую, то судится не какъ дерзнувшій противъ бездушнаго вещества, но умерщвляется, какъ простершій руку противъ царя? Бездушное вещество, съ изображеніемъ царя, возводитъ нанесенное ему оскорбленіе къ царю,—а живой образъ, въ который облекся Богъ Слово, не возвелъ ли, будучи оскорбляемъ, Свое оскорбленіе къ облекшемуся? Итакъ, подумай о достоинствѣ, и не оскорбляй домоуправленія. Но этого достаточно; а остающееся сбереги для созерцанія Бога Слова въ другомъ словѣ, почтимъ самое это сопоставленіе, и воспошлемъ славу Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова: въ началѣ бѣ Слово (Іоан. 1, 1) и прочее; и что Духъ испытуетъ глубины Божія (1 Кор. п, 10); и о новопросвѣщенныхъ, и противъ еретиковъ ¹⁾.

- 543 1. Вчера наше слово прекратилось на созерцаніи великаго орла, орла поистинѣ великаго, превзошедшаго духомъ небо и премірныя силы и начавшаго (проповѣдь) отъ самой вершины всего. Іоаннъ проповѣдалъ намъ прежде (другихъ): *въ началѣ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1), и любомудрствовалъ о несотворенной природѣ; онъ превзошелъ всякое твореніе больше всякаго орла, превзошелъ также голосъ всякаго грома, одинъ онъ проповѣдуя вѣчное и премірное любомудріе. Громъ, возлюбленные, и устрашаетъ и орошаетъ; орошаетъ чрезъ облака, устрашаетъ и поражаетъ чрезъ звукъ. И голосъ Іоанна имѣетъ эти стороны: орошаетъ Церковь, а поражаетъ скопище еретиковъ. Когда они говорятъ пустое, — когда, узнавъ о Сущемъ, осмѣливаются назвать (Его) какъ не-сущее, — когда враждебно выдвигаютъ человѣческое разсужденіе противъ божественнаго Писанія, — тогда Іоаннъ восклицаетъ сначала: *бѣ*, потомъ: *не бѣ* ²⁾. *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (говорить), поражая этимъ голосомъ враговъ,
- 544 какъ и Давидъ свидѣтельствуетъ и говоритъ: *отъ запрещенія твоего побѣгнутъ, отъ гласа грома твоего убоятся* (Псал. сш, 7). *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*. Такъ какъ рожденіе слова безстрастно, то онъ называетъ (Его) Словомъ, чтобы посредствомъ принадлежащаго тебѣ научить тебя тому, что выше тебя, а именно — что какъ умъ, рождая слово, рождаетъ не по страсти, не разсѣкается, не расплывается и ничего другого тѣлеснаго не терпитъ, такъ и божественное и безстрастное рожденіе неизреченно и необъятно, не разсѣкается, не раздѣляется, только у нечестивыхъ и невѣрующихъ еретиковъ худо разсѣкается, а у благочестивыхъ прекрасно соединяется. Почему евангелистъ устранилъ это, и не сказалъ: въ началѣ былъ Сынъ? Чтобы названіе Сына не ввело рожденія по страсти; но онъ на-

¹⁾ У Миня эта бесѣда относится къ разряду *dybia* (сомнительныхъ), такъ что съ рѣшительностію не усвоится даже еп. Северіану. Предполагается, что неизвѣстный ораторъ говорилъ въ Константинополѣ, скоро по изгнаніи оттуда имп. Феодосіемъ Великимъ *аномеевъ* (еретиковъ, учившихъ о неподобосущіи Сына Отцу). Изгнаніе было въ 380 году; ораторъ могъ говорить въ 381 году. Въ концѣ ораторъ намекаетъ на нѣкоего *отца*, повидимому, епископа. Думаютъ, что здѣсь разумѣется св. Григорій Назіанзенъ (Вогословъ), отказавшійся тогда отъ столичной катедры ради церковнаго мира. Онъ умеръ въ 390 году.

²⁾ *бѣ* относится къ слову Божію, а *не бѣ* — къ І. Крестителю.

зываетъ Его Словомъ, чтобы представить безстрастіе рожденія. А чтобы ты не подумалъ о произносимомъ словѣ, онъ прибавилъ: *и Богъ бѣ Слово*,—чтобы по слову ты мыслилъ о безстрастіи, по Богу—о достоинствѣ. Потомъ, рассказавъ сначала о Его рожденіи, также прибавляетъ могущественное достоинство Его міротворенія: *вся тѣмъ быша* (ст. 3), все происшедшее, а не какъ еретики осмѣливаются понимать въ этомъ выраженіи и поклоняемаго Духа, говоря: *вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть* въ Немъ. Значить, если что было въ Немъ, то не не- 545 сотворенная природа Духа. Но сказано: *вся*, говорить (еретикъ). Однако выраженіе: *вся* не обнимаетъ несотворенную природу съ сотворенной. Если, слѣдуя этому выраженію: *вся*, ты посягнулъ на святую природу, то, когда услышишь Господа, говорящаго: *еси, елико прииде прежде мене, татіе были и разбойницы* (Іоан. х, 8),—что ты сможешь сказать? Ужели назовешь Моисея разбойникомъ, и пророковъ назовешь ворами потому, что (Господь) говорить: *еси, елико прииде прежде мене, татіе были и разбойницы*? Смысль устанавливаетъ различіе—и о комъ слово, и къ кому. И теперь слово о міротвореніи,—говорится, что чрезъ Него произошло міротвореніе, а не сущность Духа, знающая Божіе такъ, какъ духъ человѣка то, что въ немъ, согласно словамъ Павла: никто не знаетъ, *яже въ человѣцѣ, точію духъ человека живущій въ немъ* (1 Кор. п, 11). Итакъ, если духъ мой чуждъ моей природы, то и Духъ Божій чуждъ божественной природы, потому что говорить (апостолъ): *Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія* (ст. 10). Но еретикъ слышитъ: *испытуетъ*, а смыслъ худо понимаетъ. Если бы, говорить онъ, Духъ зналъ что въ Богѣ,—Онъ не испытывалъ бы; это испытаніе свидѣтельствуетъ объ Его незнаніи. Итакъ, если испытываніе Духомъ святымъ глубинъ Божіихъ ведетъ къ обвиненію Его въ незнаніи, то, когда увидишь, что Богъ испытываетъ сердца людей,—обвинишь ли Его въ незнаніи? Послушай, что говорить Павелъ: какъ о Духѣ онъ сказалъ: *Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія*, такъ и о Богѣ любомудрствуя, говорить: *испытая же сердца, вѣсть, что мудрованіе Духа* (Рим. viii, 27). Слѣдовательно, если Богъ испытываетъ, не зная, то и Духъ, не зная, испытываетъ. Но, чтобы тебѣ извѣстно было, что испытываніе принадлежитъ не незнающему, но знающему, онъ прибавилъ: *также и Божія никто вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. п, 11),—и Духу приписываетъ знаніе, именно не воспріятіе изъ природы, но познаніе изъ природы.

2. Итакъ, не раздѣляя нераздѣльной природы, не разсѣкай недѣлимой сущности; лучше тщательно познавай могущество. Единъ есть называемый и Отцомъ, и Сыномъ, и Святымъ Духомъ. Сынъ

говорить о Своемъ Отцѣ: *когда узрите Сына человѣческаго сѣдѣща одесную силы* (Мѣ. ххvi, 64),—и, назвавъ силою, Онъ поставилъ (этимъ) славу Его, чтобы ты дивился этой мысли. Поэтому, называя Бога Отца силою, Онъ сказалъ, говоря къ Каіафѣ: *когда узрите Сына человѣческаго сѣдѣща одесную силы*. Итакъ, Отецъ—сила; также Сынъ—сила, какъ говоритъ Павелъ: *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. i, 24); также Духъ Святой—сила, почему Спаситель говоритъ ученикамъ: *оставайтесь въ Іерусалимѣ, дождеже облечетесь силою свыше* (Лук. ххiv, 49). Итакъ, зная, возлюбленный, что эта сила одинакова въ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, содержи въру непоколебимо; не раздѣляй необъятной славы, но признавай свои обязательства, принятыя при просвѣщеніи; взирай на сыновъ благодати, процвѣтшихъ чрезъ великаго первосвященника,—взирай на дѣтей свѣта, прибѣгшихъ къ проповѣдникамъ свѣта,—потому что возрожденнымъ чрезъ просвѣщеніе должно прибѣгать къ возродившимъ вселенную. Скажемъ и мы съ пророкомъ и апостолами: *возведи очи твои, и виждь собранная чада твоя* (Иса. lx, 4); и опять: *живу азъ, глаголетъ Господь, яко встѣми ими аки въ красоту облечешися неувѣсты* (Иса. хlix, 18). Итакъ, сегодня Исаія предстоить, говоря множеству просвѣщенныхъ, рожденныхъ отъ Святаго Духа, вмѣстѣ и обновленныхъ, измѣненныхъ въ одно мгновеніе, претворенныхъ изъ земного состоянія въ небесный образъ,—изумляется Исаія, говоря: *кто слыша сиевое, кто видѣтъ, что родила земля дѣтей своихъ во единъ день, и родися языкъ* (Иса. lxvi, 8)? Быстро возрожденіе отъ Духа; не ждетъ оно времени, не служитъ рабомъ для сроковъ и поколѣній, но вмѣстѣ желаетъ, вмѣстѣ и рождаетъ возрождаемаго. Прилично было сынамъ свѣта проходить всю площадь съ пышностью, прославлять и возглашать о Немъ, сошедшемъ изъ-за нихъ на землю, чтобы возвести къ Себѣ на небо всю вселенную. Христосъ сошелъ съ небесъ; сошелъ, не удалясь отъ небесъ; взошелъ, не удалясь отъ земли,—потому что ни сошедши, Онъ не оставилъ пустыми небеса, ни взошедши, не оставилъ землю безъ Своего господства. Прилично было сынамъ свѣта носить всюду на площади свѣтильникъ слова; таинство не оскорблялось, не безчестился знакъ истины на новопросвѣщенныхъ. Также прилично было имъ на улицахъ пѣть,—потому что *премудрость во истодѣхъ поется, въ стогнахъ же дерзновение водитъ, на краяхъ же стѣнъ проповѣдуется* (Прит. i, 20, 21). Будемъ очищать воздухъ, который оскверняли блудныя пѣсни, нѣкогда порочили крики нечестивыхъ и вопли совершавшихъ демонскія скверны. И воздухъ, и земля, и небо очищены словомъ свѣта. Какъ стенаютъ небо и земля, при нечестіи нечестивыхъ, такъ опять радуются, при прѣ-

блжности преуспѣвающихъ; дѣйствительно, когда согрѣшаетъ человекъ, негодуетъ небо, негодуетъ и земля, какъ говорить Іеремія: *ужасеся небо о семъ, и вострепета земля*, потому что два зла сотвориша людѣ (Іерем. II, 12, 13). Видишь ли, какъ содрогаются небо и земля, когда согрѣшаютъ люди? А когда они претворяютъ самихъ себя на благочестіе,—слушай, что говоритъ пророкъ: *радуитесь небеса, и веселися земле, да отрыгнутъ горы веселіе, и холми ликование, яко помилова Богъ люди своя* (Иса. XLIX, 13). Пусть говоритъ также Церковь, красующаяся столькимъ сонмомъ и народомъ: я была нѣкогда оставлена одинокою, а эти гдѣ были у меня? Я бездѣтна и вдова, а этихъ кто мнѣ родилъ? Пусть говорятъ къ Богу также дѣти Церкви, соединяемыя въ это множество, голосомъ пророковъ: *тѣсно ми мѣсто: сотвори ми мѣсто, да вселюся* (ст. 20).

Когда процвѣтали (дѣла) заблужденія, когда пастбище ереси распространялось по этому городу,—были погублены дѣти Церкви; и, какъ саранча, напавъ на поднебесную (землю), уничтожаетъ плоды ея, такъ гибельное ученіе уничтожало плоды истиннаго ученія и благочестія. Но сегодня, возлюбленные, отвергнуто гибельное ученіе, и вошла спасительная благодать, возрождающая народъ, и говорящая ему: теперь *воздамъ вмѣсто плодовъ, которые поядоша гусеницы, и трусы, и сиплесе* (Іоил. II, 25). Зачѣмъ, еретикъ, ты соревнуешь съ іудеями, чтобы скрыть славу Единороднаго? Они скрыли воскресеніе, насколько отъ нпхъ (завистѣло); а ты скрываешь божественность, насколько отъ тебя (зависить). Но ни за ними нѣтъ истины, ни ты не понимаешь благочестія. Слушай пророка, говорящаго: *покры небеса добродѣтель его, и хваления его исполны земля* (Аввк. III, 3). Хваленія, не овладѣнія; вѣры, а не испытыванія; любви, а не изслѣдованія. Мы были научены не изслѣдывать, но были наставлены вѣровать; вѣруя, просвѣщаемся,—не любопытствуя, принимаемъ крещеніе. Пусть тебя не обольщаютъ собранія еретиковъ, потому что у нихъ крещеніе—не просвѣщеніе; они принимаютъ крещеніе тѣломъ, а душою не просвѣщаются. Какъ и Симонъ былъ крещенъ, но не просвѣщенъ, равно такими же оказываются и они. Итакъ, да ликуетъ духъ апостоловъ, уловившій духовною сѣтью этотъ многій народъ чрезъ Святаго Духа. Теперь на нашихъ глазахъ исполнился пророческій голосъ: въ послѣдніе дни, говоритъ Господь, *не рекуть этому: вотъ кивотъ завета Святаго Израилева*, то есть, древнее служеніе, и не въздетъ на сердце ихъ заветъ кивота (Іерем. III, 16). Почему? Потому что *се азъ пошлю многихъ ловцовъ и рыбаки* (Іерем. XVI, 16). Онъ описалъ ветхій кивотъ, и ввелъ негибнущій кивотъ Церкви. *Пошлю многихъ ловцовъ и рыбаки*. О, дивная ло-

вита! Уловленный вчера уловляет сегодня; исполнена земля славы Христа, и исполнены вѣры предѣлы вселенной. Итакъ, не оскорбляй достоинство изъ-за домоправленія. Отъ іудеевъ вышло слово, что воскресеніе было продано, и вышло слово, что ученики Его украли Его. Итакъ, они объявили смертный приговоръ противъ Его тѣла, а призываютъ къ богословію о Немъ, насколько отъ нихъ (зависитъ). Но у нихъ сегодня въ обращеніи заблужденіе, а въ Церкви проповѣдуются вѣчная жизнь. И, если угодно, у тебя есть также древній образъ: какъ Іосифъ, когда его братья устроили противъ него козни, оплакивался сильно Іаковомъ и его домомъ, но въ Египтѣ былъ живъ и царствовалъ,—онъ оплакивался Іаковомъ, какъ мертвый, а живымъ царствовалъ въ Египтѣ,—такъ и теперь Онъ считается мертвымъ синагогою и безуміемъ еретиковъ,—уничтожающіе вѣру и вводящіе изслѣдованіе умерщвляють богословіе, а у насъ Онъ царствуетъ живымъ и Ему поклоняются по достоинству. Но въ дѣйствительности крѣпко слово Божіе, непобѣдимо ученіе апостоловъ, такъ что не напрасно трудился голосъ Павла, содѣйствовавшаго истинѣ. Ты однакожъ, блаженный Павелъ, побуждаемый за истину, скажи, вознегодуй за вѣру, скажи въ негодованіи еретикамъ: откуда вы научились аристотелевскому? Кто предпочелъ Платона Евангеліямъ? Кто отвергъ проповѣдь вѣры, и ввелъ повѣрующее изслѣдованіе? Гдѣ ты узналъ: нерожденный и рожденный? Ты оставилъ Отца, отвергъ названіе Сына, счелъ недостойнымъ достоинство Духа, обращаешься къ человѣческимъ словамъ. Хорошо го-
548 ворилъ Іеремія: *погибе вѣра отъ устъ ихъ* (Іерем. vii, 28). Чтѣ сказалъ Петръ, и былъ ублаженъ? *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога* (Мѣ. xvi, 16). Не сказалъ онъ: ты рожденіе нерожденного, но—*ты еси Христосъ, Сынъ Бога*. Когда Отецъ открывалъ ему мудрость, неужели онъ не умѣлъ понять? Неужели Христосъ не могъ сказать апостоламъ, когда повелѣлъ имъ крестить: отправившись, крестите народы во имя нерожденного и рожденного? Но онъ (Петръ) пашелъ имя мудрѣ тайственныхъ преданій. Ты описываешь божественное, уничтожаешь вѣру и вводишь изслѣдованіе; но страшишь, врагъ: Петръ владѣть ключами; онъ получилъ ключи, когда сказалъ: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога*. Которыхъ увидитъ Петръ называющими Сыномъ, тѣмъ открываетъ дверь царства; а которыхъ найдетъ называющими твореніемъ и богохульствующими, отъ тѣхъ закрываетъ дверь Церкви. Онъ получилъ ключи не прежде, чѣмъ сказалъ: *ты еси Сынъ Бога*; тогда и онъ слышитъ отъ Него: *блаженъ еси Симоне ваіъ Іона: дамъ ти ключи царства небеснаго* (Мѣ. xvi, 18, 19). Послѣ исповѣданія—власть; послѣ вѣры—передача Церкви и царства.

3. Но одни выступают противъ Сына, другіе возстаютъ противъ Святого Духа; никакой пользы, когда Христа признаютъ, и Духа Святаго отвергаютъ; равно никакой пользы, когда признаютъ Отца, и Сына отвергаютъ. Иудеи также признаютъ Отца, отрицая Сына, и у нихъ нѣтъ вѣчной жизни. Презиравшій славу Сына не принимаетъ Отцомъ. Тщательно вникни: и друзья Іова собрались для Бога, но осудили Іова; а Богъ не одобрилъ даже содѣйствовавшихъ Ему, но говоритъ: зачѣмъ вы говорили противъ раба моего, Іова (Іов. хлп, 7)? Если Онъ не принялъ друзей, говорившихъ противъ Іова и славившихъ Его, то приметъ ли когда-нибудь отвергающихъ Сына и признающихъ Его. Ни въ какомъ случаѣ,—потому что *ненавидяй мене*, говоритъ, *и Отца моего ненавиждь* (Іоан. хv, 23). Одинаково, какъ Отецъ не принимаетъ чести для Себя, когда Сынъ отвергается,—такъ ни Отецъ и Сынъ, когда отвергается Святой Духъ. Павелъ нашелъ получившихъ начало отъ еретическихъ плевать, но еще безъ дерзновенія. Въ Ефесѣ Азійскомъ онъ находить нѣкоторыхъ крещенныхъ, и говоритъ имъ: *аще Духъ святъ пріяхи есте впровадивше?* А они сказали: *ниже аще Духъ святой есть, слышахомъ*. Потомъ доблестный голосъ: *во что убо креститесь* (Дѣян. хix, 2, 3)? Пусть Петръ и Павелъ наставятъ Церковь, чтобы не слетались еретическія изслѣдованія. Откуда ненавистное названіе Евномія? Откуда еретическія сѣмена? Подлинно, погибла истина у нечестивыхъ, и возобладало аристотелевское ученіе. Ты постигаешь предѣлы человѣческой природы въ божественной (природѣ) и нерожденномъ, и называешь (Его) рожденнымъ? Но чѣмъ же, говоритъ, ты называешь Отца? Называю нерожденнымъ, но не какъ ты; называю Отца нерожденнымъ, потому что Онъ не былъ рожденъ. Но называю также нерожденнымъ Адама, потому что онъ не былъ рожденъ, а созданъ. Не изумляй слушателей: это выдумки; нерожденъ Отецъ, и многое другое нерожденно. Потому, все, что не родилось, называется нерожденнымъ; также все дѣлающееся, но еще несдѣлавшееся, называется нерожденнымъ; воскресеніе мертвыхъ нерожденно теперь, потому что оно дѣлается, но еще не сдѣлалось, не приготовлено, еще не родилось. Нерожденнымъ называется также то, что не сдѣлано, и что не должно быть сдѣлано когда-либо, каково многое нерожденное; такъ пророки и, въ частности, Даніиль говоритъ: *видѣхъ четыре зѣтри исходящу изъ моря*: и былъ первый звѣрь *аки львица*, и крыль его *аки орли* (Дан. vii, 2—4). Гдѣ ты, скажи мнѣ, видѣлъ звѣря, львицу, съ такимъ устройствомъ? Гдѣ видѣлъ звѣря съ желѣзными когтями и мѣдными зубами? Это пророкъ изобразилъ согласно видѣнію; (такого) не было и не бываетъ, этотъ звѣрь

есть нерожденный, никогда не бывший, (звѣрь) лишь по имени. Какія это были жены съ крыльями, которыхъ видѣлъ Захарія и которыя *имяху крыла* (Зах. v, 9)? Гдѣ ты видѣлъ барса съ крыльями? Все это рассказываетъ блаженный Даніилъ. Или, гдѣ ты видѣлъ статую, устроенную изъ золота, серебра, мѣди, жельза и глины, какую видѣлъ Даніилъ? Каждое изъ этого нерожденно, потому что не было, а изображено, какъ измышленіе и видѣніе. Итакъ, не думай, что ты доставляешь Отцу нѣчто очень пріятное, когда называешь Его нерожденнымъ,—такъ какъ многое также другое нерожденное называется нерожденнымъ. Знаю, что это слово глубоко; но я дошелъ и до этихъ мѣстъ, чтобы отличить еретическое нечестіе. Называется также человекъ нерожденнымъ, если онъ нерожденъ. Но если онъ не былъ рожденъ, скажешь, то почему (такъ) называется? Покажу тебѣ человека нерожденного: Спаситель говоритъ объ Іудѣ предателѣ: *горе человеку тому, имже Сынъ человеческій предается: добро бы было ему, еще не бы родился* (Мѣ. ххvi, 24). А какъ ему было бы хорошо? Въдъ несуществующему ничто не приноситъ ни пользы, ни вреда. И Соломонъ ублажаетъ нерожденного человека, говоря такъ: счастливъ умершій больше, чѣмъ живущій, *и паче обоихъ, имже еще не бысть* (Екк. iv, 2, 3). Но какимъ образомъ онъ блаженъ, если не былъ рожденъ? Обрати вниманіе на имена нерожденной природы. Онъ называлъ блаженнымъ человека нерожденного, и даже несоставленного,—такъ что названіе нерожденного не объясняетъ божественной природы, и не обозначаетъ, какъ ты говоришь, нерожденной сущности, и не приноситъ чести Отцу; у пророка есть и другія имена нерожденныхъ и рожденныхъ, какъ доказано раньше, но они указываютъ только на несуществующее. Но скажемъ имъ съ Давидомъ: *повѣдаща мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко законъ Твой Господи* (Псал. сѣхш, 85). Прими Петровъ голосъ, Павлово ученіе: *Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки* (Рим. ix, 5). Святой Духъ да будетъ покланяемъ, воспѣваемъ, славимъ. Изъ божественнаго Писанія мы богословствуемъ,—желаютъ ли враги, или нѣтъ; свѣдѣтельствуешь мнѣ и Павелъ, говоря: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и кто обитатель* (1 Кор. iii, 16)? и: *Духъ Божій живетъ въ васъ*. Итакъ, иное храмъ, и иной обитающій. Не слышалъ ли ты Петра, который сказалъ: *Ананіе, почто исполни сатана сердце твое, солгати тебѣ Духу святому?* и прибавилъ: *не человекомъ солгалъ еси, но Богу* (Дѣян. v, 3, 4). Но еретики говорятъ: онъ не называлъ Духа Богомъ, а (сказалъ лишь), что Духъ былъ посланъ отъ Бога: оскорбляющій Духа, говорятъ, оскорбляетъ Бога, посланнаго Духа. Но, о, неразумный и несмысленный!—а для без-

божника нѣтъ никакого другого болѣе подходящаго названія, какъ неразумный: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Исал. xш, 1),—онъ не сказать такъ, какъ ты полагаешь. Если бы оскорбленіе Духа восходило къ Богу, какъ пославшему, нужно было бы сказать: не Духу ты солгалъ, но Богу. Но этого достаточно; должно уподобить апостольскому хору Святую Троицу, о Которой Отецъ возвыщаетъ. Троица апостоловъ—свидѣтели небесной Троицы. Итакъ, возвеселимся въ чистотѣ и скажемъ: *много чада пустыя, паче нежели имущія мужа* (Иса. liv, 1), или—нежели всякая ересь, имѣющая учителемъ человѣка, а не Бога. Молитвами и ходатайствомъ общаго отца и учителя, да пребудемъ всѣ мы вмѣстѣ съ апостолами и мучениками въ православной вѣрѣ, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Его же, о кротости ¹⁾.

1. Думаю, всѣ вы ясно знаете, что прилично разумно слушающимъ слова Божіи упражняться въ хорошихъ нравахъ и добродѣтельныхъ обычаяхъ. Чѣмъ особенно отличаются рабы Христовы отъ незнающихъ истины, такъ это тѣмъ, что они живутъ по добросердечію и дѣлаютъ свою жизнь достойною благочестія. Ничего нѣтъ неестественнаго, если незнающіе Христа порочны и негодны по своему обычаю; а рабъ Христовъ пусть болѣе называется по кротости нрава, чѣмъ по имени, положенному на него его родителями. Не столько Богъ любитъ родъ 549
человѣческій за дѣвство, за постъ, за презрѣніе имуществъ, за готовность простирать руку нуждающимся, сколько за кротость и благопорядокъ въ нравахъ; даже готовность помогать нуждающимся у всѣхъ любящихъ Христа ни откуда больше происходитъ, какъ только отъ добросердечія. И какъ потоки изъ источниковъ, такъ попеченіе о нищихъ (проистекаетъ) изъ кротости нрава. Всякій добрый и кроткій легко привлекается къ человѣколюбію, и не можетъ перенести пренебреженіе къ находящимся 550
въ нуждѣ, считая бѣдность другихъ несчастіемъ для самого себя. Зависть хуже всего; а добрый и кроткій мужъ не допускаетъ въ свою душу этой злой болѣзни, но, при видѣ братьевъ,

¹⁾ Подобно предыдущей и эта бесѣда признается сомнительной. Объ авторѣ ничего неважно.

пользующихся хорошей славой, сорадуется и желает счастья, считая хорошую славу других хорошою славой для самого себя, почитая достойные друзей общимъ, сорадуясь имъ въ добромъ, скорбя съ ними въ печали. Таковы дары кротости, такова жизнь живущихъ добротою: кроткій—отецъ сиротъ, заступникъ вдовъ, попечитель о бѣдности, помощникъ обижаемымъ, всюду правдивъ. Живущій кротостію почтененъ—и отецъ для сына, и сынъ для отца, и рабъ для господина, и ничто другое не помогаетъ столько господину пользоваться благосклонностію рабовъ: когда они видятъ его радующимся добру и относящимся ко всѣмъ кротко,—высоко цѣнятъ и удивляются, считая (его) болѣе отцомъ, чѣмъ господиномъ и обладателемъ.

Вотъ мы, по нашимъ силамъ, тщательно изслѣдуемъ, сколько для добрыхъ происходитъ блага изъ кротости ихъ нравовъ. Кроткій любезенъ для видящихъ, любезенъ и для знающихъ по слуху; нѣтъ никого, кто бы, слыша, что хвалятъ человѣка за кротость, не пожелалъ на него взглянуть, привѣтствовать и постоянно видѣть, извлекая отчасти для себя пользу изъ такой дружбы. И если какіе-нибудь другъ съ другомъ поссорятся изъ-за имущества, они спѣшатъ къ доброму и кроткому, думая, что всякій споръ и тяжба разрѣшатся скоро по его добротѣ. И если случится, что люди злорадствуютъ другъ къ другу,—кротость судьи пристыжаетъ, такъ что легко увлекающіеся гнѣвомъ и яростію дѣлаются кроткими. А если нѣкоторые, желая приводить ссорящихся къ дружбѣ, сами себя покажутъ иными, то къ нимъ не можетъ явиться уваженія,—потому что въ каждомъ дѣлѣ, думаю, убѣдителенъ тотъ совѣтникъ, который прежде всѣхъ берется за дѣйствія, держаться которыхъ онъ совѣтуетъ. Итакъ, когда учитель доброты является первымъ утверждающимъ свои наставленія,—онъ, какъ только появляется, укрощаетъ даже бѣснующихся, и совсѣмъ ему ненужны внушенія и слова, онъ вводитъ миръ, прежде чѣмъ что-либо произнесетъ. И какъ лучъ солнца, появившись, быстро прогоняетъ тьму, такъ добрый и кроткій быстро измѣняетъ смущеніе и ссору въ миръ и тишину. Слѣдуетъ также и то замѣтить, что только о мирныхъ по нраву Христосъ говоритъ, что они сыны Божіи (Мѣ. v, 9). Итакъ, за что Онъ предоставилъ участіе въ собственномъ Своемъ названіи только добрымъ? За то, что только становящійся между другими виновникомъ дружбы и мира подражаетъ по силѣ Сыну Божію. Онъ, какъ Богъ и Господь всего, явившись къ намъ чрезъ Свою божественную плоть, соединилъ въ любви святыхъ ангеловъ и людей, бывшихъ въ непріязни; а добрый человѣкъ убѣждаетъ братьевъ, родственниковъ и домашнихъ, стоящихъ другъ къ

другу въ непріязни,—почтить законы Божіи и, отбросивъ вражду, любить другъ друга, по божественному повелѣнію. И что въ тѣхъ нашемъ жили, то добрый человѣкъ въ домѣ, церкви и городѣ. Павелъ обычно называетъ братьевъ тѣломъ и членами другъ друга (Еф. iv, 25); приводящій къ любви раздѣлившихся и ссорящихся подтверждаетъ слово Павла, убѣждая всѣхъ не забывать своихъ членовъ, и не поѣдать другъ друга. Итакъ, истинно то слово,—что становящійся виновникомъ мира между братьями, сближающій и соединяющій раздѣлившихся и ссорящихся другъ съ другомъ, имѣетъ ту же самую силу въ церкви, домѣ и городѣ, какую имѣютъ въ тѣлѣ жили. Каждый получаетъ эту силу надъ другими, когда онъ самъ первый является живущимъ по добру; а легко увлекающійся гнѣвомъ можетъ показаться смѣшнымъ для многихъ, когда будетъ стараться дѣлать кроткими раздражающихся. Что можетъ быть хуже людей, служащихъ рабами грѣху? Кто, видя такого, не отвращаетъ своихъ глазъ? Гнѣвный мужъ непріятенъ для встрѣчныхъ, непріятенъ для сосѣдей, и, если будетъ поставленъ въ нужду относительно денегъ, не легко добудетъ облегчителей бѣдности; онъ общій врагъ и гражданъ, и пришельцевъ, когда шумитъ и кричитъ, наноситъ удары встрѣчнымъ, говоритъ возможное и невозможное; у такого взоръ отуманивается, лицо вздувается, языкъ неистовствуетъ, руки легко поднимаются на все, такой дѣлаетъ свойственное одержимому демономъ, и иной, видя человѣка въ ярости, можетъ недоумѣвать—демонъ ли преслѣдуетъ несчастнаго, или самъ по себѣ онъ увлекся въ такое безуміе. Гнѣвъ—послушный демонъ, самопроизвольное безуміе, отсутствіе мозга; раздражающійся — игрушка діавола, мастерская демоновъ, слуга, достойный ихъ злости. Скажи мнѣ, чего особенно желаютъ демоны, чтобы люди дѣлали? Не того ли, чтобы оскорбляли родителей? Чтобы возлагали на родившихъ свои скверныя руки? Чтобы злословили Бога? Все это дѣла раздражающихся, такъ, что ярость легко дѣлается у поработившихся гнѣву и виновницей нечестія. Предавшіе самихъ себя ярости не могутъ даже скоро сдерживать самихъ себя; но, какъ въ ненастье и морскую бурю, при отсутствіи кормчаго, волны, овладѣвая оставленнымъ кораблемъ, быстро потопляютъ его, такъ и ярость, точно такая гроза и упавшее на душу ненастье, быстро дѣлаетъ поработившагося ей безумнымъ и помѣшаннымъ. Итакъ, что же? (Дѣло) доброжелательныхъ людей—заранѣе останавливать эту бурю, удерживать душу и успокоивать ярость увѣщаніями Писанія, прежде чѣмъ увлечется гнѣвомъ. Если звѣри легко уступаютъ заклинаніямъ чародѣевъ, — чему удивляешься, что

слова Христа быстро измѣняютъ дикую душу въ тихую и уравновѣшенную? *Всяка горестъ, говорятъ (апостолъ), и гнѣвъ, и ярость, и кличъ да возмется отъ васъ, со всякою злобою: бывайте же другъ ко другу блази, милосерди, прощающе другъ другу: если кто-нибудь будетъ имѣть укоръ къ кому-нибудь, якоже и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ. Бывайте убо подражатели Богу* (Еф. iv, 31, 32; v, 1). Видите ли, каковъ кроткій? Подражателемъ кого онъ называется? Не ангеловъ, не архангеловъ, но Владыки всѣхъ. Хотя и они—кротчайшіе и исполнены всякой добродѣтели, однако Павелъ назвалъ кроткихъ соревнователями Божиими, чтобы величіемъ этой чести наставить слушающихъ быть кротчайшими, чтобы всякій, оскорбляемый или терпящій что-нибудь иное ужасное, переносилъ поношенія кротко, и удерживался бы отъ гнѣва, какъ имѣющій слѣдовать Богу, въ воздержаніи отъ гнѣва. Въ чемъ именно (дѣло) Божіе? Онъ свѣше все видитъ и слышитъ, а много обидъ въ томъ, что говорится и дѣлается на землѣ. Есть нѣкоторые, дошедшіе въ нечестіи до того, что даже Бога злословятъ, когда опечалятся чѣмъ-либо въ своихъ дѣлахъ, и, смотря на небо, не удерживаются ни отъ какого слова; а Богъ 533 переноситъ, и не мститъ, имѣя столько силы для отмщенія нечестивымъ. Если бы Богъ наказывалъ всѣхъ согрѣшающихъ, очень мало было бы спасающихся, ни живыхъ не было бы достаточно для погребенія. Потому Давидъ говоритъ: *аще беззаконія назириши Господи, Господи, кто постоитъ яко у тебе очищеніе есть* (Псал. cxix, 3). Теперь же и въ этомъ самомъ Богъ показываетъ Свое человеколюбіе,—что Онъ не наказываетъ даже по справедливости. Итакъ, кто желаетъ быть подобнымъ Богу, пусть будетъ, по силѣ человеческой, кроткимъ и смирнымъ, и пусть благородно переноситъ, когда будетъ терпѣть что-либо ужасное отъ постороннихъ. *Любите, говорятъ (Господь), враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгонящихъ вы, яко да будете подобны Отцу вашему, иже на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Лук. vi, 27; Мѡ. v, 44, 45).

Итакъ, много есть добродѣтелей, приличествующихъ христіанскимъ мужамъ, но больше всѣхъ кротость, потому что только сіяющихъ ею Христосъ называетъ ревнителями Божиими. Намъ слѣдуетъ, когда оскорбитъ кто-либо, или ударить, или сдѣлаетъ другое что ужасное, переносить все благородно съ спокойною душою, помышляя о томъ, что кротость дѣлаетъ подражателями Богу. И самъ Владыка и Спаситель нашъ, будучи оскорбляемъ, получая удары, подвергаясь пригвожденію, распятію на крестѣ, кротко перенесъ іудейское безуміе, и не отмстилъ, имѣя столько

силы для отмщенія нечестивымъ, но показать Свою силу въ сотрясеніи земли, воскресеніи мертвыхъ, сокрытіи солнца и обращеніи дня въ ночь, а кротость и челоуѣколюбіе въ томъ, что не наказалъ никого изъ нечестивыхъ, — чтобы знали всѣ нечестивые, поднимавшіе руки на Владыку, что такъ легко потрясши землю и повелѣвши солнцу сразу сдѣлаться невидимымъ легко бы наказалъ безумцевъ; теперь же, такъ какъ Онъ смиренъ и кротко переноситъ безуміе нечестивыхъ, не только самъ кротко претерпѣлъ распинающихъ, злословящихъ, но даже умилъ Отца не употреблять противъ нечестивыхъ небесныхъ стрѣлъ. Итакъ, когда къ тебѣ, терпящему что-либо ужасное и невыносимое, подступятъ гнѣвъ и ярость, вспомни о кротости Христа, и скоро станешь смиреннымъ и кроткимъ, извлекая величайшую пользу изъ кротости не только для себя, но принося пользу даже врагу, и наставляя (его) быть добрымъ. Когда онъ увидитъ, что ты, удерживаясь отъ гнѣва, до крайности кротко терпишь, — скоро и онъ будетъ хорошимъ и добрымъ и, отбросивъ ярость, пожелаетъ сдѣлаться ревнителемъ твоей кротости. Такимъ образомъ, кто желаетъ побѣждать раздражающихся, — пусть благородно переноситъ оскорбленія и удары, — и онъ увидитъ много перемѣны въ обезумѣвшемъ и поражающемъ; если же онъ, побѣжденный гнѣвомъ, будетъ стараться отразить равнымъ (оружіемъ) врага, — не будетъ никогда предѣла гнѣву и борьбѣ, но вѣчно безумствующие и желающіе побѣждать другъ друга поношеніями и ударами увлекутся въ безграничную войну и борьбу, замысливъ другъ противъ друга, навязывая клеветы, осмѣливаясь ложно клясться, думая обвинять въ томъ, чего не видѣли и не слышали, днемъ, какъ собаки, неистовствуя и ища врага, а большую часть ночи употребляя на обдумываніе какого-либо зла и приготовленіе козней. Такихъ не очищаетъ отъ страстей даже сонъ, но, при мысли, что есть врагъ, что онъ поноситъ и поражаетъ, они пробуждаются во время сна, желая взаимной рѣзни больше, чѣмъ трапезы; а другіе, въ опьяненіи гнѣвомъ, чѣмъ больше получаютъ зла другъ отъ друга, — нанимая клеветниковъ и преподнося одинъ другому невыразимыя обстоятельства, — тѣмъ болѣе подстрекаются на безуміе. Что, (какъ) говорятъ, терпятъ пьяницы, которые ненасытимымъ пьянствомъ увлекаются къ болѣе сильной жадѣ, то же терпятъ поработившіеся гнѣву, которые увлекаются безмѣрными спорами къ все большему и тяжѣйшему безумію: этотъ называлъ рабомъ, тотъ — сыномъ блудницы, этотъ — безумнымъ, тотъ — бѣсноватымъ, этотъ — воромъ и несправедливымъ, тотъ — исполненнымъ всякой низости. Потомъ, въ опьяненіи отъ гнѣва, схватившись другъ съ другомъ, бы-

вають почти похожи на звѣрей, когда бьютъ (другъ друга), толкають, кусаютъ, разсѣкають тѣло, не щадя никакой части (его), ни глаза, ни ушей, ни носа, ни лица, ни другого какого-либо члена, но, столкнувшись другъ съ другомъ и разсѣкши самихъ себя,—и какого (только) зла не сдѣлають?—удаляются отъ борьбы: одинъ съ вырваннымъ глазомъ, другой—губами, иной—другою какою-либо частью тѣла, губя болѣе душу, чѣмъ тѣло, въ безуміи, помѣшательствѣ, ярости, въ невѣдѣніи закона Божія и Спасителя, повелѣвающаго побиваемымъ, поражаемымъ и прочее терпящимъ переносить все благородно со спокойною душою, и побуждать кротостію ярость обижающихъ. Дѣлающій такъ восхваляется людьми, а вѣнчается Богомъ и Спасителемъ. Потому нужно, въ виду вѣнца, который приготовляетъ Богъ для хорошихъ и добрыхъ, быть стойкимъ и кротко терпѣть гнѣвающихся. Вѣдь глупо, что борцы гимнастическихъ состязаній, въ виду пустой славы и ничего нестоющаго вѣнка, переносятъ пыль, удары и раны,—а мы, имѣющие увѣнчаться Христомъ, не удерживаемся отъ гнѣва, не переносимъ все благородно, но предпочитаемъ краткое удовольствіе и несправедливую ярость небесной чести и хорошей славы. И то мы знаемъ, что изъ многого и великаго, чѣмъ была украшена жизнь праведныхъ, это, т. е. жизнь по добротѣ и кроткое отношеніе къ обижающимъ, прежде всего другого сдѣлало блестящими этихъ мужей. Благодаря этому, Моисей, кротко перенося іудейское безуміе и спасая своими молитвами враговъ, насладился небесною честію и хорошою славою болѣе остальныхъ, и былъ названъ другомъ Божиимъ; благодаря этому, Давидъ, щадившій враговъ и непріятелей, снискалъ предъ Богомъ много благоволенія и любви. Это можетъ украшать всякаго человѣка, а особенно состоящихъ во власти. Для всемогущей царской власти сдерживать себя и дѣлать законъ Божій своимъ водителемъ въ дѣлахъ—это великая похвала и слава. И Павелъ, и Петръ, достигшіе чрезъ эту добродѣтель небеснаго свода, жили ею, возсіяли кротостію больше, чѣмъ прочими благами, чувствуя поношающихъ, дѣлая добро врагамъ, часто спасая молитвами побивавшихъ камнями; поступая такъ, они знали, что это особенно угодно Богу, и болѣе прочихъ благъ почитается на небѣ. Потому они оказались свою жизнь украшающими кротостію, и прочихъ людей побуждающими къ ней. Видя также Стефана молящимся за враговъ во время опасности за благочестіе (Дѣян. чп, 59), мы одинаково удивляемся кротости и подвигамъ. Итакъ, когда у насъ столько и такихъ руководителей въ добротѣ, будемъ побуждать самихъ себя и другихъ идти по ихъ слѣдамъ, и служить кротостію Богу, принимающему

556

это служеніе съ большою радостію. чѣмъ всѣ остальные добродѣтели. И божественнѣйшій Павелъ, намѣреваясь показать добродѣтель апостола, желаетъ явиться служителемъ Христовымъ особенно по кротости (1 Тим. ш, 3; Тит. ш, 2); хотя много онъ могъ сказать, если бы желалъ говорить о предметахъ, украшающихъ апостола—объ изгнаніи демоновъ, воскресеніи мертвыхъ, однако, все это миновавъ, онъ всюду рассказываетъ о добротѣ въ правахъ, излагая и говоря, въ какомъ кроткомъ отношеніи онъ былъ ко врагамъ, чтобы и насъ убѣдить идти по его слѣдамъ, и быть добрыми и кроткими. Итакъ, справедливо слѣдовать этимъ святымъ, и дѣлать ихъ примѣромъ жизни для себя, чтобы, блистая всѣмъ прекраснымъ, достигнуть намъ благъ, обѣтованныхъ великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ всякая слава, честь и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.
